

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2025 Vol. 8 № 1 (25)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

“Caucasian Science Bridge” journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 15.07.2025. Подписано в печать 18.08.2025. Выход в свет 19.08.2025.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18,25. Тираж 550 экз. Заказ № 10086.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Корзина А.А.

Концепция «электронного правительства»: разработка категориального аппарата..... 8

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Жиденко А.А.

Ключевые барьеры в развитии семейной медиации в Ростовской области
(по материалам глубинных интервью) 22

Мыкалова Е.Е.

Семья в нарративах студентов из замещающих и биологических семей 31

Трошкина И.Н.

Семейное поведение населения регионов Южной Сибири 40

Катаев Д.В.

Проблемные вопросы ресоциализации бывших осужденных –
участников специальной военной операции 51

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ковалев В.В., Лазарева Г.Ю.

Социальное партнерство как фактор повышения качества подготовки
инженерных кадров (на примере технических вузов Ростовской области) 62

Казанцев О.А.

Достигнуть равновесия: объясняя и преодолевая
институциональные дисфункции в среднеобразовательной российской школе..... 80

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Абдулагатов З.М., Загирова Э.М.,

Шахбанова М.М., Рамазанов Р.О.

Террористические акты 23 июня 2024 г. в городах Махачкала и Дербент:
причины, социальные смыслы в свете решения проблем
профилактики экстремизма и терроризма в Республике Дагестан
(анализ результатов опроса общественного мнения и экспертных оценок) 108

Понамарев А.Б.

Некоммерческие организации в фокусе общественного мнения
(на примере Ростовской области) 125

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Клименко Л.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д.

Бюджетное и премиальное российское вино:
анализ стратегий позиционирования.....136

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 148

CONTENT

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Korzina A.A.

The concept of “e-government”: specification of the categorical apparatus..... 8

SOCIOLOGY OF FAMILY AND CHILDHOOD

Zhidenko A.A.

Key barriers in the development of family mediation in the Rostov region
(based on in-depth interviews) 22

Mykalova E.E.

Family in the narratives of students from substitute and biological families 31

Troshkina I.N.

Family behavior of the population of the regions of Southern Siberia..... 40

Kataev D.V.

Problematic issues of the re-socialization
of former convicts participating in the special military operation..... 52

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Kovalev V.V., Lazareva G.Y.

Social partnership as a factor in improving the quality of engineering training
(on the example of technical universities of the Rostov region) 63

Kazantsev O.A.

Achieve balance: Explaining and overcoming institutional dysfunctions
in Russian secondary schools 80

SOCIOLOGICAL EXPERTISE: ACTUAL PROBLEMS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Abdulagatov Z.M., Zagirova E.M.,

Shakhbanova M.M., Ramazanov R.O.

The terrorist attacks of June 23, 2024 in Makhachkala and Derbent:
causes, social meanings in the light of solving the problems
of preventing extremism and terrorism in the Republic of Dagestan
(analysis of the results of a public opinion poll and expert assessments) 109

Ponamarev A.B.

Non-profit organizations in the focus of public opinion
(on the example of the Rostov region) 125

DISCUSSION TRIBUNE

Klimenko L.V., Krivosheeva-Medyantseva D.D.

Analyzing positioning strategies for basic and premium Russian wines.....136

INFORMATION FOR AUTHORS.....136

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья

УДК 323.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.1>

EDN ELXAGA

**Концепция «электронного правительства»:
разработка категориального аппарата****Алена А. Корзина¹**¹Вологодский научный центр Российской академии наук,
г. Вологда, Россия

e-mail: lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. В условиях развития информационных технологий и повсеместной интеграции их в общественно-государственные отношения актуальным становится рассмотрение теоретических аспектов и ключевых понятий концепции «электронного правительства», внедрение в государственную практику которого направлено на минимизацию физического взаимодействия государственных служащих и граждан, а также на повышение качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг. Цель статьи состоит в конкретизации категориального аппарата концепции «электронного правительства» через анализ российского и зарубежного научного дискурса.

Материалы и методы. Положения статьи основываются на элементах управленческого подхода к исследованию «электронного правительства». В качестве информационной базы выступают официальные документы, регламентирующие вопросы внедрения электронного правительства в Российской Федерации и за рубежом, а также научные публикации по данной тематике.

Результаты и их обсуждение. В работе рассмотрены терминологические особенности основных категорий: «электронное государство», «электронное правительство», «электронная власть», «электронное управление», «электронное администрирование». На основании обобщения научной литературы выявлено, что наблюдается вариативность в использовании и интерпретации указанных категорий, а также определены ключевые характеристики данных понятий и установлено их соотношение. Сделан вывод, что для обеспечения ясности и последовательности в научных исследованиях и практической деятельности необходимо стремиться к уточнению и унификации терминологии. Работа структурирует поле для дальнейших прикладных исследований в области внедрения информационных технологий в государственное управление. В заключительной части статьи отмечен переход на новый этап развития: от «электронного» к «цифровому правительству».

Ключевые слова: e-government; информационное общество; электронное государство; электронное правительство; электронная власть; электронное управление; электронное администрирование, цифровое государство, цифровое правительство.

Для цитирования: Корзина А.А. (2025). Концепция «электронного правительства»: разработка категориального аппарата. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 8–20. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.1>.

The concept of “e-government”: specification of the categorical apparatus**Alena A. Korzina¹**¹Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russia

e-mail: lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the context of the development of information technologies and their widespread integration into public-state relations, it is becoming relevant to consider the theoretical aspects and key concepts of the concept of “electronic government”, the introduction of which into public practice is aimed at minimizing physical interaction between civil servants and citizens, as well as improving the quality of public and municipal services provided. The purpose of the article is to concretize the categorical apparatus of the concept of «electronic government» through the analysis of Russian and foreign scientific discourse.

Theoretical justification. The provisions of the article are based on a managerial (administrative) approach to the study of “electronic government”. The information base includes official documents regulating the implementation of e-government in the Russian Federation and abroad, as well as scientific publications on the subject.

Results and its discussion. The paper considers the terminological features of the main categories: “electronic state”, “electronic government”, “electronic governance”, “electronic administration”. Based on the generalization of scientific literature, it is revealed that there is variability in the use and interpretation of related categories, as well as the key characteristics of these concepts are identified and their relationship is established. It is concluded that in order to ensure clarity and consistency in scientific research and practical activities, it is necessary to strive for clarification and unification of terminology. The work structures the field for further applied research in the field of information technology implementation in public administration. In the final part of the article, the transition to a new stage of development is noted: from “electronic” to “digital government”.

Keywords: information society; electronic government; electronic governance; electronic administration; digital state, digital government

For citation: *Korzina A.A.* (2025). The concept of «e-government»: specification of the categorical apparatus. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 8–20. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.1>.

Введение

Американский философ, социолог и футурист Э. Тоффлер в своей книге «Третья волна» представил цивилизационную типологию изменения общества, в которой выделил в истории развития человечества три волны цивилизации: сельскохозяйственную, индустриальную и информационную (Тоффлер, 2004). В настоящее время идет период третьей, компьютерно-информационной эры, которая проходит как процесс информатизации всех сфер жизни общества и жизнедеятельности человека. Данная эпоха характеризуется развитием компьютерных технологий, биотехнологий, информатики и т.д. и является базисом для развития постиндустриального общества, в котором, как отмечает Д. Белл, важность и ценность информации ставятся выше, чем наличие материальных благ (Белл, 2004).

Сегодня в связи с активно модернизирующейся информационной эпохой главной задачей человека является глобальное исследование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), полное освоение которых приведет к неизбежной трансформации общества в «информационное общество».

Правовой основой наступления «информационного общества» является «Окинская Хартия глобального информационного общества», принятая 22 июля 2000 г. на саммите лидеров стран «Большой восьмерки». Ключевыми аспектами данного документа являются:

- представление ИКТ ключевым понятием и важнейшим способом развития информационного общества;
- важность разработки и применения эффективных экономических стратегий государственного уровня для достижения целей информационного общества;
- наличие прав человека на доступ к информационным технологиям;
- готовность подписавших данную Хартию правительств государств к содействию в продвижении усилий по укреплению нормативно-правовой базы для создания информационного общества;
- наличие деятельности государств по сокращению разрыва в уровне развития информационных технологий как внутри страны, так и на международной арене.

Указанные направления деятельности побудили страны приступить к повсеместному внедрению ИКТ в деятельность органов государственного и муниципального управления, что способствовало повышению эффективности их работы и по-

зволило существенно сократить расходы на содержание структур исполнительной власти. В дальнейшем внутренняя информатизация государственных органов расширилась и мир перешел к электронному сетевому информационному взаимодействию с гражданами и организациями. Так, в начале XXI в. в большинстве стран, как развитых, так и развивающихся, появилась концепция e-government («электронного правительства»). В настоящее время актуальным является теоретическое выделение и рассмотрение основных ее понятий, их сущности и классификаций. В связи с этим цель исследования состоит в конкретизации категориального аппарата концепции «электронного правительства» (ЭП) через анализ российского и зарубежного научного дискурса.

Материалы и методы

В работе применяются элементы управленческого подхода, который позволяет исследовать ЭП как инструмент модернизации государственного управления. Для достижения цели исследования использованы такие методы, как операциональный подход и сравнительный анализ. Операциональный анализ используется для выявления взаимосвязей между ключевыми понятиями: «электронное государство», «электронное правительство», «электронное управление». Сравнительный анализ – для сопоставления определений ЭП в международных документах (ООН, ОЭСР, ЕС) и российской нормативной базе (ФЦП «Электронная Россия», ФП «Цифровое государственное управление» и др.) и изучения различий в терминологии (например, «электронное правительство» vs «цифровое правительство»).

Результаты исследования: рассмотрение ключевых понятий

Термин e-government, или electronic government, дословно переводится как «электронное правительство», «электронное государственное управление», «электронное государство». В коллективной монографии исследователей из Волгограда e-government рассматривается с двух сторон: в рамках категориального ряда «электронное государство», «открытое общество», «электронная демократия», соотносящегося в большей мере с концепцией информационного общества, а также в рамках категориального ряда «электронное управление», «информационный менеджмент», «сервисное государство», соотносящегося с социально-экономическими отношениями (Технология электронного государства..., 2017). В нашем исследовании интересным представляется изучение e-government как единого понятия и интерпретация отдельных ключевых категорий данной концепции.

В российском дискурсе преобладающим соответствием e-government является понятие «электронное правительство». В связи с этим на первом этапе исследования рассмотрим e-government в целом, как единое понятие, используя термин «электронное правительство».

Несмотря на то, что сама стратегия ЭП возникла после 2000 г., термин e-government впервые был использован вице-президентом США А. Гором в 1993 г. в документе «Национальные исследования по организации эффективного государства», представленном для администрации президента США Б. Клинтона. В России эпоха ЭП началась с принятия правительством в 2002 г. Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 гг.)». В Европе распространение данной концепции началось с середины 1990-х гг. (Садиков, 2016).

Если рассматривать трактовки термина «электронное правительство», то можно отметить некоторое различие в его понимании разными акторами. Например, в докладе «Сравнительный анализ электронного правительства: глобальная перспек-

тива, определяющая прогресс стран – членов ООН» 2003 г. предложено два подхода к определению данного термина. В широком смысле ЭП рассматривается как использование ИКТ в государственном управлении, второй (более узкий) подход предполагает использование интернета для предоставления информации и государственных услуг гражданам. М.Ю. Павлютенкова считает, что главным в Докладе является представление ЭП не как экспериментального направления в рамках административной реформы, а как самостоятельного, независимого и постоянно развиваемого направления в реформировании государственного управления (Павлютенкова, 2016).

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рассматривает ЭП как инструмент для модернизации функционирования органов государственной власти, а также для административных процедур, таких как сбор, обработка и обмен данными в рамках или среди администраций по предоставлению электронных государственных услуг гражданам и предприятиям (The e-leaders handbook..., 2021) Европейская комиссия определяет ЭП как применение ИКТ в государственном управлении, сопровождаемое организационными изменениями и созданием новых навыков, тем самым способствуя развитию государственных услуг и демократического процесса, а также поддержанию разработки государственной политики (The role of eGovernment..., 2003).

В научном дискурсе существует множество определений ЭП, которые можно классифицировать на три группы.

Первая интерпретация термина связана с рассмотрением ЭП в узком смысле, как функционирования государственных институтов с помощью информационных технологий (Артемова, 2019; Булгатова, 2018; Павлютенкова, 2016). Испанские ученые, дополняя данную интерпретацию, отмечают, что электронное правительство делает государственные институты более прозрачными и подотчетными (Pérez-Morote, 2020). Авторы также обращают внимание на принцип открытости публичной власти – один из фундаментальных демократических принципов государства (Дамм, 2019).

Вторая группа ученых отмечает, что использование информационных технологий в процессе управления государством способствует объединению различных субъектов государственной деятельности в единую систему (Вершинин, 2001; Павроз, 2008; Nye Jr., 2000). Исследователи из Китая утверждают, что «эта система расширяет возможности правительства в таких областях, как экономическое регулирование, надзор за рынком, социальное управление, государственные услуги и защита окружающей среды, посредством систематических реформ на различных уровнях» (Liao, 2025, 4).

В основе большей части исследований лежит утверждение о том, что целью ЭП является повышение качества и доступности предоставляемых государством услуг (Власов, 2022; Никифорова, 2020; Тюшняков, 2012; Marchiori, 2024) Так, Н. Гаджиев определяет основной целью ЭП «повышение эффективности, результативности, прозрачности и доступности государственных услуг и операций за счет использования цифровых технологий» (Наjiуев, 2024, 25).

Несмотря на все различие подходов к интерпретации понятия «электронное правительство», можно констатировать, что данная концепция основана на использовании ИКТ в общественно-государственных отношениях и «сводит практически к нулю личностный фактор во взаимоотношениях общества с государством» (Антипов, 2013, 5).

В то же время необходимым представляется разграничение понятий «электронное государство» и «электронное правительство».

«Электронное государство» и «электронное правительство». Как уже было сказано ранее, *electronic government* в исследованиях и документах обозначается как «электронное правительство», «электронное государственное управление», «электронное государство». Термин *government*, в свою очередь, многоаспектен и может переводиться как «1) управление, руководство, регулирование; 2) государственная власть; 3) политический строй; 4) форма правления; 5) правительство; 6) управляемая губернатором провинция» (Мамулян, 2005, 367).

В Российской Федерации правительство – это высший исполнительный орган государственной власти страны (т.е. государства). Из этого следует, что термин «электронное государство» – более широкое понятие, чем «электронное правительство». «Электронное государство» предполагает информатизацию всех элементов системы государства, в том числе органов власти (как федерального, так и муниципального уровня), государственных учреждений, а также создание единой обновленной системы общественно-государственных отношений. Термин же «электронное правительство» рассматривается в более узком значении – как использование информационных технологий в деятельности правительства (органов исполнительной власти).

Рассмотрим некоторые трактовки понятия «электронное государство». А.А. Косоруков интерпретирует его с точки зрения деятельности трех ветвей власти. Он выделяет «электронное правительство» (E-Government), «электронный парламент» (E-Parliament) и «электронное правосудие» (E-Judiciary). «Электронное правительство», как отмечает исследователь, необходимо для повышения эффективности работы исполнительной власти; «электронный парламент» призван модернизировать политическое участие, используя возможности различных интернет-платформ; а «электронное правосудие» опирается на комплексную систему информационных процессов, происходящих между государством, его институтами и гражданами, обращающимися в судебные органы власти (Косоруков, 2016).

А.С. Киселев определяет «электронное государство» как систему взаимодействия законодательных, исполнительных и судебных органов государственной, муниципальной власти и населения с помощью ИКТ. Ученый отмечает, что это взаимодействие должно быть направлено «на оказание услуг гражданам, организациям, бизнесу, обеспечение прозрачности принимаемых решений, выстраивание открытого двустороннего диалога между гражданами и государством по интерактивной связи и возможность прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов с помощью онлайн-сервисов» (Киселев, 2018, 35).

Исходя из этого, «электронное государство» определим как комплексную систему, представляющую совокупность отдельных ее элементов:

- электронное правительство;
- электронный бизнес;
- электронный гражданин;
- электронные услуги;
- электронное управление;
- электронное администрирование и др.

Представленные три первые категории, на наш взгляд, являются ключевыми составляющими «электронного государства»: деятельность ЭП, как было отмечено выше, сводится к использованию информационных технологий в работе органов исполнительной власти; «электронный бизнес» включает в себя использование цифровых информационно-коммуникационных технологий для поддержания или повышения эффективности процессов продаж (Костин, 2017). Понятие «электронный

гражданин» возникло стихийно, благодаря максимизации государственных услуг, предоставляемых в электронном виде.

«Электронная власть», «электронное управление», «электронное администрирование». Некоторые авторы используют понятие «электронная власть», расширяя толкование термина «электронное правительство», тем самым проводя тонкую связующую нить между ЭП и «электронным государством». Самое распространенное и обобщенное определение власти звучит как «способность и возможность подчинять кого-то-нибудь своей воле, распоряжаться действиями кого-нибудь» (Ушаков, 2014, 64). Исходя из данного определения, не отождествляются понятия «электронная власть» и «электронное правительство» или «электронная власть» и «электронное государство». В большей степени «электронная власть» связана с понятием «электронное управление».

Идеи информационных взаимоотношений и электронного управления рассматривают и зарубежные ученые. V. Gösoğlu и N. Karkin отмечают, что электронное управление «фокусируется на властных отношениях, разработке правил и участии граждан в формировании политики» (Gösoğlu, 2023, 134). В этом случае электронное управление рассматривается как внедрение новых методов принятия решений, распределения власти и координации с помощью ИКТ. Основное внимание в электронном управлении уделяется общественному обсуждению разработки правил, что отличается от «взаимодействия правительства с гражданами» в ЭП, где основное внимание уделяется онлайн-предоставлению услуг.

Индийские ученые A. Balkrishna, S.K. Singh, R. Pathak и V. Arya выделяют такие направления электронного управления, как «государство – государство» (G2G), «государство – фермеры» (G2F), «государство – бизнес» (G2B) и «бизнес – фермеры» (B2F). Исследователи утверждают, что коммуникация G2G является основой электронного управления, при котором данные передаются и координируются между правительствами на федеральном, региональном и местном уровнях. Цель этих сервисов – наладить взаимодействие между различными уровнями власти для предоставления более качественных услуг (E-governance paradigm..., 2024).

Отдельные направления электронного управления выделяет и Р.Ф. Азизов. Стоит отметить, что ученый определяет «электронное государство» как новую форму «информационных взаимоотношений в сфере государственного администрирования в различных направлениях: «государство – граждане» (G2E); «государство – бизнес» (G2B); «государство – государство» (G2G). В данном случае в контексте e-government употребляется новый термин – «электронное администрирование» (Азизов, 2014).

По мнению С.А. Никифоровой, электронное администрирование (e-administration) представляет собой замену существующего метода управления электронным. Этот процесс включает в себя автоматизацию сбора, хранения, обработки и передачи информации, информационную поддержку реализуемых функций и трансформацию системы предоставления государственных услуг (Никифорова, 2020). Нужно отметить, что сущность электронного администрирования заключается в трансформации системы именно органов государственного управления для увеличения показателей эффективности, производительности и конкурентоспособности государства.

На основе анализа интерпретации ключевых понятий концепции ЭП российскими и зарубежными авторами нами сформированы обобщающие сравнительные характеристики представления теоретических рассматриваемых категорий (табл. 1).

Таблица 1

Основные понятия концепции «электронного правительства» и их характеристики

Термин	Основные характеристики
Концепция e-government (в целом)	<p>Представляется в широком смысле как процесс трансформации внутренних и внешних взаимодействий в системах общественного управления, обеспечиваемый внедрением информационных и телекоммуникационных средств, с целью оптимизации управления, улучшения качества обслуживания населения и обеспечения конституционных прав граждан. В более узких смыслах рассматривается:</p> <ul style="list-style-type: none"> – как функционирование государственных институтов с помощью информационных технологий; – как единая система различных субъектов государственной деятельности, функционирующая благодаря государственному управлению с помощью информационно-коммуникационных технологий
Электронное государство	<p>Представляется как система, предусматривающая взаимодействие законодательных, исполнительных и судебных органов государственной, муниципальной власти и населения на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий.</p> <p>Включает понятия:</p> <ul style="list-style-type: none"> – электронное правительство; – электронный бизнес; – электронный гражданин; – электронные услуги; – электронное управление; – электронное администрирование и др. <p>Разделяется на:</p> <ul style="list-style-type: none"> – «электронное правительство» (e-government), которое необходимо для повышения эффективности работы исполнительной власти; – «электронный парламент» (e-parliament), деятельность которого направлена на модернизацию политического участия с использованием возможности различных интернет-платформ; – «электронное правосудие» (e-judiciary), которое опирается на комплексную систему информационных процессов, происходящих между государством, его институтами и гражданами, обращающимися в судебные органы власти
Электронное правительство	<p>Представляется в узком смысле как использование информационных технологий в деятельности правительства (органов исполнительной власти)</p>
Электронное управление, или электронная власть	<p>Представляется как применение информационных технологий для предоставления государственных услуг, обмена информацией, коммуникационных транзакций.</p> <p>Основные направления работы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – «государство – государство» (G2G). Характеризуется улучшением взаимодействия между государственными структурами, повышением эффективности обмена информацией, улучшением планирования и управления, предоставлением объективной информации об общественном мнении, формированием благоприятного для государства общественного мнения; – «государство – бизнес» (G2B). Характеризуется повышением конкурентоспособности экономики и сокращением бюджетных расходов, созданием более прозрачной системы государственных закупок; – «государство – граждане» (G2E). Характеризуется повышением качества предоставляемых государственных услуг, расширением перечня услуг, сокращением времени и денежных средств на обслуживание граждан в государственных учреждениях, повышением удобства получения информации

Окончание табл. 1

Термин	Основные характеристики
Электронное администрирование	<p>Представляется как совокупность электронных технологий, способствующих переходу к практике оказания государственных услуг в электронном виде. Характеризуется:</p> <ul style="list-style-type: none"> – автоматизацией работы государственных органов (переход в автоматизированный режим функций, связанных со сбором, хранением, обработкой и передачей информации; переход на безбумажный принцип работы в органах государственного управления); – информатизацией обеспечения полномочий и функций органов государственного управления (создание автоматизированных информационных систем и интернет-порталов органов исполнительной, законодательной и судебной власти); – трансформацией общественно-государственных отношений с помощью информационно-коммуникационных технологий в рамках создания новых или поддержки традиционных функций органов государственного управления (предоставление государственных услуг посредством электронных форм взаимодействия государства и гражданина на базе современных интернет-технологий и мобильных смарт-устройств)

Переход от «электронного» к «цифровому правительству». Начало XXI в. исследователи характеризуют как время перехода в «цифровую эпоху» и наступления четвертой промышленной революции. Основатель Всемирного экономического форума К. Шваб называет основными чертами последней вездесущий и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины (Шваб, 2016). Переход в цифровую эпоху и трансформация «электронного общества» и «электронного государства» в «цифровое» способствуют появлению нового термина – «цифровое государство». В Российской Федерации реализация данного понятия возможна благодаря принятию в 2017 г. Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг. В целях реализации данной стратегии была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации», включающая в себя шесть федеральных проектов, в том числе «Цифровое государственное управление».

Главной особенностью происходящих инновационных интеграций в процессе новой революции является проникновение их во все сферы жизни человека, в том числе правительственные. Однако нужно отметить, что, в отличие от частного сектора, институт управления и власти, в силу своих возможностей и специфики деятельности, менее адаптивен к новым цифровым практикам (Вену, 2018). М.Ю. Павлютенкова отмечает, что «это отставание государства создает серьезные риски, поскольку государственные учреждения часто вынуждены регулировать отрасли, движущиеся к новым цифровым горизонтам со скоростью, которая государству недоступна; оно не может регулировать отрасли, в которых цифровизация является ядром» (Павлютенкова, 2019, 123).

Возникновение «цифрового государства» требует интерпретации данного термина, однако в научной литературе отсутствует его конкретное определение, отдельное от связанных понятий, таких как «цифровизация государственных услуг», «цифровые банковские услуги», «цифровая экономика» и др. В связи с этим И.В. Понкин делает свою попытку конкретизации и определяет «цифровое государство» как «системный организационно-технологический подход (и заложенный в его основу концепт) юридического фреймирования (жестких правовых рамок – *vinculum juris*), топологии и логистики наложения на реально существующую систему государственного

управления и связывающий ее правовой статус цифровой инфраструктуры» (Понкин, 2021, 49). М.Ю. Павлютенкова выделяет аспекты концепции «электронного государства», благодаря которым становится возможным трансформация его в «цифровое». К ним относится изменение существующей законодательной базы для работы в эпоху цифровых технологий, повышение открытости государственной службы, развитие цифрового мышления госслужащих, замена линейного подхода к решению проблем на экспоненциальное взаимодействие, переход государственного управления на программное обеспечение с открытым программным кодом (Павлютенкова, 2019).

Говоря о «цифровом государстве» или «цифровом правительстве», необходимо понимать отличие его от «электронного». Л.Н. Сморчкова отмечает, что «цифровое правительство» является не просто развитием электронного правительства на новых технологиях управления – цифровое правительство уникально отличается от него, базируясь на всеобъемлющей концепции совершенно иного уровня. По мнению ученого, в основе цифровизации государственного управления лежит работа с большими данными, автоматизирование принятия государственных решений и автоматизация стандартных административных процедур (Сморчкова, 2022, 26). Как отмечает Б. Уильямсон, большие данные можно извлекать, анализировать и использовать для формирования услуг, одновременно побуждая граждан становиться ответственными участниками совместного производства и предоставления этих цифровых услуг (Williamson, 2015).

Заключение

В связи с трансформацией общественно-государственных отношений, информатизацией общества и государственного управления расширяется исследовательский дискурс и поле для проведения научных работ, посвященных данной тематике, растет запрос на концептуализацию и систематизацию ключевых понятий. Представляется важным подчеркнуть, что терминологическая неоднозначность в отношении концепции «электронного правительства» не является исключительно российской проблемой. В международной практике также наблюдается вариативность в использовании и интерпретации связанных понятий, что обусловлено различиями в подходах к государственному управлению. Тем не менее для обеспечения ясности и последовательности в научных исследованиях и практической деятельности необходимо стремиться к уточнению и унификации терминологии. Четкое определение ключевых понятий позволяет избежать путаницы, облегчает обмен знаниями и способствует разработке эффективных стратегий развития более широкого концепта «электронного государства».

Авторская систематизация решает одну из проблем научного дискурса – разграничения и конкретизации категорий концепции «электронного правительства» – с опорой на работы российских и зарубежных исследователей. И хотя данная работа не дает готовых решений для практиков, но она структурирует поле для дальнейших прикладных исследований.

Кроме того, в современных реалиях наблюдается переход от «электронного правительства» к «цифровому» – это не просто эволюция технологий, а фундаментальная трансформация парадигмы государственного управления. Это требует не только внедрения новых цифровых инструментов, но и переосмысления законодательной базы, развития цифровой культуры среди госслужащих и перехода к новым моделям взаимодействия с гражданами.

«Цифровое государство», опираясь на анализ больших данных и автоматизацию процессов, способно обеспечить более эффективное и оперативное принятие

решений, а также предоставить гражданам более качественные и персонализированные услуги. Однако для успешной реализации этой концепции необходимо преодолеть отставание государства от темпов развития цифровых технологий и создать надежную правовую и технологическую инфраструктуру.

«Цифровое государство» – это не цель, а инструмент для построения более открытого, прозрачного и эффективного государственного управления, способного отвечать на вызовы цифровой эпохи и обеспечивать устойчивое развитие общества.

Литература

- Азизов, Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства / Р.Ф. Азизов // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. – 2014. – № 4. – С. 22–27. – EDN TAKJLP.
- Антипов, А.А. Электронное правительство и информационное общество в России / А.А. Антипов, Е.М. Гришанова // *T-Сomm: Телекоммуникации и Транспорт*. – 2013. – № 12. – С. 4–5. – EDN RWAAAF.
- Артемова, П.В. Электронное правительство: динамика взаимодействия государства и российского общества в XXI в. / П.В. Артемова, С.Г. Камолов, А.Н. Константинова // *Власть*. – 2019. – № 3. – С. 57–62. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6403>. – EDN LHGSLP.
- Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
- Булгатова, Ю.С. Информационные технологии как средство модернизации государственного управления в современном обществе / Ю.С. Булгатова, А.В. Дырхеев // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. – 2018. – № 1. – С. 8–15. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-1-8-15>. – EDN YUUBQL.
- Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М.С. Вершинин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 253 с.
- Власов, М.В. Влияние электронного правительства на человеческий капитал: динамика взаимодействия / М.В. Власов, Я.В. Качан // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Сер. Социальные науки*. – 2022. – № 1 (65). – С. 7–15. – https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_7. – EDN EQNGKJ.
- Дамм, И.А. Открытость публичной власти: вопросы понятийно-категориального аппарата / И.А. Дамм, Е.А. Акунченко, Н.В. Щедрин // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2019. – № 2. – С. 226–242. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.203>. – EDN ZJFXZO.
- Киселев, А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства / А.С. Киселев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 6. – С. 32–39. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.032-039>. – EDN XTQYIX.
- Косоруков, А.А. «Электронное государство» в процессах информатизации государственного управления: опыт Российской Федерации / А.А. Косоруков // *Право и политика*. – 2016. – № 8. – С. 993–1005. – <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.8.15503>. – EDN WMOTUH.
- Костин, К.Б. Современное состояние и перспективы развития мирового электронного бизнеса / К.Б. Костин, А.А. Березовская // *Российское предпринимательство*. – 2017. – № 24. – С. 4071–4086. – <https://doi.org/10.18334/gr.18.24.38563>. – EDN YQUETR.
- Мамулян, А.С. Англо-русский полный юридический словарь / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М.: Эксмо, 2005. – 813 с.
- Никифорова, С.А. Электронное правительство – новая концепция государственного управления / С.А. Никифорова // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2020. – № 2. – С. 40–47. – <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-40-47>. – EDN CBHFPE.
- Павлютенкова, М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации / М.Ю. Павлютенкова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 5. – С. 120–135. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>.
- Павлютенкова, М.Ю. Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований / М.Ю. Павлютенкова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология*. – 2016. – № 4. – С. 121–129. – EDN XENNTR.
- Павроз, А.В. Электронное правительство и современные административные реформы / А.В. Павроз // *Политическая наука*. – 2008. – № 2. – С. 173–191. – EDN JH0JRP.
- Понкин, А.В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология / А.В. Понкин // *Государственная служба*. – 2021. – № 5. – С. 47–52. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52>.

- Садиков, С.А. Совершенствование теоретико-правовых основ электронного правительства в обеспечении взаимодействия институтов гражданского общества и государственных органов / С.А. Садиков. – Ташкент: ТГЮУ, 2016. – 144 с.
- Сморчкова, Л.Н. Цифровое правительство как перспектива государственного управления в России: информационно-правовые аспекты / Л.Н. Сморгчкова // *Правовая информатика*. – 2022. – № 2. – С. 25–32. – <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2022-2-25-33>.
- Технология электронного государства (правительства): социально-правовое обеспечение эффективной реализации / Е.Г. Васильева, Д.В. Кононенко, Т.Ф. Гаврилова [и др.]. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2017. – 127 с. – EDN YRLVNJ.
- Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 345 с.
- Тюшняков, В.Н. Технологии межведомственного электронного взаимодействия в государственном и муниципальном управлении / В.Н. Тюшняков // *Известия ЮФУ. Технические науки*. – 2012. – № 8. – С. 195–200. – EDN PBVBNN.
- Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
- Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2021. – 208 с.
- Benay, A. Government digital: the quest to regain public trust / A. Benay. – Toronto: Dundurn, 2018. – 223 p.
- E-governance paradigm in the Indian agricultural sector / A. Balkrishna, S.K. Singh, R. Pathak, V. Arya // *Discover Agriculture*. – 2024. – Vol. 2. – P. 1–17. <https://doi.org/10.1007/s44279-024-00012-7>.
- Göcoğlu, V. Citizen-Centered Public Policy Making in Turkey / V. Göcoğlu, N. Karkin. – Cham: Springer, 2023. – 475 p.
- Hajiyev, N. E-government: theoretical approaches / N. Hajiyev // *The scientific heritage*. – 2024. – Vol. 143 (143). – P. 24–26. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.13378550>. – EDN NGIHQO.
- Liao, X. Party-led digitalization: The CCP's role in steering China's E-Government transformation / X. Liao, J. Zhao, Yu Cheng // *Chinese Political Science Review*. – 2025. – Vol. 1. – P. 1–29. – <https://doi.org/10.1007/s41111-024-00274-y>.
- Marchiori, D.M. Bridging culture and technology: A study of E-Government adoption / D.M. Marchiori, E.W. Mainardes, R.J. Rodrigues // *Public Organization Review*. – 2024. – Vol. 24. – P. 885–905. – <https://doi.org/10.1007/s11115-024-00761-5>.
- Nye Jr., J.S. Governance in a globalizing world / J.S. Nye Jr., J.D. Donahue. – Washington: Brookings Institution Press, 2000. – 404 p.
- Pérez-Morote, R. The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries / R. Pérez-Morote, C. Pontones-Rosa, M. Núñez-Chicharro // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2020. – Vol. 154. – P. 1–14. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119973>.
- The e-leaders handbook on the governance of digital government. – Paris: OECD Publishing, 2021. – 104 p.
- The role of eGovernment for Europe's future // An official website of the European Union. – 2003. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52003DC0567:EN:HTML>.
- Williamson, B. Political computational thinking: policy networks, digital governance and “learning to code” / B. Williamson // *Critical Policy Studies*. – 2015. – Vol. 10. – P. 1–20. – <https://doi.org/10.1080/19460171.2015.1052003>.

References

- Antipov A.A., Grishanova E.M. Electronic government and information society in Russia. *T-Comm: Telekommunikatsii i Transport = T-Comm: Telecommunications and Transport*. 2013;12:4–5. (In Russ.)
- Artemova P.V., Kamolov S.G., Konstantinova A.N. Electronic government: dynamics of the development of the state and Russian society in the 21st century. *Vlast' = Power*. 2019;3:57–62. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6403>. (In Russ.)
- Azizov R.F. Electronic government as an element of an electronic state. *Uchenye trudy rossiyskoy akademii advokatury i notariata = Scientific Proceedings of the Russian Academy of Law and Notary*. 2014;4(35):22–27. (In Russ.)
- Balkrishna A., Singh S.K., Pathak R., Arya V. E-governance paradigm in the Indian agricultural sector. *Discover Agriculture*. 2024;2:1–17. <https://doi.org/10.1007/s44279-024-00012-7>.
- Bell D. The coming post-industrial society. Experience in social forecasting. Moscow: Academia; 2004. 788 p. (In Russ.)
- Benay A. Government digital: the quest to regain public trust. Toronto: Dundurn; 2018. 223 p.
- Bulgatova Yu.S., Dyrheev A.V. Information technologies as a means of modernizing public administration in modern society. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*. 2018;1:8–15. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-1-8-15>. (In Russ.)

- Damm I.A., Akunchenko E.A., Shchedrin N.V. Openness of public authority: issues of the conceptual and categorical apparatus. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2019; 2: 226–242. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.203>. (In Russ.)
- Göçoğlu, V., Karkin N. Citizen-centered public policy making in Turkey. Cham: Springer; 2023. 475 p.
- Hajiyev N. E-government: theoretical approaches. *The scientific heritage*. 2024;143(143):24–26. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13378550>. (In Russ.)
- Kiselev A.S. Modern theoretical approaches to the concept of electronic state. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2018;6:32–39. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.032-039>. (In Russ.)
- Kosorukov A.A. “Electronic State” in the processes of informatization of public administration: the experience of the Russian Federation. *Pravo i politika = Law and politics*. 2016;8:993–1005. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.8.15503>. (In Russ.)
- Kostin K.B., Berezovskaya K.B. The current state and prospects of global e-business development. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*. 2017;24:4071–4086. <https://doi.org/10.18334/rp.18.24.38563>. (In Russ.)
- Liao X., Zhao J., Cheng Yu Party-led digitalization: The CCP's role in steering China's E-Government transformation. *Chinese Political Science Review*. 2025;1:1–29. <https://doi.org/10.1007/s41111-024-00274-y>.
- Mamulyan A.S., Kashkin S.Yu. English-Russian full legal dictionary. Moscow: Eksmo; 2005. 813 p. (In Russ.)
- Marchiori D.M., Mainardes E.W., Rodrigues R.J. Bridging culture and technology: A study of E-Government adoption. *Public Organization Review*. 2024;24:885–905. <https://doi.org/10.1007/s11115-024-00761-5>.
- Nikiforova S.A. Electronic government – a new concept of public administration. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;2:40–47. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-40-47>. (In Russ.)
- Nye Jr. J.S., Donahue J.D. Governance in a globalizing world. Washington: Brookings Institution Press; 2000. 404 p.
- Pavlyutenkova M.Y. E-government vs digital government in the context of digital transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social changes*. 2019;5:120–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>. (In Russ.)
- Pavlyutenkova M.Y. Electronic government as a vector of innovative state transformations. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2016;4:121–129. (In Russ.)
- Pavroz A.V. Electronic government and modern administrative reforms. *Politicheskaya nauka = Political science*. 2008;2:173–191. (In Russ.)
- Pérez-Morote R., Pontones-Rosa C., Núñez-Chicharro M. The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries. *Technological Forecasting and Social Change*. 2020;154:1–14. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119973>.
- Ponkin A.V. The concept of a digital state: concept, nature, structure and ontology. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*. 2021;5:47–52. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52>. (In Russ.)
- Sadikov S.A. Improving the theoretical and legal foundations of e-government in ensuring the interaction of civil society institutions and government agencies. Tashkent; 2016. 144 p. (In Russ.)
- Shvab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo; 2021. 208 p. (In Russ.)
- Smorchkova L.N. Digital government as a perspective of public administration in Russia: information and legal aspects. *Pravovaya informatika = Legal informatics*. 2022;2:25–32. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2022-2-25-33>. (In Russ.)
- The e-leaders handbook on the governance of digital government. Paris: OECD Publishing; 2021. 104 p.
- The role of eGovernment for Europe's future. *An official website of the European Union*. 2003. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52003DC0567:EN:HTML>.
- Toffler E. The third wave. Moscow: AST; 2004. 345 p. (In Russ.)
- Tyushnyakov V.N. Technologies of interdepartmental electronic interaction in state and municipal management. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki = Bulletin of the SFU. Technical sciences*. 2012;8:195–200. (In Russ.)
- Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant; 2014. 800 p. (In Russ.)
- Vasilieva E.G., Kononenko D.V., Gavrilova T.F. et al. E-government technology: social and legal support for effective implementation. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House; 2017. 127 p. (In Russ.)
- Vershinin M.S. Political communication in the Information Society. Saint Petersburg: Publishing house of Mikhailov V.A.; 2001. 253 p. (In Russ.)
- Vlasov M.V., Kachan Ya.V. The impact of e-government on human capital: dynamics of interaction. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod*

Lobachevsky University. Series: Social Sciences. 2022;1:7–15. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_7.
(In Russ.)

Williamson B. Political computational thinking: policy networks, digital governance and “learning to code”.
Critical Policy Studies. 2015;10:1–20. <https://doi.org/10.1080/19460171.2015.1052003>.

Дата получения рукописи: 25.03.2025

Дата окончания рецензирования: 24.04.2025

Дата принятия к публикации: 28.04.2025

Информация об авторе

Корзина Алена Алексеевна – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия, e-mail: lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Korzina Alena Alekseevna – Junior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, e-mail: lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ
СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.2>

EDN TQHRRS

**Ключевые барьеры в развитии семейной медиации в Ростовской области
(по материалам глубинных интервью)****Ангелина А. Жиденко¹**¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены итоги социологического исследования, проведенного с целью выявления основных барьеров в развитии семейной медиации в Ростовской области. Его проведение обусловлено устойчивой тенденцией, связанной с высокой динамикой разводов в изучаемом регионе, а также убежденностью в том, что применение медиативных практик при решении семейных конфликтов способно повысить устойчивость взаимоотношений в молодых семьях.

Методика исследования. Представленные в статье результаты и выводы базируются на авторском исследовании в рамках диссертационной работы «Институт медиации в урегулировании конфликтов в молодой семье (на материалах Ростовской области)», а именно на анализе серии глубинных интервью, проведенных с медиаторами-экспертами Ростовской области в 2023 г. ($n = 7$).

Результаты исследования. Основываясь на результатах проведенного исследования, можно назвать основные барьеры в развитии семейной медиации в Ростовской области: информационное освещение (население зачастую не обладает информацией о преимуществах медиативных практик, а также о возможности получения бесплатных медиативных услуг); несовершенство законодательства, влекущее за собой неясность самого процесса, в частности критериев эффективности медиации; культурные и ментальные установки населения, которые в основном характеризуются закрытостью семейных отношений; отсутствие связей с ведомствами (судами, отделами ЗАГС, службами юридической помощи); конкуренция с иными организациями, чья деятельность направлена на решение семейных конфликтов; низкий статус применения медиативных практик в связи с недоверием к самой процедуре; отсутствие единых требований к профессиональной подготовке медиаторов по семейным конфликтам.

Ключевые слова: молодая семья; семейная медиация; развод; институт медиации; урегулирование конфликтов; барьеры медиации; семейные отношения.

Для цитирования: Жиденко А.А. (2025). Ключевые барьеры в развитии семейной медиации в Ростовской области (по материалам глубинных интервью). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 22–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.2>.

**Key barriers in the development of family mediation in the Rostov region
(based on in-depth interviews)****Angelina A. Zhidenko¹**¹Rostov State University of Economics (RINH),

Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents the results of a sociological study conducted to identify the main barriers to the development of family mediation in the Rostov region. The study was prompted by a persistent trend related to the high divorce rate in the region, as well as the conviction that applying mediation practices in resolving family conflicts can enhance the stability of relationships in young families.

Theoretical basis of the study. The results and conclusions presented in the article are based on the author's research conducted as part of the dissertation titled "The Institute of Mediation in Conflict Resolution in

Young Families (Based on the Materials of the Rostov Region),’ specifically the analysis of a series of in-depth interviews conducted with expert mediators from the Rostov region in 2023 ($n = 7$).

Results of the study. Based on the results of the study, the main barriers to the development of family mediation in the Rostov region can be identified: insufficient dissemination of information, as the population often lacks awareness of the benefits of mediation practices and the availability of free mediation services; imperfections in legislation that lead to ambiguity in the process, particularly regarding the criteria for the effectiveness of mediation; cultural and mental attitudes of the population, which are primarily characterized by the closed nature of family dynamics; lack of connections with relevant agencies (courts, civil registry offices, legal aid services); competition with other organizations focused on resolving family conflicts; low status of mediation practices due to distrust in the procedure itself; and the lack of unified requirements for the professional training of mediators dealing with family conflicts.

Keywords: young family; family mediation; divorce; mediation institute; conflict resolution; mediation barriers; family relationships.

For citation: Zhidenko A.A. (2025). Key barriers to the development of family mediation in the Rostov region (based on in-depth interviews). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 22–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.2>.

Введение

Современная российская семья является весьма нестабильной, что в первую очередь отражается в высокой динамике разводов на протяжении последних десятилетий (Гурко, 2016). По данным Росстата (Естественное движение населения..., 2024), более чем 7 из 10 гражданских браков в России заканчиваются разводом, в 2024 г. только за первые восемь месяцев было зарегистрировано около 400 тыс. разводов, что продолжает тенденцию прошлых лет: 2021 г. – зарегистрировано 644 тыс. разводов, 2023 и 2024 гг. – распалось по 680 тыс. семейных союзов. В своем выступлении советник генерального директора ВЦИОМ Елена Михайлова отметила, что в 2024 г. количество разводов в стране по отношению к количеству зарегистрированных браков достигло критического максимума (В 2024 году в России..., 2024).

В связи с этим особо остро становится вопрос о поиске эффективного способа укрепления семейных отношений, особенно в молодой семье, представляющей собой наиболее уязвимую категорию (Верещагина, 2016), ведь она впервые сталкивается с рядом трудностей, среди которых экономические, финансовые и жилищные не всегда являются ключевыми. Соответственно, особое внимание при поиске механизмов необходимо направить на социальные институты, которые способны оказывать превентивные меры поддержки, и самым действенным является институт медиации.

Несмотря на то, что процедура медиации была закреплена на федеральном уровне в 2010 г. (Федеральный закон..., 2010), ее потенциал как альтернативного способа урегулирования споров не раскрыт на территории России, и в частности в Ростовской области, в полной мере. Это обусловлено наличием ряда барьеров как на формальном, так и на неформальном уровне. В данной статье ставится задача проанализировать результаты социологического опроса (глубинных интервью) с целью выявления ключевых барьеров в развитии семейной медиации в Ростовской области.

Методология и методы исследования

Несмотря на закрепление процесса медиации на законодательном уровне в июне 2010 г. и активное продвижение медиации в качестве альтернативного способа урегулирования семейных конфликтов, институционализация медиации в России сталкивается с рядом сложностей как на формальном, так и на неформальном уровне. На формальном уровне это связано в первую очередь с недостаточной проработкой функциональной специфики процедуры медиации. На законодательном уровне, включая Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования спо-

ров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ, рамки процесса медиации определены нечетко, и остается множество вопросов как о проведении самой процедуры медиации, оценке эффективности, статусе медиатора, так и о статусе самого медиативного соглашения, что, в свою очередь, делает процесс непонятным и не востребованным со стороны общества, в то время как судебное разбирательство имеет четкую и ясную структуру. На неформальном уровне процесс медиации сталкивается с такой проблемой, как культурная составляющая – стремление людей к сохранению приватности семейного мира, неготовность привлекать и погружать в свой конфликт третьих лиц. Помимо основных причин, можно выделить следующие барьеры: низкий уровень осведомленности, финансовые барьеры, недостаток квалифицированных кадров, недостаток систем сбора и анализа данных о результатах и эффективности семейной медиации, отсутствие стандартов оценки качества медиации и эффективности работы медиаторов, нехватка ресурсов в регионах, трудности в сотрудничестве с судами (Каковы основные проблемы..., 2024). Таким образом, развитие медиации попадает в замкнутый круг: с одной стороны, люди не хотят обращаться, потому что нет информации и доверия к процедуре, с другой – редкие обращения и прецеденты успешного проведения медиации не дают оснований для появления устойчивой практики.

В то же время существует достаточное количество успешных кейсов, демонстрирующих эффективность применения медиации за рубежом. Так, например, «на заседании рабочей группы зампреда Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Олег Матвейчев озвучил опыт Азербайджана по внедрению медиации. В Азербайджане медиация обязательна для пар, которые решили развестись. Супруги не могут обратиться в суд без предварительной встречи с медиатором. Плату за услуги медиаторов берут с тех пар, которые по итогу встречи все равно решились развестись. Соответствующий закон действует в Азербайджане с 2021 года. По статистике за 2022 год процедурой примирения воспользовалось 35 тысяч пар, а в 2023 – 43 тысячи» (Распространению медиации в России поможет..., 2024). Есть удачные примеры эффективной реализации и на территории Российской Федерации. Так, в 2019 г. в Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» (<https://profcenter.spb.ru/about-us/>) при Комитете по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга на бесплатную помощь поступило 568 заявок, а в 2020 г. – 555, что подчеркивает востребованность медиации со стороны общества в Санкт-Петербурге. Положительные примеры развития медиации можно наблюдать и на Юге России. В 2018 г. проект «Миру быть! Медиация при разрешении семейных конфликтов» (<https://xn--80afcdbalict6afaooklqi5o.xn-p1ai/public/application/item?id=119e2c93-6707-4beb-a450-6cac0b161cf7>), получивший грантовую поддержку от Фонда президентских грантов, был реализован на территории Краснодарского края. В рамках проекта было обучено 30 медиаторов и проведено более 300 медиаций по случаям, связанным с вопросами семьи.

В ноябре 2024 г. в Совете Федерации обсудили актуальные вопросы развития медиации (В Совете Федерации обсудили..., 2024), что в очередной раз подчеркивает важность и актуальность процедуры. В рамках обсуждения участники рассмотрели основные барьеры и перспективы развития медиации в России, подчеркнули успешное внедрение нотариального заверения соглашения медиации, которое имеет силу исполнительного листа, что, в свою очередь, позволяет снизить нагрузку на суд, добавляет процессу статус законности и обязательности. Также эксперты выступили с рядом предложений, направленных на популяризацию медиации: закрепление статуса медиатора в судах, законодательное закрепление возможности медиатора назначать экспер-

тизу, а также законодательное закрепление статуса медиативного соглашения, которое может являться основанием для прекращения производства по делу. Это в очередной раз подчеркивает актуальность и высокий потенциал применения медиации.

В данной статье ставится задача проанализировать глубинные интервью с медиаторами-экспертами, реализующими свою практику на территории Ростовской области, с целью выявления основных барьеров в развитии семейной медиации, несмотря на значимые преимущества. Глубинные интервью проводились при очной встрече с медиаторами Ростовской области, специализирующимися на семейных конфликтах. Для формирования выборки учитывались такие критерии, как стаж работы и место работы / должность. Информанты реализуют свою деятельность как в Ростове-на-Дону, так и в Аксайском, Азовском, Батайском, Шахтинском районах Ростовской области. Большинство из них имеют опыт работы в семейной медиации более 10 лет.

Результаты исследования

Ростовская область не является исключением с точки зрения уровня разводов (Семья на Дону..., 2024), высокая динамика которых давно характеризует негативное состояние института семьи в российском обществе, кроме того, Ростовская область известна своими медиативными практиками, в том числе и в семейной сфере, именно поэтому она была выбрана для проведения исследования.

Семейная медиация направлена на разрешение совершенно разных конфликтов семейной сферы – от супружеских до детско-родительских, которые зачастую сопровождаются повышенным эмоциональным накалом. Однако до сих пор остается вопрос: как же оценивать эффективность процедуры медиации, ведь критериев, закрепленных на законодательном уровне, не существует? Вот что по этому поводу говорят эксперты:

- *«Вы знаете, это, наверное, разрешение конфликта самого по себе между сторонами, это действительно, может быть, и соглашение, а может быть, и не соглашение. Если это досудебная медиация, то, может быть, забрали иск – это вообще отсутствие иска впоследствии, договоренность людей и отсутствие конфликта между ними, то есть прийти к миру. Вот, мир, наверное, да, мир, мир между сторонами»* (информант № 5, Ростовская область).

- *«Критерии эффективности – это снижение эскалации конфликта, то есть несмотря на то, что даже если стороны не заключили медиативное соглашение, но они ушли, понимая, что у них есть возможность сохранить отношения, их конфликт снизился, и они могут дальше в рамках других процедур или судебных заседаний уже контактировать более спокойно или вести переговоры, то это уже критерий эффективности, потому что я против такого критерия эффективности, как количество медиативных соглашений, потому что, если медиатор начинает гнаться за количеством медиативных соглашений, он теряет возможность адекватно оценивать происходящее в рамках процедуры и начинает гнаться за сторонами, чтобы они договорились быстрее, а это неправильно»* (информант № 6, Ростов-на-Дону).

- *«Ну вот однозначно не медиативное соглашение... Я считаю критерием эффективную коммуникацию, когда они стали просто общаться по-человечески, когда они другие сопутствующие вопросы могут решить самостоятельно. Наверное, да, спокойное общение, комфортное для них же с человеческой точки зрения. Да, они прекращают, может быть, свои отношения как муж и жена, но остаются как родители; как родители, они могут общаться по всем вопросам, которые касаются их детей. Наверное, вот это вот»* (информант № 3, Ростовская область).

Таким образом, медиаторы подчеркивают отсутствие критериев эффективности медиации, закрепленных на формальном уровне, и однозначно не признают в качестве

критерия эффективности медиативное соглашение. На данный момент медиаторы самостоятельно вырабатывают для себя критерии в процессе своей практики. Однако представляется, что они должны быть едиными на уровне профессионального сообщества, а также для населения, которое должно понимать, что такое процедура медиации и чего оно может ожидать от обращения к семейным медиаторам. Несмотря на это, информанты все же высоко оценивают эффективность применения медиации в регионе, выделив в качестве основных причин для обращения к медиатору конфликты, связанные с бракоразводным процессом, процессом воспитания детей и разделом имущества:

- *«Это обычные бракоразводные, потому что, когда они обращаются к процедуре медиации, они где-то в глубине души понимают, что есть возможность сохранения семейных отношений, и медиация в этом плане помогает. И способствовать тому, чтобы они друг друга услышали. И второй момент – это с участием детей, то есть об определении места жительства ребенка или о порядке общения с ребенком. Опять-таки, да, потому что мы говорили, что для детей это наиболее мягкая, экологичная процедура»* (информант № 6, Ростов-на-Дону).

Более того, опрошенные нами эксперты-медиаторы уверены в том, что распространение медиативных практик в качестве превентивных мер среди молодых семей помогло бы значительно снизить количество разводов, однако при этом давались некоторые пояснения:

- *«Да, снизилась бы количество разводов точно, но я считаю, их [молодые семьи] нужно готовить на старте... рассказывать о том, как договариваться, как говорить от своего имени, как не переходить на оскорбления, как не переходить на “ты виноват”, как говорить от себя, брать на себя ответственность, это мало кто умеет»* (информант № 1, Ростов-на-Дону).

Но кто же должен обучать и давать такие навыки молодым семьям? Должен это делать именно медиатор, специалист из иной области или кто-то совершенно другой? Мнения на этот вопрос у экспертов разделились. Некоторые уверены, что превентивные меры в разрешении конфликтов среди молодых семей относятся к другой профессиональной области, это должны быть специалисты, к которым молодым людям следует обращаться еще до регистрации брака и создания семьи:

- *«Ну, наверное, да, но, как мне кажется, может быть, не к специалистам по урегулированию конфликтов, а в том числе и к каким-то другим специалистам по поводу понимания того, с какой целью вы создаете семью, все ли вы вопросы обсудили и какие-то споры»* (информант № 3, Ростовская область).

- *«Не всегда можно решить, то есть какой-то конкретный вопрос можно решить, но если люди привыкли взаимодействовать вот таким способом, что эти конфликтные вопросы возникают, то по сути мы снимем только вот этот вот, скажем так, нарыв такой, но если люди точно также продолжают общаться, как они общались раньше, то в принципе у них просто появляются новые конфликты, но если не менять суть взаимоотношений, то этот конфликт мы разрешим, возникнет новый конфликт, и они снова придут к вопросу “вообще можем ли мы быть вместе?”. Поэтому здесь такой вот момент, а по сути, медиация человека не меняет, она помогает с чем-то конкретным разобраться, как я это вижу, а для того, чтобы менять человека, как-то развиваться, это уже вопросы больше психологии»* (информант № 4, Ростовская область).

- *«Медиатор может дать отличные рычаги для общения, если стороны захотят их использовать, то есть именно как инструмент для того, чтобы помочь наладить контакт – это отличный инструмент; медиатор без получения образования психолога, необходимой категории, я не думаю, что он сможет решить именно какие-то узконаправленные вопросы, например, измен, еще каких-то там... психологического*

насилия в семье и так далее, то есть для медиатора это не медиативные встречи» (информант № 7, Ростовская область).

Возникает ряд вопросов, однако на множество из них еще нет однозначного ответа. Является ли применение медиации эффективным на стадии конфликта, когда молодая семья еще не дошла до развода? Требуется ли помощь психолога, помимо помощи медиатора, в данном случае? Каким образованием должен обладать медиатор: юридическим, психологическим или конфликтологическим? Таким образом, встает вопрос о кадровой подготовке профессиональных медиаторов, занимающихся семейными спорами, а также вопрос о функциях медиатора. Вот что, по мнению одного из информаторов, следует сделать:

- *«Изменение законодательства и, может быть, даже для адвокатов, поскольку я адвокат, – это обязательное повышение квалификации именно по медиации»* (информант № 5, Ростовская область).

Хотя вопросов о решении и профилактике конфликтов в молодой семье много, эксперты обращают внимание на то, что именно представители молодых семей редко обращаются за помощью к медиаторам:

- *«Нет, конечно, не активно, молодые семьи, молодые люди не знают, что такое процедура медиации, кто такой медиатор, для чего он нужен, что он делает, какие функции исполняет»* (информант № 5, Ростовская область).

- *«На самом деле по общему количеству, если смотреть судебные дела вообще в целом, связанные с семьей, то, конечно, нет, это не высокий процент»* (информант № 6, Ростов-на-Дону).

Важный момент, на который указали эксперты-медиаторы, заключается в том, что к услугам медиаторов в большинстве своем обращаются именно молодые семьи с детьми, объясняя это следующим образом:

- *«Которые с детьми, которые понимают, что им все равно нужно общаться как-то вместе, то есть, когда можно развестись и вычеркнуть человека из жизни, – это один расклад, когда ты вынужден с ним общаться вне зависимости от уровня обиды, потому что ты понимаешь, что все-таки у ребенка должен быть отец, мать, то это вынуждает искать иные, альтернативные способы, то есть чаще всего семьи с детьми»* (информант № 1, Ростов-на-Дону).

- *«...В основном те, у кого есть уже дети; дети и общенажитое имущество»* (информант № 7, Ростовская область).

В качестве предложений для изменения ситуации, чтобы молодые семьи чаще обращались за помощью к медиаторам целенаправленно, а не случайно, как это бывает зачастую, информанты называли информирование населения о медиации, о роли медиации, о сути медиации, чтобы сама процедура стала более понятной и ясной для общества и выступала в качестве реального рабочего инструмента для решения семейных конфликтов:

- *«Здесь, наверное, больше хотелось бы наличия информации о медиации, продвижения ее разными каналами, информированности людей о том, что есть такой инструмент. Причем это делается сейчас, есть буклеты о медиации, они лежат в суде, и они написаны таким сухим юридическим языком, что там сложно понять»* (информант № 4, Ростовская область).

- *«Не всегда даже через поисковик... можно вбить, например, “медиатор такого-то суда”, даже может не всегда появляться, только в арбитражном суде недавно появился наш реестр, где наши фамилии указаны, раньше даже этого не было, то есть человек, может быть, и загуглил, хочет пойти к медиатору – он просто телефона не может найти»* (информант № 7, Ростовская область).

• *«Массово внедрять в умы населения мысль и, конечно же, безусловно, свет в оконце – это принятие закона об обязательной процедуре медиации досудебной по брачно-семейным отношениям, и, безусловно, в большей степени информацию давать, информировать население» (информант № 5, Ростовская область)».*

• *«Популяризация медиации и совершенствование российского законодательства – других путей нет, потому что заставить никого нельзя, процедура добровольная сейчас, на данном этапе, и других вариантов нет, то есть только рассказывать людям о преимуществах и надеяться на то, что они будут достаточно осознанными для того, чтобы обращаться к этой процедуре...» (информант № 6, Ростов-на-Дону).*

В качестве мер, которые также могут поспособствовать повышению эффективности применения медиации, информанты выделили сотрудничество с различными ведомствами:

• *«Наверное, подхватывать их не только уже в рамках бракоразводных процессов, которые доходят до суда, то есть там, где есть необходимость участия судебной системы, но и на уровне ЗАГСа. Наверное, цель в целом для этого у нас есть и соглашение с органами ЗАГСа, то есть чтобы иметь возможность поговорить с молодыми семьями на этом уровне сейчас. Пока что с ЗАГСами это плохо идет» (информант № 6, Ростов-на-Дону).*

«Все зависит от субъекта и от того, насколько хорошо взаимодействуют медиаторы, судебное сообщество и адвокаты, представители, то есть если мы все вместе работаем, то у нас все получается, а если каждый имеет свое определенное мнение, свои барьеры в использовании этой процедуры или какое-то скептическое к ней отношение, то здесь, конечно, не работает» (информант № 6, Ростов-на-Дону).

Дополнительно в качестве мер, направленных на развитие медиации, эксперты выделили проработку культурных и ментальных установок общества:

• *«Да, и поэтому, я думаю, что в этом тоже сложность, что некоторые не хотят в свою семью пускать постороннего и в свои проблемы семьи пускать постороннего. Поэтому им проще все вывести на правовое поле и приглашать юристов, а не копаться в личных отношениях» (информант № 1, Ростов-на-Дону).*

Помимо этого, эксперты отметили доступность процедуры развода в российских реалиях, которая также выступает как один из барьеров в развитии семейной медиации:

• *«Слишком стало легко разводиться, как-то вообще никто ничего не ограничивает. Да, суд может дать два месяца “на помириться”, ну и что? Он что – для этого задания дает? Суд же не дает задания, к примеру: за эти два месяца вы должны сходить на пять свиданий... Это же не будет суд делать? Не будет, а медиатор определяет график, какие условия, что способствует примирению, то есть, я думаю, что простота и, с одной стороны, доступ к правосудию – это хорошо, но, с другой стороны, в рамках семейных кейсов, я бы сказала, что излишняя доступность и быстрота прекращения отношений тоже способствуют тому, что так все просто – пойти развестись» (информант № 1, Ростов-на-Дону).*

Итак, обобщая высказывания медиаторов-экспертов, можно выделить следующие основные барьеры в развитии семейной медиации:

- недостаточное информационное освещение: население зачастую не обладает информацией о преимуществах медиативных практик, а тем более о возможностях получения бесплатных медиативных услуг;
- несовершенство законодательства, влекущее за собой неясность самого процесса, в частности критериев эффективности медиации;

- культурные и ментальные установки российского общества, которые в основном характеризуются закрытостью семейных отношений и неготовностью привлекать в свой конфликт третьих лиц;
- отсутствие связей с другими ведомствами, такими как суды, отделы ЗАГС, службы юридической помощи, службы психологической помощи и др.;
- конкуренция с иными организациями, чья деятельность направлена на решение семейных конфликтов;
- низкий статус применения медиативных практик в обществе в связи с недоверием к самой процедуре медиации;
- отсутствие единых требований к профессиональной подготовке медиаторов, в частности медиаторов по семейным конфликтам.

Заключение

Медиация в России представляет собой эффективный, но на данный момент совершенно невостребованный инструмент урегулирования семейных конфликтов. Несмотря на закрепление на законодательном уровне, включая Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ, практическое применение медиации сталкивается с рядом барьеров как на формальном (а именно неопределенность и неясность специфики процедуры медиации, а также конкуренция с юридической (судебной) практикой на постразводном этапе и с семейной психологией на этапе развода), так и на неформальном уровне (культурный запрет на обращения за помощью к третьим лицам, установка на приватность семейного мира – «сор из избы не выносить»), в связи с чем процедура остается непонятной и, как следствие, невостребованной со стороны общества. Однако, с учетом перечисленных барьеров можно предложить ряд мер, которые могут способствовать повышению уровня востребованности медиации среди молодых семей. Во-первых, необходимо провести масштабную информационную кампанию о процессе медиации, в основном о ее содержании и преимуществах, чтобы сделать процесс медиации более понятным для населения. Во-вторых, следует повысить доступность медиативных практик, особенно в регионах, где не все семьи, даже при желании, могут позволить себе медиацию в финансовом плане. Кроме того, важно совершенствовать законодательную базу: несмотря на принятие закона о медиации еще в 2010 г., до сих пор остается большое количество неясных моментов, в том числе неясными остаются показатели эффективности проведенной медиации. Также необходимо формировать устойчивые связи между различными ведомственными структурами и повышать качество подготовки профессиональных медиаторов. И конечно, стоит обсудить вопрос об обязательном статусе медиации, что поможет повысить ее значимость и востребованность у молодых семей.

Литература

- В Совете Федерации обсудили актуальные вопросы развития медиации // Федеральная нотариальная палата. – 20.11.2024. – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/v-sovete-federacii-obsudili-aktualnye-voprosy-razvitiya-mediacii-2411>.
- В 2024 году в России распались восемь из 10 браков // Forbes. – 18.12.2024. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov>.
- Верещагина, А.В. Проблемы молодой семьи первого года жизни с позиции ее типологической характеристики / А.В. Верещагина, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2016. – № 10. – С. 46–50.
- Гурко, Т.А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики / Т.А. Гурко // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 40–69. – <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.2.4270>.

Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за июнь 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. – 09.08.2024. – URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_06-2024.htm.

Каковы основные проблемы, с которыми сталкиваются практики семейной медиации в России? // Национальная ассоциация семейных медиаторов в России. – 2024. – URL: <https://mediacia.pro/problems-of-family-mediation-in-russia>.

Распространению медиации в России поможет создание реестра профессиональных медиаторов // Медиатор.РФ. – 10.07.2024. – URL: <https://медиатор.рф/news/rasprostraneniyu-mediatsii-v-rossii-pomozhet-sozdanie-reestra-professionalnykh-mediatorov/>.

Семья на Дону в цифрах статистики. – Ростов н/Д: Ростовстат, 2024. – 70 с.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/.

References

Family on the Don in statistical figures. Rostov-on-Don: Rostovstat; 2024. 70 p. (In Russ.)

Federal Law “On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)” dated 27.07.2010 No. 193-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/. (In Russ.)

Gurko T.A. Formation of the institution of mediation in the field of family disputes in Russia: laws, theories and practices. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice.* 2016;4(2):40–69. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.2.4270>. (In Russ.)

In 2024, eight out of 10 marriages in Russia broke up. *Forbes.* 18.12.2024. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov>. (In Russ.)

Natural population movement in the context of constituent entities of the Russian Federation for June 2024. *Federal State Statistics Service.* 09.08.2024. Available at: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_06-2024.htm. (In Russ.)

The creation of a register of professional mediators will help spread mediation in Russia. *Mediator.RF.* 10.07.2024. Available at: <https://mediator.rf/news/rasprostraneniyu-mediatsii-v-rossii-pomozhet-sozdanie-reestra-professionalnykh-mediatorov/>. (In Russ.)

The Federation Council discussed current issues of mediation development. *Federal Notary Chamber.* 20.11.2024. Available at: <https://notariat.ru/ru-ru/news/v-sovete-federacii-obsudili-aktualnye-voprosy-razvitiya-mediatsii-2411>. (In Russ.)

Vereshchagina A.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. Problems of a young family in the first year of life from the standpoint of its typological characteristics. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences.* 2016;10:46–50. (In Russ.)

What are the main problems faced by family mediation practitioners in Russia? *National Association of Family Mediators in Russia.* 2024. Available at: <https://mediacia.pro/problems-of-family-mediation-in-russia>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 04.04.2025

Дата окончания рецензирования: 28.04.2025

Дата принятия к публикации: 30.04.2025

Информация об авторе

Жиденко Ангелина Александровна – ассистент кафедры экономической теории, начальник отдела по воспитательной работе и реализации молодежных программ Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zhidenko Angelina Aleksandrovna – Assistant of the Department of Economic, Head of the Department for Educational Work and Implementation of Youth Programs of the Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.3>

EDN PXGHPA

Семья в нарративах студентов из замещающих и биологических семей**Евгения Е. Мыкалова¹**

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: zhenya.pavlova.99.99@inbox.ru

Аннотация

Введение. Семья – первичный агент социализации и неотъемлемый структурный элемент общества, ее развитие и поддержка – приоритетная задача любого государства. Восприятие семьи, ее роли в жизни современного человека молодежью – отправной и значимый этап выстраивания семейной политики, отвечающей актуальным проблемам и потребностям общества. В статье представлены результаты исследования, целью которого выступало сравнение ценностных моделей семьи с позиций детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в замещающих семьях, и детей, воспитывающихся в биологических семьях. Автором был поставлен вопрос о возможности передачи семейных ценностей замещающими родителями и их восприятия приемными детьми. Ответ стал возможен через сравнение высказываний о семье, семейных ценностях представителей двух категорий детей – кровных и приемных.

Методы. Положения статьи основаны на материалах фокус-групп, проведенных в Нижегородском государственном инженерно-экономическом университете в мае–сентябре 2024 г. Первая фокус-группа включала респондентов-обучающихся из замещающих семей ($N = 7$), вторая состояла из обучающихся, которые воспитываются кровными родителями ($N = 7$).

Результаты и их обсуждение. Результаты проведенного авторского исследования показали, что существенной разницы в представлениях о модели семьи, семейном образе жизни, семейных ценностях между группами респондентов нет. Участники видят идеальную семью как нуклеарную, преимущественно двухдетную, где главными ценностями выступают любовь, доверие, верность, забота. Проведенные фокус-группы показали востребованность института прародительства, молодые люди отмечают необходимость участия бабушек и дедушек в воспитании детей и совместном времяпрепровождении. Также данные подтвердили зафиксированную демографами и социологами тенденцию откладывания семьи, характерную для современного молодого поколения. Отсутствие серьезной разницы в сформированном образе семьи у разных групп студентов может свидетельствовать в пользу эффективности института замещающего родительства.

Ключевые слова: замещающее родительство; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; семья; семейные ценности; репродуктивные установки.

Для цитирования: Мыкалова Е.Е. (2025). Семья в нарративах студентов из замещающих и биологических семей. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 31–39. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.3>.

Family in the narratives of students from substitute and biological families**Evgenia E. Mykalova¹**

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: zhenya.pavlova.99.99@inbox.ru

Abstract

Introduction. The family is the primary agent of socialization and an integral structural element of society, its development and support is a priority task of any state. The perception of the family and its role in the life of a modern person by young people is the starting point and a significant stage in building a family policy that meets the current problems and needs of society. The article presents the results of a study aimed at comparing family value models from the perspective of orphaned children and children left without parental care, raised in substitute families, and children raised in biological families. The author raised the question

of the possibility of transferring family values by substitute parents and their perception by foster children. The answer became possible through a comparison of statements about the family and family values of representatives of two categories of children: blood and foster children.

Methods. The provisions of the article are based on the materials of focus groups conducted at the Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics in May-September 2024. The first focus group included respondents from substitute families ($N = 7$), the second consisted of students who are raised by blood parents ($N = 7$).

Results and its discussion. The focus groups conducted showed that there is no significant difference between the groups of respondents in their ideas about the family model, family lifestyle, and family values. The participants see the ideal family as a nuclear, predominantly two-child family, where the main values are love, trust, loyalty, and care. The data also confirmed the tendency recorded by demographers and sociologists to postpone the family, which is characteristic of the modern younger generation. The absence of a significant difference in the formed image of the family among different groups of students may indicate in favor of the effectiveness of the institution of substitute parenting.

Keywords: substitute parenting; orphan; family; family values; reproductive attitudes.

For citation: Mykalova E.E. (2025). Family in the narratives of students from substitute and biological families. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 31–39. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.3>.

Введение

Сегодня семья и семейные ценности поставлены во главу угла. Подтверждение тому можно найти в законодательстве. Так, согласно Указу Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. № 809 одной из традиционных ценностей современной России выступает крепкая семья (Указ Президента РФ..., 2022). Президент РФ в своих обращениях к гражданам страны указывает, что «семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности» (Путин: «Семья – это не просто основа государства...», 2023), а ее главными задачами выступают «рождение и воспитание детей» (Путин назвал главное предназначение семьи, 2024).

Объявление 2024 г. Годом семьи подталкивает нас к рассуждению о важности и значимости семьи, в том числе в представлениях различных групп молодых людей.

Формирование норм, ценностей, паттернов поведения, усвоение культурного и социального опыта – это процесс социализации, первичным агентом которого выступает семья, отправная точка в «создании» человека для человечества. В семье начинается духовно-нравственное становление человека, усваиваются базовые статусы и роли, в связи с чем семья считается основой и источником функционирования общества.

Семья прошла долгий исторический путь развития – от многопоколенной к нуклеарной, от крестьянской к городской, от многодетной к однодетной. Семья трансформируется под влиянием социально-экономических факторов. Сегодня общество пришло к тому, что традиционная патриархальная семья себя изживает, на смену ей приходит эгалитарная нуклеарная семья (Кислых, 2023). Однако, принимая во внимание быстро меняющийся современный цифровой мир, под традиционной семьей сегодня в первую очередь необходимо понимать союз мужчины и женщины, которые воспитывают своих детей на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, любви и заботы, соглашаясь с принципом равноправного участия в области воспитания детей и в профессиональной сфере.

Семья и как социальный институт, и как малая группа всегда была и будет подвержена угрозам и рискам. В связи с геополитической обстановкой, ростом глобализации, многообразием субкультур, идей и течений необходимость сохранения «новой» традиционной крепкой семьи осознается в самых высших эшелонах власти.

Представления молодого поколения о семье, ее ценностях, идеальных моделях, проблемы формирования образа семьи важны как с научно-исследовательской, так и

с политической точки зрения. Очень важно не упустить молодое поколение, которое определяет будущее, в том числе и семьи. Но группы молодежи разные, по-прежнему значительна доля тех, кто по тем или иным причинам лишен заботы и любви биологических родителей. По данным статистики, на 2023 г. в России более 350 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Численность детей-сирот..., 2023), при этом, по данным Федерального банка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (<https://usynovite.ru/>), ежегодно выявляется около 40 тыс. детей данной категории. Причины сиротства могут быть различными, но результат один: ребенок теряет возможность воспитываться в родной семье, нарушается преемственность передачи и воспроизводства образа благополучной семьи, так необходимой сегодня российскому обществу.

Семейным кодексом РФ предусмотрены две формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: институциональная (помещение ребенка в специализированные детские учреждения) и семейная (передача на воспитание в замещающую семью, формы которой весьма вариативны и могут иметь различия в зависимости от региона), при этом вторая является приоритетной (Семейный кодекс РФ, 1995).

Передавая ребенка на воспитание в замещающую семью, государство и общество доверяют институту замещающего родительства в вопросах родительских компетенций, способов, форм обучения, содержания и воспитания приемного ребенка/детей. Создаются (государственными органами, некоммерческими организациями) условия для повышения родительской компетенции посредством организации школ приемного родительства, семинаров, форумов и совещаний для обмена и трансляции успешного опыта воспитания и обучения приемных детей. Иными словами, сегодня на повестке стоит проблема профессионализации замещающего родительства (Егорова, 2023). Как известно, семья – первичный агент социализации, родители – первые, кто учит и показывает своим примером, как устроено общество, ориентируют в пространстве «хорошо – плохо». Насколько успешны замещающие родители в формировании образа семьи, семейных ценностей у принятых ими детьми? Удастся ли в такой семье сформировать приемлемые и правильные образы и семейные ценности? Отличаются ли дети, выросшие в такой семье, от детей, воспитанных в кровных семьях, во взглядах на семью, ее основные характеристики?

Методология и методы исследования

Основой послужили данные, полученные посредством проведения двух фокус-групп в рамках авторского исследования на тему «Ценности семейственности, родительства и детства» в образовательном учреждении высшего образования (Нижегородская область, г. Княгинино): первая проводилась с лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей ($N = 7$), участниками второй стали студенты, воспитывающиеся в кровной семье ($N = 7$), возрастной диапазон респондентов, принявших участие в фокус-группе, – от 18 лет до 21 года. Основными темами для обсуждения стали: интерпретация понятия «семья», составление образа идеальной семьи, семейные ценности и репродуктивные установки.

Результаты исследования

Понятие «семья». Семья для категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – это в первую очередь группа людей, имеющих что-то общее, которые «ни при каких условиях от тебя не отвернутся и будут дальше тебе помогать» (Дарья, 19 лет, замещающая семья). При этом некоторые не отмечали родство

как обязательное условие: *«Для меня семья – это объединение разных людей, которые как-то заботятся друг о друге, имеют в жизни какое-то значение, каждый в жизни вот этого человека, которые заботятся друг о друге, переживают вместе, сплоченные, всегда делятся чем-то друг с другом, несмотря на какие-то там ситуации, на разные города, все равно вы поддерживаете связь, даже если вы и не родня по крови»* (Алина, 20 лет, замещающая семья).

Для детей, воспитывающихся в кровных семьях, *«семья – это люди, с которыми ты связан родством и кровью, с самого нашего рождения они занимаются нашим воспитанием и формированием нашей личности, кем мы являемся в данный момент... самые близкие к тебе люди, которые находятся рядом большую часть жизни человека»* (Анастасия, 20 лет, биологическая семья). Примечательно, что лишь два человека из данной группы отметили необходимость кровного родства, в первую очередь для них это люди, которые сопровождают человека большую часть его жизненного пути, состоят в отношениях любви и гармонии, во главу угла поставлены межличностные взаимоотношения и только затем следует кровное родство.

Понятие семьи описывается глаголами «понимать», «строить», «любить», «слышать» и «слушать», «помогать», «уважать» и «поддерживать». Прилагательные, характеризующие представления о семье, следующие: дети-сироты описывают ее как «крепкую», «дружную», «любимую», «верную»; дети из кровных семей говорят о семье как о «комфортной», «идеальной», «принимающей» и «любящей». Для детей из приемных семей семья – это «мы», однако для кровных – семья это не только «мы», а также «свои».

Образ идеальной семьи. Учитывая вариативность семейных форм, становится не только актуальным, но и первостепенным по важности сохранение традиционного образа семьи. В ходе проведения фокус-групп существенных отличий в представлениях об идеале семьи выявлено не было. Однако обучающиеся из числа сирот в первую очередь обращали внимание на такие характеристики, как «крепкая», «верная», «как в песне, лишнего не спросит, в беде не бросит», а участники второй фокус-группы (кровные дети) в первую очередь отметили состав идеальной семьи и только затем придавали эмоциональный окрас и ценностные характеристики.

Идеальная семья для обеих категорий – нуклеарная, состоящая из супружеской пары и детей (один или два ребенка), приветствуется наличие домашних животных. Старшее поколение и иные родственники (братья, сестры, дяди, тети) должны участвовать в общих семейных праздниках (день рождения, Новый год), и, конечно, приветствуется их включенность в воспитание детей. Также важной в описании образа идеальной семьи с позиции детей, воспитывавшихся в замещающих семьях, оказалась материальная составляющая: *«наличие хорошо оплачиваемой работы»* (Дмитрий, 18 лет, замещающая семья), *«собственный дом/квартира/машина»* (Анастасия, 19 лет, замещающая семья). Иными словами, учащимся данной категории важно иметь «свое», чтобы обеспечить не только себя, но и свою семью. Для детей из биологических семей материальный аспект также важен, но он не ставится во главу угла и прозвучал вскользь.

Из общей совокупности только два участника указали свою четкую антисемейную позицию. Из категории детей-сирот одна представительница выразила позицию чайлдфри: *«Нет желания. Считаю, что дети – это обуза. Балласт»* (Алина, 20 лет, замещающая семья), при этом наличие супруга для нее обязательно; в другой группе прозвучала четкая позиция, что *«идеальная семья – это я и два кота, три»* (Ольга, 19 лет, биологическая семья).

В первом случае нежелание иметь детей объясняется необходимостью сохранения высокого уровня мобильности: *«Хочется куда-то ездить, путешествовать»*

(Алина, 20 лет, замещающая семья), во втором антисемейная позиция сформировалась под воздействием неуспешного семейного опыта родителей и негативных образов семьи, которые представлены сегодня в СМИ: *«У мамы был несчастливый брак, кстати, еще один пример, что семья – это грустно... Я посмотрелась ваших этих новомодных передач, где семья что-то плохое, и думаю, зачем все это мне»* (Ольга, 19 лет, биологическая семья).

Таким образом, ориентация на бездетность – не столько результат организации семьи, сколько более глубокие личностные переживания, моральная неготовность, амбициозные планы на будущее, негативный образ семьи, транслируемый в СМИ.

Семейные ценности. Понятие «ценность» можно интерпретировать по-разному. В зависимости от исследовательских задач можно определить ценности как идеал или норму, как мотив, определяющий поведение и действия индивидов, как фактор стабилизации общества, как вектор развития государственной политики. Сегодня ценностям уделяется особое внимание, в том числе на государственном уровне. Взят курс на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, среди которых крепкая семья – одна из первостепенных. Различные исследования доказывают, что семья, несмотря на социально-экономические, политические обстоятельства, остается базовой приоритетной ценностью для молодежи (Рожкова, 2023). Какова же внутренняя составляющая семьи? На что или кого, согласно исследованию, ориентируется молодежь в построении «успешной», «идеальной» семьи?

Под семейными ценностями можно понимать нравственные ориентиры, которые направлены на сохранение, укрепление, развитие и успешное функционирование семьи, – это нормы, идеалы, установки (Исаев, 2022). В ходе обсуждения респонденты отметили свою трактовку понятия «ценность» – это «нечто духовное», «мораль», «традиция», «принципы какие-то, через которые ты не переступишь».

Какие же нравственные ориентиры определяют для себя дети, прошедшие через замещающую семью? Во главу угла поставлены: «любовь» и «доверие», далее – «верность», «уважение», «согласие» и «общение».

Дети кровных родителей на первое место возводят «любовь», важными также считаются «забота», «доверие», «верность», «понимание», «уважение».

Как показал опрос, значительных расхождений в понимании ценностных констант семьи, семейной жизни не было выявлено. Для обеих категорий важна любовь, взаимоуважение, поддержка, доверие, иными словами, те ценности, которые позволят сохранить семью даже в условиях кризиса. Но как же были сформированы данные ценности? Как или кто повлиял на их формирование? Обучающиеся, воспитываемые кровными родителями, отметили, что большое влияние на них оказала их родительская семья, взаимоотношения между родителями, родителями и детьми: *«Так сложилось в моей семье»* (Александра, 21 год, биологическая семья), *«Влияют традиции, твоя семья, твое окружение, если смотреть на родителей, долгий брак, счастливый, по крайней мере, я вижу это как счастливый»* (Денис, 20 лет, биологическая семья). Важно отметить, что некоторые из респондентов отмечали, как на их глазах выстраивались условно правильные и всеми приемлемые взаимоотношения, формы взаимодействия, которые способствовали гармонизации семейных отношений: *«Раньше мы с мамой друг друга не слышали, сейчас обе повзрослели и хотя бы слышим друг друга»* (Кира, 18 лет, биологическая семья).

Но наиболее интересным оказалось выявить, как сформировались семейные ценности у обучающихся из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Как отметила одна респондентка, *«с самого начала, как ты*

понимаешь это. Все равно перед глазами есть – семьи и у друзей, и приемная потом, понимаешь, как надо правильно» (Анастасия, 19 лет, замещающая семья). Для многих «правильное», «нормальное» понимание семьи сложилось благодаря опыту проживания в «хорошей» семье, которой в данном контексте выступила приемная семья.

Репродуктивные установки. Конечно, в контексте семьи, ее ценностей и правил не менее важны намерения в отношении создания семьи, в особенности – рождения детей. «Репродуктивные установки – это психические состояния личности, обуславливающие взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей» (Короленко, 2022, 172).

Исследование репродуктивных установок молодежи – популярная тема среди исследователей. Широко известны тенденции, согласно которым молодое поколение откладывает вступление в брак на более поздний возраст (ближе к 30 годам), что связано в первую очередь с социально-экономическими факторами. Исследования иерархии ценностей также показывают, что на первой позиции оказываются материальные ценности (Ивченков, 2020). Прослеживаются ли данные тенденции среди детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей? Рассуждая на тему возраста вступления в брак и желаемого возраста для рождения первого ребенка, участники фокус-группы дали ответы, подтверждающие общую тенденцию отсрочки молодежи брака на более поздний возраст. По мнению респондентов, идеальный возраст для вступления в брак и рождения первенца колеблется в диапазоне 25–30 лет. Какие же обстоятельства вынуждают откладывать вступление в брак? Заметим, что само понятие «брак» является важным компонентом семьи для респондентов и обязательным условием: *«Это показатель уверенности, готовности»* (Дмитрий, 18 лет, замещающая семья), однако не является единственным основанием семьи. Семья начинается задолго до брака, и при этом важным этапом создания семьи является период сожительства, который необходим для того, *«чтобы узнать друг друга получше и иметь представление о семье»* (Виктория, 21 год, замещающая семья), *«чтобы узнать, понять. Человек же при совместной жизни может тоже измениться»* (Дарья, 19 лет, замещающая семья). Оптимальный период сожительства для респондентов – от года до трех лет.

Вопросы планирования и создания собственной семьи для респондентов оказались весьма волнующими и проблемными. Один из главных факторов, сдерживающих создание семьи, – нестабильное финансовое положение, которое преодолевается посредством хорошей учебы, собственного саморазвития, что в совокупности открывает доступ к хорошо оплачиваемой работе. Стоит обратить внимание на то, что финансовая проблематика актуальна как для юношей, так и для девушек.

В отношении репродуктивных установок обучающихся, которые воспитываются кровными родителями, картина выглядит немного иначе. Для большинства респондентов возраст создания семьи находится в пределах 25–30 лет, однако в 20–22 года девушки также согласны выйти замуж. Важными условиями готовности к созданию семьи являются образование, хороший материальный достаток, наличие собственной жилплощади, иными словами, материальный аспект выступает существенным фактором, который, с одной стороны, сдерживает создание семьи, с другой – является основанием ее стабильности.

Каково же мнение относительно официального статуса мужа или жены? Брак является обязательным, однако о нем не говорилось с позиции «гаранта» чувств и уверенности, в большей степени были отмечены «плюшки», которые человек полу-

чает от брака: *«Официальный брак – очень хорошая штука, которая в будущем принесет немало плюшек, просто потому, что если ты или твой партнер попадет в больницу, это я говорю как пример, то, не будь вы расписаны, вас не пустят к нему в палату, а если у вас будет штамп в паспорте, что вы муж и жена, то вас, естественно, пустят. Также совместная оплата, семьям дают более низкие процентные ставки, в целом в нашей стране вступить в брак – это достаточно выгодно для семьи»* (Валерия, 20 лет, биологическая семья).

Модель своей будущей семьи участники обеих фокус-групп соотносят с идеальным представлением о семье: нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары и детей (одного или двух), при этом важна высокооплачиваемая работа для обеспечения достойного уровня жизни семьи, также приветствуется участие старшего поколения в воспитании детей и совместном времяпрепровождении. Конечно, в силу возраста говорить о готовности к созданию семьи сложно, респонденты не торопятся, так как не достигнуты определенные успехи (образование, материальное положение). При этом замечена мотивация и четкий настрой на создание семьи, а также на рождение детей.

Заключение

Таким образом, позиция обучающихся, воспитывающихся в замещающих семьях и биологических, схожа.

В создании семьи для респондентов большое значение имеет официальная регистрация отношений, т.е. вступление в брак. Главной ценностью выступает любовь, отношения между всеми членами семьи должны быть построены на доверии, понимании, верности, уважении, важно уметь слышать и слушать.

Образ идеальной семьи представляется опрошенным традиционным: супружеская пара, дети (один или два), домашнее животное. Совместное проживание со старшим поколением не предполагается, однако участие бабушек и дедушек, а также иных родственников в воспитании детей, в общих праздниках приветствуется. Исходя из рассуждений респондентов, можно сделать вывод, что и юноши, и девушки готовятся к созданию семьи, прикладывают усилия для приближения этого события.

Можно ли говорить о том, что замещающие семьи успешно справляются с социализацией принятых ими детей? Получается ли у них воспитать и привить правильные семейные ценности? Исходя из результатов, можно сказать, что замещающие родители справились с поставленной задачей. Переориентация на семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приносит свои плоды. Несмотря на то, что биологические семьи данных детей не смогли по тем или иным причинам сохранить свою значимость для них, показав свою родительскую несостоятельность, дети этих родителей смогли сформировать нормальную для российской действительности ценностную модель семейной жизни, которую им необходимо реализовать в дальнейшем в рамках собственной семьи.

Литература

Егорова, Н.Ю. Профессионализация замещающего родительства в России: характеристики, возможности, перспективы / Н.Ю. Егорова, Е.Е. Мыкалова // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки.* – 2023. – № 2. – С. 47–61. – <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.2.4>. – EDN ТКCPDB.

Ивченков, С.Г. Особенности репродуктивных установок современной молодежи: мнения экспертов и реальность / С.Г. Ивченков, М.С. Ивченкова // *Alma mater (Вестник высшей школы).* – 2020. – № 11. – С. 36–44. – <https://doi.org/10.20339/AM.11-20.036>.

Исаев, А.В. Формирование семейных ценностей в студенческой среде (социологический анализ) / А.В. Исаев, И.В. Михалев, Е.В. Титова // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2022. – № 4. – С. 45–58. – <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-4-45-58>. – EDN JPJFCF.

Кислых, Д. Н. Что такое современная семья? / Д. Н. Кислых // *Христианские основы российской цивилизации в противостоянии секулярному началу в современном мире: материалы XVIII–XIX международных научно-образовательных Знаменских чтений*. – Курск: Курск. ин-т кооперации (филиал) БУКЭП, 2023. – С. 50–56. – EDN GWEIOS.

Короленко, А.В. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 172–189. – <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11>. – EDN OGIYSX.

Путин назвал главное предназначение семьи // РИА Новости. – 29.02.2024. – URL: <https://ria.ru/20240229/semya-1930188713.html>.

Путин: «Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности» // Российская газета. – 28.11.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/11/28/semia-kak-simvol-very.html>.

Рожкова, Л.В. Семейные ценности современной молодежи / Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина // *Известия Саратовского университета. Новая серия. – Сер. Социология. Политология*. – 2023. – Т. 23, №2. – С. 138–142. – <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>. EDN JEVTPY.

Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.

Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. № 809 // Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Единая межведомственная информационно-статистическая система. – 2023. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61254>.

References

Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” dated 09.11.2022 No. 809. *Garant*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. (In Russ.)

Egorova N.Yu., Mykalova E.E. Professionalization of substitute parenting in Russia: characteristics, opportunities, prospects. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskiye nauki = PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2023;2:47–61. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.2.4>. (In Russ.)

Isaev A.V., Mikhalev I.V., Titova E.V. Formation of family values among students (a sociological analysis). *Izvestiya Tulskego gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. = Bulletin of Tula State University. Humanities*. 2022;4:45–58. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-4-45-58>. (In Russ.)

Ivchenkov S.G., Ivchenkova M.S. Features of reproductive attitudes of modern youth: expert opinions and reality. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly) = Alma mater (Bulletin of the Higher School)*. 2020;11:36–44. <https://doi.org/10.20339/AM.11-20.036> (In Russ.)

Kislykh D.N. What is a modern family? *Khristianskiye osnovy rossiyskoy tsivilizatsii v protivostoyanii sekulyarnomu nachalu v sovremennom mire: materialy XVIII–XIX mezhdunarodnykh nauchno-obrazovatelnykh Znamenskikh chteniy = The Christian Foundations of Russian Civilization in opposition to the Secular Principle in the Modern World: materials of the XVIII–XIX International Scientific and Educational Znamensky Readings*. Kursk: Institute of Cooperation (branch) of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law; 2023. P. 50–56. (In Russ.)

Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive attitudes of young families: factors and conditions for implementation (based on in-depth interviews). *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022;15(2):172–189. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11> (In Russ.)

Putin named the main purpose of the family. *RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20240229/semya-1930188713.html>. (In Russ.)

Putin: The family is not just the foundation of the state and society, it is a spiritual phenomenon, the foundation of morality. *Rossiyskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2023/11/28/semia-kak-simvol-very.html>. (In Russ.)

Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Family values of modern youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Saratov University. Sociology.* 2023;23(2):138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>. (In Russ.)

The Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 No. 223-FZ. *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. (In Russ.)

The number of orphaned children. *Unified interdepartmental information and statistical system*. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/61254>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 16.01.2025

Дата окончания рецензирования: 21.02.2025

Дата принятия к публикации: 27.02.2025

Информация об авторе

Мыкалова Евгения Евгеньевна – аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; преподаватель, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, г. Княгинино, Россия, e-mail: zhenya.pavlova.99.99@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Mykalova Evgenia Evgenievna – Postgraduate Student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; lecturer, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino, Russia, e-mail: zhenya.pavlova.99.99@inbox.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 31

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.4>

EDN YFFPGI

Семейное поведение населения регионов Южной Сибири**Ирина Н. Трошкина¹**

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан, Россия
e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

Аннотация

Введение. Цель статьи заключается в выявлении основных направлений матримониального и прокреативного поведения населения Южной Сибири, являющихся важными компонентами семейного поведения. Задачи исследования: на основе статистических данных раскрыть основные компоненты семейного поведения, выявить тенденции динамики рассматриваемых объектов. Вкладом автора в исследование темы является освещение семейного поведения населения Южной Сибири в начале XXI в. через призму статистических данных. Новизна исследования заключается в изучении регионального компонента семейного поведения в начале XXI в. Практическая значимость заключается в возможности использования данных статьи в работе административных структур.

Методы. Методологическую основу исследования составляют принципы и категории диалектики, методы анализа и синтеза. Эмпирической базой исследования являются данные официальной статистики за период с 2002 по 2020 г.

Результаты и их обсуждение. Прокреативное поведение населения Южной Сибири является определяющим в семейном поведении, при этом матримониальное обуславливает темпы прокреации. В целом можно говорить о феномене высокого уровня прокреации в рассматриваемых регионах в условиях ощутимой внебрачной рождаемости, сочетающейся с пониженным уровнем стабильности брака.

Ключевые слова: семейное поведение; матримониальное поведение; прокреативное поведение; население; Южная Сибирь; статистика; тенденции.

Для цитирования: Трошкина И.Н. (2025). Семейное поведение населения регионов Южной Сибири. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 40–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.4>.

Family behavior of the population of the regions of Southern Siberia**Irina N. Troshkina¹**

¹Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia
e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is to identify the main directions of matrimonial and procreative behavior of the population of South Siberia, which are important components of family behavior. Research objectives: based on statistical data, to reveal the main components of family behavior, to identify trends in the dynamics of the objects under consideration. The author's contribution to the research is to highlight the family behavior of the population of South Siberia at the beginning of the 21st century through the prism of statistical data. The novelty of the research lies in the study of the regional component of family behavior at the beginning of the 21st century. The practical significance lies in the possibility of using these articles in administrative structures.

Methods. The methodological basis of the research consists of the principles and categories of dialectics, methods of analysis and synthesis. The empirical basis of the study is the data from official statistics for the period from 2002 to 2020.

Results and its discussion. The procreative behavior of the population of South Siberia is crucial in family behavior, while matrimonial behavior determines the pace of procreation. In general, we can talk about the phenomenon of a high level of procreation in the regions under consideration in conditions of a significant illegitimate birth rate, combined with a reduced level of marriage stability.

Keywords: family behavior; matrimonial behavior; procreative behavior; population; Southern Siberia; statistics; trends.

For citation: Troshkina I.N. (2025). Family behavior of the population of the regions of Southern Siberia. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1). p. 40–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.4>.

Введение

Изучение семейного поведения населения в его матримониальной и прокреативной составляющих является важным в свете формирования человеческого потенциала территорий. Этот аспект проявляется в данных официальной статистики по брачно-воспроизводственному направлению, а в целом имеет следующую тенденцию: «Развод становится нормой, в том числе при наличии детей в семье; дети чаще появляются на свет вне брака, рождение откладывается на поздний срок (Ефимова, 2015, 40).

Среди факторов, обуславливающих такое поведение, выделяют второй демографический переход, историко-культурные особенности территории, ценности населения, семейную политику, расширяющиеся возможности женщин (Артамонова, 2018, 109; Пельменева, 2015, 261).

Значимая роль среди данных факторов отводится ценностям населения, в том числе семейным, обуславливающим современное матримониальное, репродуктивное поведение, характеризующееся нестабильностью брачных союзов, малодетностью.

Матримониальное (брачное) поведение, как правило, оценивается по статусу брачного состояния, соотношению браков и разводов, позволяет оценить ситуацию, сложившуюся в сфере супружеских отношений; прокреативное – по уровню рождаемости, в том числе внебрачной, количеству домохозяйств с тремя и более детьми, раскрывает сферу родительских отношений.

Южно-Сибирский регион, включающий республики Алтай, Тува, Хакасия, рассматриваемый как единый историко-культурный конгломерат со схожими явлениями, процессами, интересен феноменом высокого уровня репродукции (рождение детей) в большей части регионов и при этом наличием пониженного уровня брачного поведения (сохранение брака).

Теоретические основы исследования

Семейное поведение населения Южной Сибири в начале XXI в. многократно привлекало внимание исследователей: Г.С. Гончарова и Л.Я. Савельев изучали семейно-матримониальные отношения посредством обращения к материалам статистики, данным авторского социологического исследования (Гончарова, 1985; Гончарова, 1986; Гончарова, 2004; Гончарова, 2010; Семья в некоторых автономиях Сибири, 1987); Е.Е. Тиникова на основе статистических данных раскрыла матримониальное поведение городского населения Южной Сибири с середины XX в. по современный период (Тиникова, 2019; Тиникова, 2023).

В Хакасии фокус внимания исследователей был обращен на матримониальное поведение и изучался в аспекте межнациональных взаимодействий с середины XX по начало XXI в. (Кривоногов, 2011), структуры сельского населения в начале XXI в. (Лушникова, 2020); компонентов прокреативного поведения в конце XX – начале XXI в. (число родившихся, коэффициент рождаемости, родившиеся по очередности рождения) (Баранцева, 2021).

В Туве исследовалась социокультурная динамика семейно-матримониальных отношений коренных народов Южной Сибири (Алексеева, 2021), межнациональное

матримониальное поведение (Доржу, 2019); трансформация прокреативной модели тувинской семьи (Натсак, 2022), а также прокреативное поведение населения региона в конце XX – начале XXI в. (Ростовская, 2023).

По Республике Алтай раскрывались вопросы семейных ценностей (Енчинов, 2009), воспроизводства населения (Еремин, 2017).

В целом фокус исследователей обращен на брачное поведение населения, поскольку оно определяет состояние семьи, имеет негативный тренд, наличествует потребность в совокупном представлении матримониального и прокреационного поведения по регионам Южной Сибири в сравнении основных показателей.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования семейного поведения населения республик Алтай, Тува, Хакасия составляют принципы и категории диалектики, методы анализа и синтеза. Эмпирической базой исследования являются данные официальной статистики за период с 2002 по 2020 г. Объектом исследования выступает население Южной Сибири, предметом – матримониальное и прокреативное поведение населения трех республик.

Результаты исследования

Мы рассмотрим показатели, характеризующие семейное поведение по матримониальному и прокреативному направлениям, позволяющим оценить отношения в сфере супружества и родительства в рассматриваемых регионах.

Сфера супружеских отношений представлена компонентами матримониального поведения. Согласно данным статистики, население предпочитает брачный статус альтернативе безбрачия. Удельный вес состоящих в браке в РФ за последнее двадцатилетие увеличился на 0,9%, при этом доля никогда не состоявших в брачном союзе сократилась на 2,1%. Распространенными являются зарегистрированные союзы, их прирост составляет 1,1%, наблюдается сокращение незарегистрированных браков (0,4%) (табл. 1).

Таблица 1

Брачное состояние населения РФ в процентах от указавших состояние в браке (2002–2020 гг.)

Брачное состояние	Год		
	2002	2010	2020
Состоящие в браке, в том числе	57,1	57,3	58,0
в зарегистрированном	51,6	49,7	52,8
в незарегистрированном	5,6	7,6	5,2
Никогда не состояли в браке	21,0	20,7	18,9
Разведенные	н/д	8,3	8,9
Разошедшиеся	16,5	1,7	2,9
Вдовы	11,4	11,9	11,3
Уровень окончательного безбрачия, %	2,8	0,7	0,1

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Для регионов Южной Сибири характерно сокращение числа состоящих в браке, увеличение доли зарегистрированных и снижение числа незарегистрированных (табл. 2). Исключение – Республика Тува, где отмечается увеличение удельного веса незарегистрированных браков на 2,9%, что обусловлено демографическими процессами, социально-экономическим положением в регионе, процессами урбанизации, повышением уровня образования женского населения.

Таблица 2

Брачное состояние населения РФ (2002–2020 гг.)

Регион	2002			2010			2020		
	состоящие в браке, чел.	состоящие в незарегистрированном браке, чел.	% находящихся в незарегистрированном браке от состоящих в браке	состоящие в браке, чел.	состоящие в незарегистрированном браке, чел.	% находящихся в незарегистрированном браке от состоящих в браке	состоящие в браке, чел.	состоящие в незарегистрированном браке, чел.	% находящихся в незарегистрированном браке от состоящих в браке
РФ	67 900 666	6630	16,4	33 232 330	4 405 359	13,3	60 061 374	5 424 824	9,0
город	49 434 858	4 447 216	9,0	24 244 920	3 092 366	12,8	43 178 107	3 645 403	8,4
село	18 465 808	2 182 296	11,8	8 987 406	1 312 993	14,6	16 883 267	1 779 421	10,5
СФО	4 754 633,5	700 569	14,7	4 559 327	843 373	18,5	6 801 353	854 368	12,6
город	нет данных	нет данных	нет данных	3 221 715	557 970	17,3	4 876 588	537 685	11,0
село	нет данных	нет данных	нет данных	1 337 612	285 403	21,3	1 924 765	316 683	16,5
Республика Алтай	46 513,5	80857,5	19,0	48 142	9453	19,6	88 988	13 612	15,3
город	нет данных	нет данных	нет данных	12 560	2230	17,8	24 432	3 031	8,8
село	нет данных	нет данных	нет данных	35 582	7223	20,3	64 556	10 581	16,4
Республика Тува	58 232	14 744	25,3	33 502	18 356	29,8	124 766	35 244	28,2
город	нет данных	нет данных	нет данных	33 502	10 233	30,5	67 465	17 635	26,1
село	нет данных	нет данных	нет данных	28 197	8 123,5	28,8	57 301	17 609	30,7
Республика Хакасия	130 100	21 297,5	16,4	127 982	25 958	20,3	204 670	28 122	13,7
город	нет данных	нет данных	нет данных	86 853	16 015	18,4	129 996	14 684	11,9
село	нет данных	нет данных	нет данных	41 129	9943	24,2	74 674	13 438	18,0

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

В целом позитивный тренд брачного состояния дополняется улучшающими показателями по соотношению браков и разводов – происходит сокращение числа разводов на 1000 браков по РФ. Однако по СФО, в том числе в республиках Алтай,

Тува, Хакасия, отмечается прирост данного показателя (в Республике Алтай – на 317‰, Туве – 6‰, Хакасии – 93‰) (табл. 3), что свидетельствует о динамике ценностей супружества, перераспределении ролей и функций.

Таблица 3

Соотношение браков и разводов на 1000 человек населения (2001–2020 гг.)

Регион	2001			2010			2020		
	браков	разво- дов	число разво- дов на 1000 браков	браков	разво- дов	число разво- дов на 1000 браков	браков	разво- дов	число разво- дов на 1000 браков
РФ	6,9	5,3	768	8,5	4,5	529	6,3	4,4	698
СФО	6,9	5,1	739	8,9	4,8	539	5,5	4,2	764
Республика Алтай	7,5	3,6	480	10,9	5,1	468	5,9	4,7	797
Республика Тува	4,8	1,7	354	6,8	2,0	294	5,0	1,8	360
Республика Хакасия	6,7	5,0	746	9,6	4,7	490	5,6	4,7	839

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Изменения происходят на фоне роста общей численности населения брачного возраста (от 16 лет и старше) как по РФ в целом, так и в республиках Алтай, Тува в частности в условиях снижения удельного веса численности населения мужского пола брачного возраста по Южно-Сибирскому региону на 3,2‰ (табл. 4). В целом это обусловлено демографическими процессами, поздним этапом смещения полоролевых позиций супругов, социально-экономическим положением регионов.

Сфера родительских отношений представлена компонентами прокреативного поведения. Суммарный коэффициент рождаемости как ключевой показатель, характеризующий интенсивность демографических процессов в обществе, увеличился в целом по РФ, СФО, регионам Южной Сибири за последнее двадцатилетие. Прирост по РФ в среднем за 2000–2020 гг. составил 22,5%, при этом по СФО показатель ниже – 21,4%, как и в республиках: Алтай – 19,2%, Хакасия – 18,1% (исключение – Республика Тува, 51,3%) (табл. 5).

Несмотря на увеличение суммарного коэффициента рождаемости, число рожденных детей, многодетных женщин, указавших рождение от трех и более детей по РФ, сократилось на 22,2 и 26,6% соответственно (табл. 6).

В национальных регионах Алтай, Тува число многодетных женщин увеличилось в среднем на 9,9% (исключение – Республика Хакасия, где отмечается снижение удельного веса таковых женщин на 28,0%), среднее число рожденных детей в трех регионах возросло на 7,12%, наибольший прирост отмечается в Республике Алтай (12,0%), наименьший – в Республике Тува (2,68%), в Хакасии показатель составил 6,7%.

В разрезе титульных этносов Южной Сибири наблюдается прирост числа рожденных детей на 1000 женщин в среднем на 35,6% (прирост у алтайцев – на 7,2%, тувинцев – 5,1%, хакасов – 5,2%) (табл. 7).

Таблица 4

Население по полу в возрасте 16 лет и старше (2002–2020 гг.)

Регион	2002		2010		2020		Прирост/ убыль населе- ния, %	Увеличение/сни- жение показателя «на 1000 женщин приходится муж- чин», %
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.		
РФ, тыс. чел.	118 843,5		119 696,3		122 471,9		3,0	– 0,1
	54154,2	64689,3	54187,5	65508,8	55775,1	66696,8		
СФО, тыс. чел.	16146,2		15849,0		13707,9		– 15,1	– 3,6
	7400,4	8745,8	7205,8	8643,2	6154,0	7553,9		
Республика Алтай, тыс. чел.	150,5		154,3		154,6		2,7	– 3,1
	69,9	80,6	71,1	83,2	70,6	84,0		
Республика Тува, тыс. чел.	208,0		213,8		226,4		8,8	– 2,6
	95,8	112,2	97,9	115,9	102,7	123,7		
Республика Хакасия, тыс. чел.	434,3		433,1		422,0		– 2,8	– 4,0
	198,1	236,2	195,8	237,3	188,1	233,9		

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Таблица 5

Суммарный коэффициент рождаемости (2000–2020 гг.)

Регион	2000	2010	2020
РФ	1,2	1,57	1,47
СФО	1,26	1,7	1,53
Республика Алтай	1,82	2,48	2,17
Республика Тува	1,83	3,03	2,77
Республика Хакасия	1,32	1,8	1,56

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Таблица 6

Женщины по рожденным детям (2002–2020 гг.), %

Регион	2002 г.			2010 г.			2020 г.		
	женщины, указавшие число рожденных детей, тыс. чел.	общее число рожден- ных детей, тыс. чел	среднее число рожденных на 1000 женщин	женщины, указавшие число рожденных детей, тыс. чел.	общее число рожден- ных детей, тыс. чел	среднее число рожденных на 1000 женщин	женщины, указавшие число рожденных детей, тыс. чел.	общее число рожден- ных детей, тыс. чел	среднее число рожденных на 1000 женщин
РФ	62885,5	95167,8	1513	62437,2	91717,6	1469	49318,2	73995,7	1500
СФО	–	–	–	8474,9	13140,3	1550	5793,4	9215,2	1591
Республика Алтай	82,0	155,6	1897	82,8	157,5	1901	73,8	149,4	2024
Республика Тува	115,5	223,4	1934	116,6	227,9	1954	115,6	229,7	1986
Республика Хакасия	239,4	385,4	1610	234,9	373,4	1589	172,0	295,5	1718

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Таблица 7

**Женщины наиболее многочисленных национальностей регионов Южной Сибири
по числу рожденных детей (2002–2020 гг.), %***

Регион	Число женщин, указавших от трех и более рожденных детей			Среднее число рожденных детей на 1000 женщин ряда национальностей, чел.		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020
РФ	8 900 187	8 083 691	6 524 447	1 513	1469	1500
СФО	нет данных	1 326 483	885 134	нет данных	1550	1591
Республика Алтай	21 985	21 838	22 369	1897	1901	2024
Республика Тува	33 303	34 989	39 376	1934	1954	1986
Республика Хакасия	42 946	39 170	30 908	1610	1589	1718
<i>Республика Алтай</i>						
Среднее число рожденных детей на 1000 женщин региона, чел.				1897	1901	2024
Русские, ед.	11 143	12 809	9708	1766	1763	1874
Удельный вес у русских	22,8	25,4	24,0	нет данных	нет данных	нет данных
Алтайцы	7996	14 090	10 807	2070	2080	2205
Удельный вес у алтайцев	32,6	43,4	39,8	нет данных	нет данных	нет данных
Казахи	1550	3470	2380	2283	2310	2422
Удельный вес у казахов	36,0	54,7	50,7	нет данных	1763	нет данных
<i>Республика Тува</i>						
Среднее число рожденных детей на 1000 женщин региона, чел.				1934	1954	1986
Тувинцы	27 649	48 278	37 882	2033	2028	2037
Удельный вес у тувинцев	32,3	43,8	37,4	нет данных	нет данных	нет данных
Русские	4895	4368	2360	1635	1668	1633
Удельный вес у русских	18,4	19,8	17,9	нет данных	нет данных	нет данных
<i>Республика Хакасия</i>						
Среднее число рожденных детей на 1000 женщин региона, чел.				1610	1589	1718
Русские	30 797	32 592	22 082	1542	1535	1668
Удельный вес у русских	15,9	16,5	15,9	нет данных	нет данных	нет данных
Хакасы	7545	9896	6394	1922	1812	1996
Удельный вес у хакасов	26,5	33,2	31,7	нет данных	нет данных	нет данных

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Примечание: *женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей.

Снижение среднего числа рожденных детей в целом по России, его увеличение в разрезе регионов Южной Сибири сопровождаются сокращением удельного веса внебрачнорожденных, однако проблема по-прежнему остается крайне острой, что указывает на изменившуюся и прочно укрепившуюся в обществе модель репродук-

тивного поведения (Козлова, 2020, 156). Это отражается на количественном и качественном составе населения, свидетельствует о том, что в системе жизненных ценностей незамужних матерей сочетается ориентация как на семейные, так и внесемейные ценности. Высокая внебрачная рождаемость, в сравнении с другими регионами РФ, характерна для республик Тува, Алтай, Хакасия (табл. 8).

Таблица 8

Внебрачная рождаемость в регионах Южной Сибири (2002–2020 гг.)

Год	Число женщин, родивших детей вне брака, %	Число детей, рожденных вне брака, %	Число рожденных внебрачных детей на 1000 женщин
<i>РФ</i>			
2002	52,6	61,1	247
2010	58,7	51,7	249
2020	61,1	59,8	218
<i>СФО</i>			
2002	нет данных	нет данных	нет данных
2010	64,5	59,1	235
2020	58,8	58,3	194
<i>Республика Алтай</i>			
2002	43,6	35,0	287
2010	49,0	39,6	350
2020	60,2	63,6	227
<i>Республика Тува</i>			
2002	49,6	35,3	548
2010	46,6	33,6	478
2020	54,6	65,9	446
<i>Республика Хакасия</i>			
2002	45,8	37,6	243
2010	60,9	53,5	302
2020	59,6	58,7	173

Источник: Всероссийская перепись населения, 2004; Всероссийская перепись населения, 2013; Всероссийская перепись населения, 2021.

Заключение

Семейное поведение населения Южной Сибири характеризуется значимыми показателями по уровню воспроизводства, отмечается увеличение суммарного коэффициента рождаемости, среднего числа рожденных детей на 1000 женщин, удельного веса многодетных женщин, отмечается прирост рожденных среди всех титульных этносов на 35,6%. Все же стоит отметить неустойчивость прокреативного поведения в связи с ощутимыми показателями внебрачной рождаемости.

Брачное поведение населения характеризуется противоречивостью оснований: с одной стороны, отмечаются позитивные изменения за счет снижения числа

незарегистрированных браков (исключение – Республика Тува), с другой, отмечаются негативные – по соотношению браков и разводов (по трем регионам).

Можно утверждать, что прокреативное поведение населения Южной Сибири является определяющим в семейном поведении, при этом матримониальное обуславливает темпы прокреации.

Динамика прокреативного и матримониального поведения обусловлена различного рода факторами, в том числе ценностным. В регионах Южной Сибири наличествует потребность в повышении прежде всего ценности ответственного супружества.

Литература

- Алексеева, А.Г. Социокультурная динамика брачно-семейных отношений коренных народов Южной Сибири: дис... канд. культурол. наук / Алексеева Анаргуль Григорьевна. – Кемерово, 2021. – 194 с.
- Артамонова, А.В. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев / А.В. Артамонова, Е.С. Митрофанова // *Демографическое обозрение*. – 2018. – Т. 5, № 1. – С. 106–137. – EDN XOCHRJ.
- Баранцева, Н.А. Динамика рождаемости в Республике Хакасия в 2010-е гг. (в контексте осуществления демографической политики) / Н.А. Баранцева // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. – 2021. – № 3. – С. 85–92. – <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-85-92>. – EDN MDTLDI.
- Всероссийская перепись населения – 2002 // Федеральная служба государственной статистики. – 2004. – URL: <https://perepis2002.ru/index.html?id=11>.
- Всероссийская перепись населения – 2010 // Федеральная служба государственной статистики. – 2013. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- Всероссийская перепись населения – 2020 // Федеральная служба государственной статистики. – 2021. – URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.
- Гончарова, Г.С. Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций / Г.С. Гончарова // *Новые исследования Тувы*. – 2010. – № 3. – С. 117–131. EDN PNHNR.
- Гончарова, Г.С. Классификация семей по структурным и демографическим характеристикам / Г.С. Гончарова, Л.Я. Савельев. – Новосибирск: ИМ, 1986. – 49 с. – EDN RVYEOJ.
- Гончарова, Г.С. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / Г.С. Гончарова, Л.Я. Савельев. – Новосибирск: Нонпарель, 2004. – 286 с. – EDN QCSKYT.
- Гончарова, Г.С. Статистический анализ структурных и демографических характеристик семьи / Г.С. Гончарова, Л.Я. Савельев. – Новосибирск: ИМ, 1985. – 49 с. – EDN RVYEOТ.
- Доржу, З.Ю. Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) / З.Ю. Доржу // *Новые исследования Тувы*. – 2019. – № 1. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/41/46>. – <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>. – EDN ZARAOЛ.
- Енчинов, Э.В. Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре: дис. ... канд. ист. наук / Э.В. Енчинов. – М., 2009. – 171 с. – EDN NQIXVN.
- Еремин, А.А. Современные особенности демографического развития регионов Большого Алтая / А.А. Еремин // *Мир Большого Алтая*. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 8–30. – EDN VXUYXG.
- Ефимова, А.И. Брачно-семейное поведение населения / А.И. Ефимова // *Репродуктивные установки как фактор воспроизводства населения Республики Мордовия. Аналитический доклад*. – Саранск, 2015. – С. 40–49. – EDN UТАPJB.
- Козлова, О.А. Феномен внебрачной рождаемости как медико-социальная проблема / О.А. Козлова, О.О. Секички-Павленко // *Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сб. статей XI Уральского демографического форума*. – Екатеринбург: Ин-т экономики Уральского отделения РАН, 2020. – С. 155–160. – EDN AZIPGW.
- Кривоногов, В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы / В.П. Кривоногов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2011. – 249 с. – EDN QPXPРН.
- Лушникова, О.Л. Социально-демографическая структура сельского населения Хакасии (2002–2018 гг.) / О.Л. Лушникова // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. – 2020. – № 4. – С. 59–67. – EDN LKNHQZ.
- Натсак, О.Д. Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции / О.Д. Натсак // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 52–71. – <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>. – EDN VRYUUM.
- Пельменева, С.П. Современное матримониальное поведение / С.П. Пельменева // *Состояние здоровья: медицинские, социальные и психолого-педагогические аспекты: сб. науч. трудов VI Международной науч.-практ. интернет-конф.* Чита, 2015. – С. 260–265. – EDN TXWMUX.

- Ростовская, Т.К. Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева, Л.А. Давлетшина // *Новые исследования Тувы*. – 2023. – № 2. – С. 34–49. – EDN ATVWIH.
- Семья в некоторых автономиях Сибири / В.И. Бойко, Г.С. Гончарова, С.В. Попов, Л.Я. Савельев. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 1997. – 51 с.
- Тиникова, Е.Е. Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX – начале XXI в. / Е.Е. Тиникова // *Genesis: исторические исследования*. – 2019. – № 9. – С. 81–92. – EDN AWWNNH.
- Тиникова, Е.Е. Демографическое развитие Горно-Алтайская в 1928–2020 годах / Е.Е. Тиникова // *Исторический курьер*. – 2023. – № 4. – С. 192–202. – EDN SMMEIU.

References

- Alekseeva A.G. Socio-cultural dynamics of marriage and family relations of the indigenous peoples of South Siberia: PhD in Cultural Sciences. Kemerovo; 2021. 194 p. (In Russ.)
- All-Russian Population Census – 2002 // Federal State Statistics Service. 2004. Available at: <https://perepis2002.ru/index.html?id=11>. (In Russ.)
- All-Russian Population Census – 2010 // Federal State Statistics Service. 2012. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (In Russ.)
- All-Russian Population Census – 2020 // Federal State Statistics Service. 2021. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>. (In Russ.)
- Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. The matrimonial behavior of Russians compared to other Europeans. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic overview*. 2018;5(1):106–137. (In Russ.)
- Barantseva N.A. Birth rate dynamics in the Republic of Khakassia in the 2010s (in the context of demographic policy implementation). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*. 2021;3:85–92. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-85-92>. (In Russ.)
- Boyko V.I., Goncharova G.S., Popov S.V., Savelyev L.Ya. Family in some autonomous regions of Siberia. Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch RAS; 1997. 51 p. (in Russ.)
- Dorzhu Z.Yu. Interethnic interaction of Russians and Tuvans in Soviet and post-Soviet Tuva (on the example of nationally mixed families). *Novye issledovaniya Tuvy = New research in Tuva*. 2019;1. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/41/46>. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>. (In Russ.)
- Efimova A.I. Marital and family behavior of the population. In: *Reproductive attitudes as a factor of reproduction of the population of the Republic of Mordovia. Analytical report*. Saransk; 2015. P. 40–49. (In Russ.)
- Enchinov E.V. Altaians' family values: the transformation of customary law in modern culture: PhD in History. Moscow; 2009. 171 p. (In Russ.)
- Eremin A.A. Modern features of demographic development of the regions of the Greater Altai. *Mir Bol'shogo Altaya. = The world of the Greater Altai*. 2017;3(1):8–30. (In Russ.)
- Goncharova G.S. Changing family and marriage relations and the problem of the sustainability of ethnic and cultural traditions. *Novye issledovaniya Tuvy = New research in Tuva*. 2010;3:117–131. (In Russ.)
- Goncharova G.S., Savel'ev L.Ya. Classification of families by structural and demographic characteristics. Novosibirsk: IM; 1986. 49 p. (In Russ.)
- Goncharova G.S., Savel'ev L.Ya. Family and marriage relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects. Novosibirsk: Nonparel; 2004. 286 p. (In Russ.)
- Goncharova G.S., Savel'ev L.Ya. Statistical analysis of the structural and demographic characteristics of the family. Novosibirsk: IM; 1985. 49 p. (In Russ.)
- Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O. The phenomenon of illegitimate birth as a medical and social problem. In: *Instituty razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyah sovremennykh vyzovov: sbornik statey XI Ural'skogo demograficheskogo foruma = Institutes of human potential development in the context of modern challenges: a collection of articles by the XI Ural Demographic Forum*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN, 2020. P. 155–160. (In Russ.)
- Krивоногов V.P. Khakass at the beginning of the XXI century: modern ethnic processes. Abakan: Khakass Publishing House; 2011. 249 p. (In Russ.)
- Lushnikova O.L. Socio-demographic structure of the rural population of Khakassia (2002–2018). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific review of Sayano-Altai*. 2020;4:59–67. (In Russ.)
- Natsak O.D. Transformation of the reproductive model of the Tuvan family: a historical retrospective and current trends. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2022;10(2):52–71. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>. (In Russ.)
- Pel'meneva S.P. Modern matrimonial behavior. In: *Sostoyanie zdorov'ya: meditsinskie, sotsial'nye i psikhologopedagogicheskie aspekty: sbornik nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii = State of health: medical, social, psychological and pedagogical aspects: collection of scientific papers at the International Scientific and Practical Internet Conference*. Chita; 2015. P. 260–265. (In Russ.)

Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Davletshina L.A. Peculiarities of the birth rate in the Republic of Tyva (1991-2021). *Novye issledovaniya Tuva = New research in Tuva*. 2023;2:34–49. <https://doi.org/https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>. (In Russ.)

Tinikova E.E. Demographic development of Gorno-Altai in 1928–2020. *Istoricheskiy kur'er = Historical courier*. 2023;4:192–202. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-4-14> (In Russ.)

Tinikova E.E. Marriage and divorce rates in the cities of Southern Siberia in the mid-20th – early 21st centuries. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical research*. 2019;9:81–92. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 26.03.2025

Дата окончания рецензирования: 30.04.2025

Дата принятия к публикации: 5.04.2025

Информация об авторе

Трошкина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, заведующий сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия, e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Troshkina Irina Nikolaevna – Candidate of Sciences in Philosophy, Head of the Economics and Sociology Sector of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

The author has no conflict of interest to declare

Научная статья

УДК 316.343.8

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.5>

EDN XJWAKC

**Проблемные вопросы ресоциализации бывших осужденных –
участников специальной военной операции****Дмитрий В. Катаев¹**

¹Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия
e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Аннотация

Введение. В разделе «Введение» рассматривается актуальность постановки вопроса о необходимости особого подхода к ресоциализации и реинтеграции в социум бывших осужденных, являющихся участниками специальной военной операции. Анализ как научных публикаций, так и материалов СМИ позволил установить, почему данная категория участников боевых действий требует отдельного, хорошо проработанного подхода, опирающегося на мнение социологов, психологов, психиатров, антропологов, а возможно, и философов. Также необходимо опираться на пенитенциарные и постпенитенциарные представления специалистов в области ресоциализации бывших заключенных. В основной части статьи обозначены проблемы, связанные с возвращением из зоны проведения специальной военной операции бывших осужденных. Среди этих проблем – вопросы терминологии, критика привлечения к участию в военных действиях осужденных, социальные и криминологические риски, обусловленные социальным опытом и психическими проблемами комбатантов, вызванными травмирующей боевой обстановкой, вопросы мотивации участия в боевых действиях, проблемы дальнейшего трудоустройства комбатантов, восстановления их социальных и родственных связей. Рассмотрена попытка ресоциализации бывших осужденных, осуществляемая в Ставропольском крае в рамках грантового проекта «Ковчег» православным благотворительным фондом «Инок». Установлено, что проект в части ресоциализации данной категории участников носит заявительный характер, однако к его плюсам можно отнести сам факт придания огласке необходимости особого подхода к сопровождению перехода бывших осужденных – участников СВО к мирной жизни.

Теоретическое обоснование. Вопросы ресоциализации бывших заключенных никогда не теряли своей актуальности, но особую важность обрели с началом проведения специальной военной операции, к участию в которой привлекли и бывших заключенных. Переход к мирной жизни данной категории участников операции повлечет за собой проблемы, теоретическое обоснование решения которых необходимо искать уже сейчас.

Методы. При проведении исследования автором применялись различные методы и подходы. Для установления проблемного поля, связанного с бывшими осужденными – участниками СВО, проводился качественный и количественный контент-анализ соответствующих материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В статье также упоминаются нормативные правовые акты, регулирующие организацию процессов пробации, а также профилактики преступлений и правонарушений в Российской Федерации, для чего использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы. С социологической точки зрения применялся метод анализа данных (классификация, типологизация). Основным методом, использованном в данном исследовании, можно считать метод Internet-mediated Research (IMR) – исследования посредством интернета, сопряженные с обычными методами научного исследования.

Результаты и их обсуждение. Очевидно, что участники боевых действий из числа бывших осужденных будут испытывать трудности при возвращении к мирной жизни. Уровень их ресоциализации является маркером социально-экономического развития общества. Должна быть проведена большая подготовительная работа для организации успешной ресоциализации комбатантов, начальным этапом которой является определение проблемных вопросов данного процесса.

Ключевые слова: участники боевых действий; комбатанты; бывшие осужденные; помилованные участники СВО; ресоциализация; социальная адаптация; помощь комбатантам.

Для цитирования: Катаев Д.В. (2025). Проблемные вопросы ресоциализации бывших осужденных – участников специальной военной операции. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 51–60. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.5>.

Problematic issues of the re-socialization of former convicts participating in the special military operation

Dmitry V. Kataev¹

¹Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
Lipetsk, Russia
e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Abstract

Introduction. The section “Introduction” examines the relevance of raising the issue of the need for a special approach to the re-socialization and reintegration into society of former convicts who are participants in a special military operation. An analysis of both scientific publications and in the media has made it possible to establish why this category of combatants requires a separate, well-developed approach based on the opinions of sociologists, psychologists, psychiatrists, anthropologists, and possibly philosophers. It is also necessary to rely on the penitentiary and post-penitentiary ideas of specialists in the field of resocialization of former prisoners. The main part of the article highlights the problems associated with the return of former convicts from the area of the special military operation. Among these problems are terminology issues, criticism of the involvement of convicts in military operations, social and criminological risks caused by the social experience and mental problems of combatants caused by a traumatic combat situation, issues of motivation for participation in hostilities, problems of further employment of combatants, restoration of their social and family ties. The article considers an attempt to re-socialize former convicts carried out in the Stavropol Territory within the framework of the Ark grant project by the Orthodox charitable foundation Inok. It has been established that the project regarding the re-socialization of this category of participants is declarative in nature, however, its “advantages” include the very fact of making public the need for a special approach to escorting former convict participants to a peaceful life.

Theoretical justification. The issues of the re-socialization of former prisoners have never lost their relevance, but they gained special importance with the beginning of a Special military operation, in which former prisoners were also involved. The transition to a peaceful life for this category of participants in the operation will entail problems, the theoretical justification of which must be sought right now.

Methods. The author used various methods and approaches to conduct the research. In order to identify the problem area related to former convicts participating in the special military operation, a qualitative and quantitative content analysis of relevant materials posted on the Internet information and telecommunications network was carried out. The article also mentions regulatory legal acts regulating the organization of probation processes, as well as the prevention of crimes and offenses in the Russian Federation, for which formal legal and comparative legal methods were used. From a sociological point of view, the method of data analysis (classification, typologization) was used. The main method used in this study can be considered the Internet-mediated Research (IMR) method – research via the Internet, coupled with conventional scientific research methods.

Results and its discussion. It is obvious that participants in the hostilities from among the former convicts will have difficulty returning to a peaceful life. The level of their re-socialization is a marker of the socio-economic development of a society. A lot of preparatory work must be carried out to organize the successful re-socialization of combatants, the initial stage of which is to identify the problematic issues of this process.

Keywords: participants in combat operations; combatants; former convicts; pardoned participants of the special military operation; re-socialization; social adaptation; assistance to combatants.

For citation: *Kataev D.V.* (2025). Problematic issues of the re-socialization of former convicts participating in the special military operation. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 51–60. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.5>.

Введение

Специальная военная операция стала катализатором многих изменений, в том числе и социальных, в Российской Федерации. Среди них – привлечение к участию в боевых действиях такой категории граждан, как осужденные к лишению свободы и заключенные, а также правовая легализация такого явления, как частные военные

компании. Проблема актуализировалась прежде всего в связи с участием представителей ЧВК «Вагнер» в боевых действиях, в так называемом «мятеже» и с циркулирующими в СМИ фактами о том, что данная организация не является единственной в нашей стране. Но именно с ЧВК «Вагнер» связано массовое организованное привлечение к участию в боевых действиях осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Участие бывших осужденных в специальной военной операции породило массу требующих разрешения проблем – в правовом, медицинском, социальном и криминологическом поле. Многие из этих проблем связаны не столько с участием в военных действиях, сколько с последующим возвращением к гражданской жизни. Встал вопрос не просто о ресоциализации ветеранов боевых действий, к которым приравняли бойцов ЧВК «Вагнер», а о своего рода двойной ресоциализации, так как эти бойцы были изъяты из специфического (пенитенциарного) социума, перемещены в определенные экстремальные условия, а теперь должны вернуться к нормальной жизни в свободном обществе.

А.А. Гофман и А.С. Тимошук достаточно уверенно заявили о том, что «война предлагает ускоренные условия для ресоциализации лихих людей, реадaptации их в мирное общество через признание заслуг на фронте» (Гофман, 2023, 77). Как говорится, «война план покажет».

Но что покажет послевоенное время?! Как и насколько успешно будет проводиться ресоциализация бывших осужденных – участников СВО с учетом наличия у них травмирующего боевого опыта, помноженного на криминальный и пенитенциарный? Как должно реагировать общество и государство для минимизации рисков рецидивной и иной преступности, связанной данной категорией участников специальной военной операции?

Результаты

Вопросы участия бывших осужденных в специальной военной операции и их дальнейшей судьбы рассматриваются на данном этапе с трех точек зрения: правовой, социологической и психологической. Если говорить о правовом аспекте, то здесь рассматриваются проблемы привлечения осужденных к участию в боевых действиях, вопросы помилования, снятия судимости и условно-досрочного освобождения (Лопашенко, 2023; Тепляшин, 2022), вопросы легализации статуса бойцов частных военных компаний для устранения правовой коллизии, связанной с понятием «наемник» (Миненко, 2023).

Психологи и психиатры поднимают проблемы возвращения комбатантов к гражданской жизни в условиях необходимости профилактики и устранения ПТСР. Большая часть публикаций посвящена кадровым и мобилизованным военнослужащим, освобожденные из мест лишения свободы прямо не рассматриваются. Однако предложения и выводы психологов, психиатров и медиков вполне распространяются на участников СВО из числа лиц, привлекаемых к участию в боевых действиях из мест лишения свободы (Наумова, 2023; Социальная дезадаптация комбатантов..., 2023).

С социологической точки зрения высказываются весьма неоднозначные мнения – от сверхпозитивной оценки деятельности ЧВК «Вагнер» как актора успешной социальной реабилитации заключенных (Гофман, 2023) до более сдержанных высказываний о назревающих в социуме проблемах, которые обусловлены необходимостью двойной ресоциализации бывших заключенных (Миненко, 2023). Также необходимо отметить, что многие авторы ссылаются на опыт привлечения заключенных в штрафбаты, распространенный в годы Великой Отечественной войны

и достаточно позитивно оценивающийся и тогда, и сейчас (Гофман, 2023; Лопашенко, 2023; Тепляшин, 2022). По нашему мнению, опыт Великой Отечественной войны с участием бывших заключенных в боевых действиях был удачным ввиду силы идеологического воздействия на всех граждан СССР без исключения, в том числе и на таких десоциализированных, как заключенные. В наше время вызывает сомнение объем патриотического компонента в мотивации участия в СВО не то что бывших заключенных – рядовых граждан. В связи с этим проецирование успешности прошлого опыта на реалии современности представляется несколько преждевременным.

Попытаемся обозначить проблемное поле привлечения к участию в боевых действиях лиц, находящихся в местах лишения свободы, и их дальнейшей судьбы после возвращения в свободное общество.

Терминология. Достаточно проблемным вопросом представляется вопрос терминологии и дефиниций в отношении обсуждаемой категории участников СВО. Выбор конкретных слов или словосочетаний подразумевает определенную коннотацию, т.е., по сути, отношение автора. Так, А.А. Гофман и А.С. Тимощук (2023) используют такие выражения, как «бывшие осужденные», «спецконтингент», а в отношении представителей ЧВК «Вагнер» – определение «дебюрократизированные штурмовые соединения с привлечением осужденных». К.О. Миненко и А.О. Миненко (2023) применяют такой термин, как «помилованные участники специальной военной операции». П.В. Тепляшин и С.А. Ступина (2022) включили в свой текст такие комбинации, как «осужденные, претендующие на участие в специальной военной операции», «привлечение к участию в военных действиях лиц, отбывающих уголовное наказание», «привлечение лиц, отбывающих уголовные наказания, к участию в военных действиях в качестве военнослужащих».

Мониторинг нормативно-правовых актов показывает, что и здесь нет единого термина. Так, в ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24.06.2023 № 270-ФЗ встречаются такие вариации наименований указанных лиц, как «лицо, призванное на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС РФ, заключающее (заключившее) контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время», «лицо, проходящее военную службу в ВС РФ в период мобилизации, военного положения или в военное время».

Используемая терминология имеет большое значение, так как «тема осужденных на СВО провоцирует политический конфликтный массмедийный дискурс; ставит проблему нахождения удобных и продуктивных алгоритмов социальных интеракций и работает на тему изменения словаря интенций» (Гофман, 2023, 72). Медийное поле позволяет установить три основные позиции, или эмоции, испытываемые гражданами в отношении участвующих в СВО осужденных: позитивная, критическая, неуверенная.

Очевидно, что необходимо закрепить максимально безоценочный термин, имеющий легальное определение.

Критика привлечения осужденных к участию в специальной военной операции. Идея привлечения заключенных к участию в боевых действиях впервые обрела законодательный облик в сентябре 2022 г., когда Курултай Башкирии внес в Госдуму соответствующий законопроект. Тогда и появилась первая критика этой идеи.

Так, опасения высказывал член Совета по правам человека при Президенте РФ А.С. Брод, который отметил, что для мобилизации такой категории граждан с учетом их ментальных особенностей необходимы «серьезные объективные медицинские ко-

миссии» (Взгляд.ру, 30.09.2022). Историк К.А. Жуков выразился весьма прямо: «Они преступники, у них уже есть некий бэкграунд, они доказали делом, что опасны для окружающих» (Взгляд.ру, 30.09.2022). По мнению военного эксперта А.А. Матвийчука осужденные «привносят тюремный дух в здоровую среду офицеров, сержантов, солдат. Это и тюремные привычки, и жаргон. Таким образом, армия превращается в маленькое подобие тюрьмы» (metroMoscow, 03.10.2022). Руководитель фонда «Русь сидящая» О.Е. Романова (признана иноагентом) высказала мысль о том, что узаконивание «вербовки заключенных» не только опасно, но еще и аморально, так как уничтожает понятие «преступление» (metroMoscow, 03.10.2022).

А.А. Гофман и А.С. Тимошук полагают, что риски привлечения – а по факту вооружения – осужденных к «фронтальной работе» нивелируются плюсами от пополнения воинского контингента в «условиях внешней угрозы устойчивости государства» (Гофман, 2023, 77).

Н.А. Лопашенко предлагает обратить внимание на криминологическую сторону привлечения осужденных к участию в военных действиях – «оценку рисков совершения такими лицами после возвращения с СВО и помилования новых преступлений» (Лопашенко, 2023, 51).

Какой-то релевантной или достоверной статистики по совершению рецидива среди бывших заключенных – участников СВО на данный момент нет. Единственный сайт, который приводит цифру в 11%, ссылается на сайт Фонда президентских грантов, о котором речь пойдет ниже. На одном из новостных сайтов приводится статистика по Тюменской области со слов начальника регионального управления МВД: с мая 2023 г. по октябрь 2024 г. 378 тюменцев, вернувшихся с СВО, совершили 128 преступлений, что составляет показатель в 33,8 % (Lenta.ru, 11.10.2024).

Очевидно, что в ближайшее время такой статистики опубликовано не будет. МВД, регулярно публикующее на своем официальном сайте обзоры состояния преступности, приводит лишь общие данные о рецидивной преступности (табл. 1), не конкретизируя категории лиц, совершивших данные преступления.

Таблица 1

Характеристика рецидивной преступности (по данным МВД)

Категория лиц, совершивших преступление	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Ранее совершавшие преступления	493 813	483 683	439 504	375 086
Ранее судимые за преступления	255 502	252 165	234 490	192 498
Совершившие преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом	18 681	17 221	16 221	12700
Общее количество преступлений, совершенных в отчетном периоде	2 004 404	1 766 795	1 947 161	1 911 258

Делать определенные выводы о том, какая доля этих рецидивов приходится на долю участников СВО из числа бывших заключенных, однозначно рано, но представляется несомненным, что эта доля все-таки вполне значительна.

Также пока не представляется возможность делать выводы о каких-либо группах риска, т.е. соотносить совершаемые участниками СВО из числа бывших заключенных и осужденных рецидивные преступления с теми статьями (и их тяжестью), по которым они были осуждены ранее. Беглый просмотр опубликованных в интернете

материалов, посвященных преступлениям, совершенным обсуждаемой категорией участников СВО, позволяет делать осторожные заключения о том, что статьи преступлений «утяжеляются»: от кражи к убийству.

Риски, связанные с особенностями состояния вернувшихся из зоны проведения СВО бывших осужденных. Любые военные действия, в которых принимают участия граждане государства, помимо очевидных последствий (демографических, экономических, социальных и иных), имеют еще и такие долгосрочные последствия, как большое количество выживших участников, не способных вернуться к полноценной мирной жизни. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – практически обязательный признак психики ветерана боевых действий.

Война действует разрушительно на морально-нравственный компонент личности, без коррекции и поддержки эти разрушения усугубляются и переносятся в мирную жизнь. Как отмечают авторы исследования «Социальная дезадаптация комбатантов при возвращении в условиях мирной жизни», «специальные общественные организации помогают адаптироваться комбатантам, однако вопросы психотерапии личности и психокоррекции их поведения остаются открытыми» (Социальная дезадаптация комбатантов..., 2023, 2117–2718).

Данные исследований психологов и психиатров позволили установить такие цифры: «В структуре психической патологии среди военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, психогенные расстройства достигают 70%, у офицеров и прапорщиков этот показатель несколько меньше» (Наумова, 2023, 767). Автор указывает, что война влияет не только на психофизиологическое состояние участников, но и на их «последующую социализацию, включающую уравнивание в стрессовых ситуациях, стабильность ценностных ориентаций» (там же).

Если говорить о комбатантах из числа бывших осужденных, то возникает большое сомнение в их ценностных ориентациях, с учетом того, из какой среды они были перемещены в условия боевых действий. В отличие от других комбатантов «откатить до базовых настроек» (довоенных) ценности и ментальность бывших заключенных – перспектива не из лучших, так как до участия в СВО они уже были вне социума и его ценностей.

ПТСР проявляется в таких формах, как нарушения сна, кошмарные сновидения, чувство тревоги, приступы паники, страха, повышенная утомляемость, вспышки агрессии, раздражительность, подозрительность, чувство вины за то, что остался жив, к поведенческим особенностям ветеранов боевых действий с ПТСР относятся конфликтность в семье, с родственниками, коллегами, злоупотребление алкоголем, неустойчивость психики (там же, 768).

Очевидно, что аналогичные психические проблемы и поведенческие реакции характерны и для бывших осужденных – участников СВО. И так же очевидно, что мало кто из них обратится за медицинской помощью к психиатрам. Соответственно, для многих ситуация будет развиваться по наиболее негативному сценарию и усугубляться склонностью к девиантным и делинквентным поступкам.

Краткий обзор интернет-изданий позволяет сделать вывод о том, что определенный процент данного контингента участников СВО склонен к совершению рецидивов и даже более тяжких преступлений. Заголовки весьма красноречивы: «Экс-бойца “Вагнера” осудили на 8 лет за убийство знакомого молотком» (Газета.ру, 12.12.2024); «Помилованным необходим надзор» (Коммерсант, 13.01.2024); «Помилованные убийцы, грабители и расчленители: юг России потрясли преступления вернувшихся с СВО бойцов ЧВК “Вагнер”» (Блокнот Краснодар, 15.05.2023) и т.д. Причем «герой» первой публикации до совершения убийства отбывал наказание за кражу.

Это может свидетельствовать о большой социальной дезадаптации и маргинализации бывших осужденных к лишению свободы.

Я.О. Новикова и О.В. Финикова к основным факторам ПТСР относят «длительную продолжительность нахождения и участие военнослужащего в боевых действиях, недостаток определенной поддержки со стороны близких и родных, что сказывается на мировосприятии человека в целом» (Новикова, 2024, 83). Стоит отметить, что у бывших осужденных в связи с их криминальным прошлым может и вовсе не оказаться родных и близких, готовых оказывать моральную и иную поддержку, что явно значительно усугубляет процесс их ресоциализации.

Психиатры отмечают, что реабилитация является довольно длительным восстановливающим процессом и может проходить от года до трех лет. Длительность реабилитации определяется индивидуальными качествами ветерана и степенью влияния боевого стресса либо боевой психической травмы (там же, 84).

Возможные криминальные последствия участия бывших осужденных в боевых действиях. На основе событий, произошедших в ряде российских регионов 24 июня 2023 г. (мятеж ЧВК «Вагнер»), можно сделать вывод о том, что участники СВО, имеющие одновременно криминальный и боевой опыт, при условии отсутствия необходимой адаптации могут организовываться в сплоченные группы, действия которых могут быть куда опаснее, чем действия любых других организованных преступных группировок, ввиду отсутствия у последних боевого опыта. Нельзя не согласиться с мнением К.О. Миненко и А.О. Миненко, что «членам такого сообщества нечего терять, поскольку в их представлении есть только один незамысловатый путь к финансовому благополучию, пролегающий сквозь череду вооруженных насильственных действий, предоставляющих возможность достижения преступных целей» (Миненко, 2023, 130).

Риски усиливает такой фактор, как отсутствие административного надзора. Данная категория бывших заключенных нуждается в надзоре гораздо больше, чем другие категории осужденных лиц, так как они являются объектами сразу двух травмирующих воздействий – собственно лишения свободы и участия в боевых действиях. Также проблемой является учет преступлений и правонарушений, совершенных участниками СВО, особенно ввиду того, что точная численность бывших осужденных – комбатантов СВО мало кому известна, а опубликованные цифры весьма разнятся (из-за их оценочного характера). Соответственно, невозможно рассчитать долю совершения рецидивов бывшими осужденными по отношению к общему числу вернувшихся с территории проведения СВО и давать какие-либо прогнозы, не говоря уже о профилактике рецидива.

Проблема трудоустройства бывших осужденных, вернувшихся из зоны проведения СВО. После возвращения из зоны проведения СВО большинство бойцов не пытается «устроиться на гражданке», а попросту «проедает» полученное денежное довольствие. Как отмечают К.О. Миненко и А.О. Миненко, «помилованные участники СВО не обладают профессиональными навыками и компетенциями, позволяющими вести трудовую деятельность» (там же, 131). Вопросы трудоустройства и контроля за недопустимостью безосновательных отказов в оном должны ложиться на государственные органы, так как это вопрос не только ресоциализации бывших осужденных, но и общественной безопасности.

В связи с вышесказанным крайне необходимо разработать систему профессиональной подготовки или переподготовки для данной категории участников СВО с целью их максимально эффективной реинтеграции в социум. Здесь остро встает вопрос и о подготовке соответствующих педагогических кадров, так как не каждый преподаватель способен справиться с этой задачей.

даватель готов взаимодействовать и обучать гражданина, имеющего одновременно и криминальный, и пенитенциарный, и боевой опыт.

Также проблема заключается в работодателях, большинство из которых не стремится трудоустроить бывших осужденных, не говоря уже об участниках СВО. Их опасения вполне объяснимы, отказы в трудоустройстве можно минимизировать только принуждением, что не добавит очков данной категории соискателей на вакантные должности.

Факторы, которые необходимо учитывать при организации ресоциализации бывших осужденных – участников СВО. Большое значение для ресоциализации бывших осужденных имеет вопрос мотивации их участия в боевых действиях. Многим хочется верить в патриотические порывы, и какая-то доля осужденных действительно «встала на защиту Родины», но для большинства речь шла о возможности прекратить лишение свободы, получить льготы, возможность юридической, финансовой и социальной помощи.

Излишняя демократичность, царившая в боевых подразделениях ЧВК «Вагнер», та самая «дебюрократизация», о которой пишут А.А. Гофман и А.С. Тимошук, тоже может считаться фактором риска, так как современное российское общество не столь демократично и весьма бюрократизировано, а встраивание в его систему без учета этих двух признаков невозможно. Они же указывают, что «лихие люди, имеющие авантюрный склад характера и активный синтез адреналина... не востребованы в мирной жизни как воины... Рецидивисты, спецконтингент со строгого режима, – в ЧВК они ничем не отличались от добровольцев, и командиры их положительно характеризовали как “безбашенных, борзых штурмовиков”, которые легко переносили аскетичные условия окопной жизни» (Гофман, 2023, 79). В связи с этим возникает вопрос к указанным позитивно настроенным авторам: а что делать с этими «безбашенными авантюристами» в мирной жизни?

Опыт ресоциализации бывших осужденных – участников СВО. Любопытной попыткой ресоциализации и поддержки осужденных и бывших осужденных, в том числе осужденных – участников СВО, является проект «Ковчег» (2024 г.) – победитель грантового конкурса Фонда президентских грантов. Сроки реализации проекта – с 1 августа 2024 г. по 31 декабря 2025 г. Организатор – благотворительный фонд «Инок», специализирующийся на оказании помощи православным общинам тюремных храмов. География проекта – исправительные учреждения Ставропольского края, а также бывшие осужденные, освободившиеся из данных исправительных учреждений (<https://fond-inok.ru/24-2-006482/>).

Проект предполагает реализацию таких этапов как информирование, анкетирование осужденных для составления «маршрутной карты» действий после освобождения, содействие в восстановлении утраченных связей с родственниками, правовая помощь в имущественных вопросах, предоставление временных жилья и работы, помощь в устройстве на постоянную работу, вовлечение в жизнь православных приходов, мониторинг поведения бывших осужденных в быту и на производстве. Цель проекта очевидна – снижение рецидива преступности.

Авторы проекта ссылаются на ФЗ «О пробации», актуализировавший их заявку, которую подавали еще в 2022 г. В обосновании проекта, подготовленном в феврале 2024 г., указывается, что из 176 вернувшихся с СВО бывших осужденных 20 снова совершили преступления. Такие показатели свидетельствуют о насущной необходимости особого сопровождения ветеранов СВО из числа бывших осужденных.

Мониторинг интернета, в частности социальной сети «ВКонтакте», о деятельности в рамках проекта «Ковчег» позволяет сделать вывод о том, что на данном эта-

пе помощь и информирование осуществляются в отношении осужденных, в текущем моменте находящихся в местах лишения свободы. О каких-либо шагах в отношении бывших осужденных – участников СВО информации обнаружено не было.

Таким образом, та часть проекта, которая связана с комбатантами, представляется носящей достаточно заявительный характер. Сложно сказать, с учетом важности какой из двух категорий благополучателей, перечисленных в заявке проекта, выделены были ресурсы (2,5 млн рублей от фонда плюс 1 млн – софинансирование), но очевиден перекося в одну сторону. Плюс проекта в том, что он в принципе выносит на обсуждение необходимость особо организованной помощи бывшим осужденным – участникам СВО. Минус в том, что пока нельзя говорить о том, что данной категории в рамках проекта оказывается какая-либо помощь.

Заключение

Окончание любой войны – это не только праздник, сопряженный с трудностями восстановления экономики и хозяйства государства, но и повышение уровня криминализации общества в связи с возвращением к мирной жизни граждан, имеющих травмирующий боевой опыт и расстройства психики. В связи с тем, что на протяжении XX и первой четверти XXI в. наша страна неоднократно принимала участие в разномасштабных боевых столкновениях, проблема ресоциализации комбатантов не утрачивает своей актуальности и по сей день.

А.Г. Каримов и Л.А. Герасимова справедливо отмечают, что «деобилизованные военнотружущие в большинстве случаев испытывают трудности при возвращении в социальное пространство мирной жизни, налаживании социальных связей и освоении гражданских специальностей» (Каримов, 2024, 26). Психическая и профессиональная дезадаптация – залог попадания ветеранов в группу риска лиц с асоциальным поведением, а уж ветеранов из числа бывших осужденных – вдвойне.

Очевидно, что возвращение ветеранов боевых действий к мирной жизни – это не только вопрос их психического здоровья и материального благополучия, но и показатель социально-экономического развития и ментального здоровья страны в целом. Так как комбатанты из числа бывших осужденных являются носителями по сути двух травм – травмы пребывания в местах лишения свободы и боевой травмы, то их ресоциализация и реабилитация требуют особого внимания со стороны как государства, так и общества, в том числе – в целях благополучия этого самого общества.

Литература

- Гофман, А.А. «Никогда не поздно встать на путь самурая»: опыт ресоциализации осужденных в СВО / А.А. Гофман, А.С. Тимощук // *Социальные отношения*. – 2023. – № 2. – С. 71–87. – EDN XPSGXH.
- Каримов, А.Г. Социальный капитал как фактор ресоциализации участников боевых действий: ключевые проблемы и механизмы управления / А.Г. Каримов, Л.А. Герасимова // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2024. – Т. 52, № 3. – С. 24–33. <https://doi.org/10.18799/26584956/2024/3/1721>. – EDN LNQMK.
- Лопашенко, Н.А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события / Н.А. Лопашенко // *Вестник Самарского юридического института*. – 2023. – № 2. – С. 48–59. – <https://doi.org/10.37523/SUI.2023.53.2.007>.
- Миненко, К.О. Система мер ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации помилованных участников специальной военной операции / К.О. Миненко, А.О. Миненко // *Философия права*. – 2023. – № 3. – С. 125–134. – EDN MXYLHV.
- Наумова, М.М. К вопросу о социальной дезадаптации участников боевых действий и подходах к их реабилитации / М.М. Наумова // *Вестник науки*. – 2023. – Т. 5, № 10. – С. 766–770. – EDN XDYWLS.
- Новикова, Я.О. Психолого-педагогические аспекты реадaptации и реабилитации участников специальной военной операции / Я.О. Новикова, О.В. Финикова // *Проблемы правоохранительной деятельности*. – 2024. – № 3. – С. 82–86. – EDN LIXETN.

Социальная дезадаптация комбатантов при возвращении в условиях мирной жизни / Д.Д. Ромашина, Д.Е. Ленков, В.Н. Баканов, Л.Т. Баранская // *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: сб. статей VIII Международной науч.-практ. конф.* – Екатеринбург: УрГМУ, 2023. – С. 2716–2722. – EDN QWASKY.

Тепляшин, П.В. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы / П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // *Социально-экономический и гуманитарный журнал.* – 2022. – № 4. – С. 152–159. – <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2022-4-152-159>.

References

Gerasimova L.A. Key problems and mechanisms of influence on the process of resocialization of combatants. *Koncept = Concept.* 2024;11:411–420. (In Russ.)

Gofman A.A., Tymoshchuk A.S. “It’s never too late to embark on the path of the samurai”: the experience of the resocialization of convicts in their homes. *Socialnye otnosheniya = Social relations.* 2023;2:71–87. (In Russ.)

Karimov A.G., Gerasimova L.A. Social capital as a factor in the resocialization of combatants: key issues and management mechanisms. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of well-being: economics and society.* 2024;52(3):24–33. <https://doi.org/10.18799/26584956/2024/3/1721>. (In Russ.)

Lopashenko N.A. On some legal and criminological problems of convicts’ participation in SVO: a private look at known events. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute.* 2023;2(53):48–59. <https://doi.org/10.37523/SUI.2023.53.2.007>. (In Russ.)

Minenko K.O., Minenko A.O. A system of measures for the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of pardoned participants in a special military operation. *Filosofiya prava = Philosophy of Law.* 2023;3:125–134. (In Russ.)

Naumova M.M. On the issue of social maladaptation of combatants and approaches to their rehabilitation. *Vestnik nauki = Bulletin of Science.* 2023;10:766–770. (In Russ.)

Novikova Ya.O., Finikova O.V. Psychological and pedagogical aspects of the readaptation and rehabilitation of participants in a special military operation. *Problemy pravooxranitelnoy deyatel’nosti = Problems of law enforcement activity.* 2024;3:82–86. (In Russ.)

Romashin, D.D., Lenkov D.E., Bakanov V.N., Baranskaya L.T. Current issues of modern medical science and healthcare. *Aktualnye voprosy sovremennoy medicinskoj nauki i zdravookhraneniya: sb. statej VIII Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. = Current issues of modern medical science and healthcare: Collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference.* Yekaterinburg: Ural State Medical University; 2023. P. 2716–2722.

Тепляшин П.В., Ступина С.А. Release of convicts from serving their sentences in connection with their participation in a special military operation: legal possibilities and legislative prospects. *Socialno-ekonomicheskij i gumanitarnyy zhurnal = Socio-economic and humanitarian journal.* 2022;4:152–159. <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2022-4-152-159>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 03.03 2025

Дата окончания рецензирования: 01.04.2025

Дата принятия к публикации: 07.04.2025

Информация об авторе

Катаев Дмитрий Валентинович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия, e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kataev Dmitry Valentinovich – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia, e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316.354:351/354

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.6>

EDN CBZCOO

Социальное партнерство как фактор повышения качества подготовки инженерных кадров (на примере технических вузов Ростовской области)**Виталий В. Ковалев¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Галина Ю. Лазарева²²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),

г. Новочеркасск, Россия,

e-mail: lazareva.galina.yu@yandex.ru

Аннотация

Введение. Выявляются возможности и условия решения сформулированной правительством для высшей школы задачи по наращиванию количества и повышению качества подготовки инженерно-технических кадров в условиях социального партнерства государства, университетов и промышленных предприятий. Гипотеза состоит в том, что современные вузы России в полном объеме указанную задачу решить не способны. Цель исследования ориентирована на выявление барьеров, препятствующих качественной подготовке инженерно-технических кадров.

Методы. Теоретическая модель исследования создана на основе подхода Дугласа Норта. Эмпирическое исследование проводилось на примере трех старейших инженерно-технических вузов Ростовской области: ДГТУ, РГУПС и ЮРГПУ. Для получения информации применялось три метода: массовый опрос студентов, экспертный опрос ответственных за производственную практику преподавателей, глубинные интервью с работодателями и ответственными за производственную практику преподавателями.

Результаты и их обсуждение. Результатом исследования стало обоснование следующих тезисов: современная подготовка инженерно-технических кадров нуждается в резком повышении объема используемых в процессе обучения ресурсов (материальных, временных, интеллектуальных), однако работодатели и представители вузов в росте издержек на образование не заинтересованы; эффективной работе университетов препятствуют как несовершенства нормативных оснований для социального партнерства, так и феномен так называемой ограниченной рациональности, не позволяющий увидеть выгоды каждой из сторон от участия в социальном партнерстве; действующая модель социального партнерства нуждается в фундаментальных изменениях с целью снижения отрицательного воздействия барьеров, препятствующих продуктивному взаимодействию государства, университетов и промышленных предприятий. Сформулированы следующие предложения: изменить государственную политику в сфере образования (государству нужно отказаться от сложившейся практики оценивать эффективность вузов по наукометрическим показателям, сделав акцент на реализации образовательной функции); внести изменения в правила, регулирующие социальное партнерство (требуется унифицировать и детализировать нормативный порядок проведения производственной практики: обеспечить равенство работодателя и университета, увеличить продолжительность срока производственной практики, ввести кураторов от работодателя, отказаться от практики самостоятельного выбора студентами производственного предприятия); улучшить материально-техническое обеспечение профессиональной подготовки и производственной практики.

Ключевые слова: технические университеты; инженерно-технические кадры; социальное партнерство; работодатели; барьеры партнерства; профессиональное обучение; производственная практика.

Для цитирования: Ковалев В.В., Лазарева Г.Ю. (2025). Социальное партнерство как фактор повышения качества подготовки инженерных кадров (на примере технических вузов Ростовской области). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 62–79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.6>.

Social partnership as a factor in improving the quality of engineering training (on the example of technical universities of the Rostov region)

Vitaly V. Kovalev¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Galina Yu. Lazareva²

²South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia,
e-mail: lazareva.galina.yu@yandex.ru

Abstract

Introduction. The paper studies the solution of the task formulated by the Government for higher education to increase the quantity and improve the quality of engineering and technical personnel training in the conditions of social partnership between the state, universities and industrial enterprises. The hypothesis is that modern Russian universities are not able to solve this task in full. The aim of the research is focused on identifying the barriers that impede the quality training of engineering and technical personnel.

Methods. The theoretical model of the research is based on Douglas North's neo-institutional approach. The empirical study was conducted on the example of three oldest engineering and technical universities in the Rostov region: DSTU, RSURE and SRSPU. Three methods were used to obtain information: mass survey of students, expert survey of teachers responsible for industrial practice, in-depth interviews with employers and teachers responsible for industrial practice.

Results and its discussion. The result of the study was the substantiation of the following theses: modern training of engineering and technical personnel needs a sharp increase in the amount of resources used in the learning process (material, temporary, intellectual), however, employers and representatives of universities are not interested in the growth of education costs; the effective work of universities is hindered by both imperfections of the regulatory bases for social partnership and the phenomenon of so-called «limited rationality», which does not allowing to see the benefits of each of the parties from participating in social partnership; the current model of social partnership needs fundamental changes in order to reduce the negative impact of barriers preventing productive interaction between the state, universities and industrial enterprises. The authors formulated the following proposals: to change the state policy in the field of education (the state should abandon the established practice of evaluating the effectiveness of universities by scientometric indicators, focusing on the implementation of the educational function); amend the rules governing social partnership (it is necessary to unify and detail the regulatory procedure for conducting industrial practice: ensure equality between the employer and the university, increase the duration of the internship, introduce curators from the employer, abandon the practice of self-selection by students of a manufacturing enterprise); improve logistics provision of professional training and industrial practice.

Keywords: technical universities; engineering and technical personnel; social partnership; employers; barriers to partnership; vocational training; industrial practice.

For citation: Kovalev V.V., Lazareva G.Y. (2025). Social partnership as a factor in improving the quality of engineering training (on the example of technical universities of the Rostov region). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 62–79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.6>.

Введение

Санкционная война против России актуализировала вопрос о воссоздании в нашей стране полного цикла промышленного производства. Говорить о его замкнутости можно только в известных пределах, так как советский опыт зеркальному восстановлению не подлежит. А это означает, что России фактически с нуля и самостоятельно придется создавать новые технологии, многие из которых в 1990-х гг. прошлого столетия были утрачены. Превратить производство в одну большую фабрику, полностью удовлетворяющую все потребности государства, едва ли удастся. Но даже более скромный масштаб задач сталкивается с рядом трудностей, одна из которых состоит в катастрофической нехватке инженерно-технических кадров. Дефицит инженеров подтверждается специалистами сервиса Rabota.ru. Проведенный ими опрос работодателей всех федеральных округов подтвердил наличие максимальных трудностей в подборе персонала именно по инженерным специальностям (Российские работодатели..., 2023).

Нельзя сказать, что российская власть игнорирует или не видит проблему. Так, В.В. Путин указал на следующее: «Важнейшее направление нашей работы – развитие инженерного образования, распространение уникальных методик преподавания естественнонаучных дисциплин, подготовка учителей, прежде всего в этой сфере учителей математики, информатики, физики» (Путин назвал поддержку..., 2022). Чтобы обеспечить заявленный производственный суверенитет, в приемную кампанию 2024 г. увеличено примерно на 35% относительно 2021 г. количество бюджетных мест по инженерным специальностям (В вузах РФ..., 2024). Также государство предпринимает попытки создать специализированные инженерные школы с прямым бюджетным финансированием. На официальном сайте Минобрнауки создана специальная страница, посвященная этому проекту (<https://engineers2030.ru/>). На ней указано, что цель федерального проекта состоит в том, чтобы обеспечить высокопроизводительные экспортно-ориентированные секторы экономики страны высококвалифицированными кадрами для достижения технологической независимости.

Сейчас трудно сказать, каковы будут итоги: прирост качественных специалистов или формальное выполнение «ключевых показателей развития» для роста карьер чиновников из Минобрнауки. Поэтому мы предлагаем переключить внимание на работающие в текущий момент университеты и установить их способность решать задачи по подготовке инженерно-технических кадров. Именно от их работы в ближайшие два-три года будет зависеть приток достойных инженеров в экономику страны.

Подготовить инженера, способного сразу по окончании вуза продуктивно трудиться на производстве, – дело непростое. Качество образования зависит от множества факторов, каждый из которых вполне может стать самостоятельным предметом исследования. В данной статье мы намерены оценить фактор социального партнерства. Его выбор обусловлен особым характером подготовки по инженерной специальности. Возможности вузов в основном связаны с преподавательскими кадрами. Но они могут обеспечить лишь должный уровень теоретического обучения. Умения и навыки формируются на производственной практике или благодаря привлечению преподавателей от работодателя. Следовательно, социальное партнерство вузов и предприятий является обязательным компонентом, определяющим качество профессиональной подготовки студентов технических вузов.

Руководствуясь поставленной проблемой, цель сформулируем как выявление барьеров, препятствующих профессиональной подготовке инженеров в условиях социального партнерства.

Социальное партнерство в системе профессиональной подготовки студентов: типология научного дискурса

Традиционно термин «социальное партнерство» применяется в исследованиях социально-трудовых отношений. Ученые, которые специализировались на данной проблематике, анализировали социальные условия и инструменты их поддержки, необходимые для защиты работника как наиболее слабого звена на производстве (Modern institutes..., 2016).

Большинство ученых сошлось во мнении, что социальное партнерство представляет собой особую форму взаимодействия, которой присущи такие признаки, как равноправие сторон, диалогичность, общность интересов, единство целей, свобода в принятии решений (Keller, 2002; Vanhalakka-Ruoho, 2016). По целевой природе социальное партнерство ориентировано на преодоление конфликтов. Его роль проявляется в согласовании интересов, определении общих целей, преодолении коммуникативных барьеров (Лазарева, 2022; Модель, 2000; Тихонова, 2016; Устинович, 2020).

Достижение этой цели подчинено потребности в реализации двух функций: стабилизирующей и гармонизирующей (Чуча, 2022).

В настоящее время субъектами социального партнерства все активнее становятся университеты. На основе сложившихся социальных практик можно выделить три основные модели, функционирующие при участии вузов.

Первой дадим условное название «организационная». Она отражает в себе исторические традиции партнерства в форме социально-трудовых отношений и в качестве субъектов, регулирующих взаимные интересы, объединяет администрацию, преподавателей и студентов. Социальный смысл такой модели состоит в создании условий для поддержания диалога между указанными сторонами (Посохина, 2017).

Вторую модель уместно назвать «сетевая». Через нее описывается сотрудничество университета и работодателей. Основная часть работ ориентирована на определение отраслевой специфики образовательных организаций и работодателей (Воровщиков, 2021). Цель сетевого партнерства состоит в повышении качества профессионального обучения.

Третья модель во многом производна от второй и отличается от нее признанием необходимости более активного участия государства в социальном партнерстве. Все остальное: цели, функции, ориентация на работодателя – сохраняется. Поэтому назовем ее «государственно-сетевая». В научной литературе имеется некоторый опыт осмысления эффективности данной модели. Так, Н.Г. Базадзе и М.К. Касьянова обращают внимание на недостаточную сформированность профессиональных компетенций у старшекурсников (Базадзе, 2012). Иные авторы призывают государство к более активной роли в социальном партнерстве, чтобы вывести вузы из зоны комфорта (Давыденко, 2012). Ряд специалистов предлагает развивать государственно-частное партнерство с участием бизнеса, государства и университетов (Коноплянский, 2015; Тихонова, 2016; Шевчук, 2011).

Помимо названных, имеются также и другие исследования. Однако множество неисследованных лакун остается. Прежде всего, это касается выявления барьеров, препятствующих социальному партнерству. Нам представляется, что можно добиться значимых результатов, если обратиться к концепции Д. Норта (North, 1990).

Методология и методы исследования

Вспользуемся категориальным аппаратом Д. Норта, состоящим из таких понятий, как «рациональный выбор», «транзакционные издержки», «институциональное равновесие» и «ограниченная рациональность».

Рациональный выбор в социальном партнерстве. Он зависит от многих переменных: целей социальных акторов, ресурсных возможностей, нормативного регулирования.

Проще всего описать позиции государства. От его имени в партнерство вступает Минобрнауки России. Участие этого ведомства ограничивается созданием формальных норм. Они обязательны для университетов и рекомендованы работодателям. В подобной конфигурации сразу бросается в глаза отход от равноправия и свободы выбора как двух важнейших признаков социального партнерства. Не все так плохо обстоит с общностью интересов и единством целей. Целевое единство между тремя акторами обосновать нетрудно: государство стремится к обеспечению технологической безопасности страны, университеты заинтересованы в улучшении качества образования, а промышленным предприятиям требуются квалифицированные инженеры.

Ресурсными возможностями государства являются его прерогативы по принятию формальных правил, устанавливающих обязательный порядок взаимодействия

участников социального партнерства. Ресурсы университета – его выпускники. Их привлекательность зависит от качества обучения. Именно высокое качество образования может стать самым важным аргументом в пользу решения промышленного предприятия вступить в партнерские отношения с университетом. Ресурсный потенциал работодателя – технологические площадки, финансы и персонал по обучению студентов профессиональным умениям и навыкам.

Как видно, риски недостижения целей социального партнерства наиболее тяжким бременем ложатся в первую очередь на предприятие. Роль работодателя экономически самая затратная. Однако в современных условиях, когда государство активно занято расширением производственных площадей, нехватка инженерно-технических кадров может снизить озабоченность предприятий из-за неликвидных вложений и стать важным фактором для расширения партнерских контактов с университетами. С этой точки зрения выбор в пользу сетевого сотрудничества в идеальной модели следует признать рационально обоснованным применительно к каждому участнику социального партнерства.

Трансакционные издержки в социальном партнерстве. Для государства – это временные затраты на разработку нормативных правил и разного рода действия по контролю за их соблюдением. Для университетов – обязательство повысить качество образовательного процесса, выйдя из зоны комфорта. Для работодателя – финансовые вложения в материально-техническую базу сетевого партнера и предоставление собственных технологических площадок в целях организации производственной практики. Признание рациональности выбора в пользу социального партнерства предполагает, что его акторы готовы смириться с издержками, так как рассчитывают на получение значимых для себя преимуществ уже в краткосрочной перспективе. При данных условиях участие в сотрудничестве рассматривается как более выгодная альтернатива, чем отказ от сотрудничества.

Представленной идеальной модели можно противопоставить альтернативный вариант. Он окажется актуальным, если участник партнерства начнет нарушать правила игры, предложенные государством. В этом случае издержки способны превысить ожидаемые выгодоприобретения.

Институциональное равновесие в социальном партнерстве. Неоинституционалисты под институциональным равновесием понимают ситуацию, когда индивидуальные цели социальных акторов совпадают с партнерскими (McCloskey, 2021). Говоря о социальном партнерстве Минобрнауки, университетов и предприятий, надо понимать, что их взаимодействие протекает на стыке трех институтов: государства, образования и предпринимательства. Их формальные цели не совпадают. Государство имеет широкий целевой спектр в разных социальных сферах, что делает вероятным смещение его ориентиров в противоположную от образования сторону. Бизнес всегда нацелен на максимизацию прибыли, и это может легко отклонить его внимание от социальных проектов, не сулящих доходов в краткосрочной перспективе. Образование направлено на триаду целей, складывающихся из производства научного знания, профессионального обучения и социализации молодежи. Достаточно поставить перед руководством университета акцент на первой или третьей из названных целей, чтобы профессиональное обучение перестало быть актуальным. Все сказанное потенциально способно привести к рассогласованию целей субъектов социального партнерства, а вместе с тем к росту имитационных практик из-за утраты заинтересованности в сохранении отношений. При таких обстоятельствах университет и работодатель с высокой степенью вероятности перейдут в режим снижения перечисленных выше издержек: перестанут заботиться о качестве обучения (университеты); откажутся от финансирования вузов и участия в производствен-

ной практике (работодатели). Правила игры перестанут соблюдаться. Регуляция начнет осуществляться на основе стихийно сложившихся неформальных правил, выработанных с целью имитационного соблюдения формальных норм.

Ограниченная рациональность в социальном партнерстве. Нарушение институционального равновесия ведет к образованию барьеров, препятствующих развитию социального партнерства. Основным источником их возникновения является намеренное снижение издержек при взаимодействии университета и работодателя. Но отчасти данный процесс также может быть описан через категорию *ограниченной рациональности* (McCloskey, 2021). Люди не всегда ведут себя рационально (разумно). Выгоды работодателя, например, могут быть заблокированы из-за устойчивых представлений о том, что университеты не способны к качественной подготовке инженерных кадров или не заинтересованы в качественном обучении студентов. Их преодоление и, соответственно, выход на чистую рациональность могут быть обеспечены благодаря получению новой информации или положительного опыта от социального партнерства.

Итак, мы сконструировали две теоретические модели для эмпирического исследования социального партнерства – идеальную и имитационную. Дальнейший шаг состоит в проверке гипотезы. Нам следует выяснить масштаб отклонения от идеальной модели в сторону имитационной. Выскажем предположение, что отход от идеальной модели детерминирован наличием барьеров, препятствующих согласованному достижению целей субъектов социального партнерства, выходу на чистую рациональность и снижению издержек на образование. Для проверки гипотезы будут применяться два эмпирических индикатора: «профессиональное обучение» и «производственная практика».

Исследование проводилось на примере трех старейших инженерно-технических вузов Ростовской области: ДГТУ (советское название – РИСХМ), РГУПС (РИИЖТ) и ЮРГПУ (НПИ). Для получения информации применялось три метода:

1. Экспертный опрос ответственных за производственную практику преподавателей, по восемь экспертов в каждом из трех названных выше вузов ($N = 24$). Время опроса – ноябрь–декабрь 2022 г.

2. Глубинные интервью работодателей и ответственных за производственную практику преподавателей, по шесть экспертов в двух целевых группах ($N = 12$). Опрашивались сотрудники ЮРГПУ и его работодатели. Время опроса – январь–февраль 2023 г.

3. Массовый опрос студентов III–V курсов трех указанных выше вузов. Время опроса – сентябрь–октябрь 2022 г. Полный расчет выборки представлен в табл. 1.

Таблица 1

Расчет выборки массового опроса студентов, чел.

Параметр выборки	Университет		
	ДГТУ	РГУПС	ЮРГПУ
Общая численность обучающихся	46 025	8437	24 143
Не опрашивались	Студенты I и II курсов, заочного отделения, иностранные студенты, студенты филиалов, магистранты и аспиранты, а также не обучающиеся по инженерным специальностям		
Генеральная совокупность	8326	1109	4245
Выборочная совокупность	367	286	352
	Доверительная вероятность – 95%. Погрешность – $\pm 5\%$		
Реально опрошено	526	300	416

Результаты исследования

Социальное партнерство как фактор повышения качества профессионального обучения. Профессиональное обучение – первый из двух выделенных эмпирических индикаторов. Важнейшей нормой, регулирующей образовательный процесс, является обязательное участие в профессиональном обучении не менее 5% (в некоторых ФГОС – 10%) представителей работодателя относительно штатных сотрудников образовательной организации. При этом стаж работы в профессиональной области у таких преподавателей должен составлять не менее трех лет. Данную норму считаем правильной и необходимой. Однако ни один из наших информантов-преподавателей на глубинных интервью не подтвердил ее соблюдение:

- *Эти 5% одна сплошная имитация* (эксперт № 1).
- *Мы не сильно любим эту норму; она работает формально* (эксперт № 3).
- *Работодатели не горят желанием работать преподавателями* (эксперт № 2).
- *Кому нужно отрываться от своего рабочего места, чтобы переходить на койки* (эксперт № 4).
- *Добиться ее исполнения в современных условиях невозможно* (эксперт № 6).

Представленные результаты подтверждаются массовым опросом студентов и экспертным опросом ответственных за производственную практику преподавателей.

Таблица 2

Распределения ответов студентов (N = 1240) и экспертов (N = 24) на вопрос: «Проводят ли у вас аудиторские занятия производственники-практики?»

Вариант ответа	Студенты (%)	Эксперты (чел.)
Да, и это играет большую роль в моем профессиональном становлении	49,9	14
Да, но они имели низкую квалификацию	16,9	6
Да, но их участие было формальным	2,1	2
Нет, только преподаватели университета	31,1	2

В группе студентов отчетливо просматривается неудовлетворенность положением дел, по меньшей мере, у половины опрошенных. Одна часть (16,9%) ссылается на низкую квалификацию преподавателей-практиков; другая (31,1%) и вовсе указывает на отсутствие производственников в учебных аудиториях.

Позиция самих работодателей разъяснялась на основе глубинных интервью. Результаты оказались противоречивыми. В зависимости от специальности опрашиваемых можно объединить в две группы.

Явно выраженную готовность участвовать в жизни университета в качестве преподавателей показали представители наиболее динамично развивающихся промышленных отраслей: горного дела, нефтегазового дела и транспортно-экспедиторской деятельности. Типичными можно назвать следующие высказывания:

• *Если бы нас попросили принять участие в подготовке студентов, мы бы согласились, мы нуждаемся в кадрах* (эксперт № 10).

• *Нас не всегда устраивает квалификация молодых специалистов. Думаю, что нам по силам изменить к лучшему профподготовку, если бы вуз попросил о помощи* (эксперт № 11).

• *Выделить сотрудника на такое дело не просто, но если бы дали удобное время, то попробовать можно, но с гарантиями трудоустройства у нас лучших студентов* (эксперт № 12).

Работодатели по трем другим направлениям – «машиностроение», «технологические машины и оборудование» и «металлургия» – стремления к сотрудничеству не показали. Диалог с ними проходил натужно и без явной заинтересованности в общении. Ниже представлены цитаты, характеризующие результаты бесед:

- *У нас нехватка кадров на производстве, мы не можем отправлять своих сотрудников в рабочее время куда-то в другое место, а в выходные они сами не захотят* (эксперт № 7).

- *Зачем нам посылать в университеты своих специалистов, если их выпускники к нам работать не идут* (эксперт № 8).

- *Мы лучше научим у себя в цеху тех, кто реально хочет быть с нами, чем пойдем в аудиторию, где желающих стать инженерами совсем нет* (эксперт № 9).

Столь серьезные различия в ответах двух групп работодателей имеют неслучайный характер. Причины частично кроются в дифференциации доходов между горняками (логистами, нефтяниками) и заводскими инженерами. Отсюда и негативный опыт у машиностроителей при работе с молодыми специалистами, подавляющее большинство из которых стараются искать работу более денежную и менее трудную. Кроме того, в Ростовской области потребность в инженерных кадрах на заводах значительно меньше, чем в добывающей промышленности или логистике. В связи со строительным бумом в регионе функционируют десятки крупных карьеров, что приводит почти к полной трудоустроенности выпускников. Отсюда такой высокий спрос и буквально охота со стороны потенциальных работодателей. Этим же объясняется и желание работодателей использовать любую возможность привлечь к себе внимание старшекурсников.

И тем не менее какого-либо влияния на университеты инициативы работодателей не оказывают. Вузы предпочитают исполнять анализируемую норму малой кровью. Независимо от направлений подготовки в большинстве случаев преподаватели от работодателей – это бывшие выпускники, с которыми можно легко договориться об имитационном исполнении ФГОС. Реже в статус «работодателей» записываются штатные преподаватели, которые имеют некоторую сопричастность к предприятиям, где студенты проходят производственную практику. К сожалению, норма о 5% исполняется формально, с намерением обойти жесткий государственный императив с максимальной экономией ресурсов.

Еще одна группа норм ФГОС, принятая с целью стимулировать социальное партнерство, – обязательное участие работодателей в разработке образовательных программ и мониторинге качества обучения. Однако эти предписания сформулированы обобщенно, без какой-либо конкретики и детализации. Разъясняющих документов нет. Все наши попытки выяснить опыт их применения в практиках взаимодействия с работодателями показали, что контакты ограничиваются в лучшем случае составлением отчетов о рекомендациях, которых в реальности не было. Данный вывод находит подтверждение в ответах экспертов-преподавателей:

- *Никогда мы не предлагали представителям предприятий работать над учебными планами* (эксперт № 1).

- *Учебные планы составляются под возможности наших штатных преподавателей* (эксперт № 2).

- *Когда-то были попытки завести разговор на эту тему, но результата они не имели* (эксперт № 3).

- *В мониторинговых мероприятиях работодатели не участвуют: им и нам это не нужно* (эксперт № 4).

- *О каком мониторинге государство говорит? Это такой уровень партнерства, когда каждый «болеет» общим делом. Мы же – каждый за себя* (эксперт № 5).

• *Предприятию нужен готовый работник. Так нам говорят. А каким образом мы это сделаем – это наши заботы (эксперт № 6).*

На поверхностном уровне отсутствие социального партнерства по данной позиции объясняется особенностями формулировки анализируемой нормы. Для работодателей она имеет рекомендательный характер, а университеты в отчетах могут указывать на любые мнимые контакты. Их достоверность не проверяется.

Квинтэссенцией сложившейся ситуации может быть высказывание преподавателя по специальности «Технологические машины и машиностроение: «Государство обозначило для профессионального обучения свои хотелки, но не дало никакого инструмента для их реализации». Таких эмоциональных высказываний в процессе интервью прозвучало немало.

Социальное партнерство как фактор улучшения производственной практики. Производственная практика – важнейшая часть социального партнерства, обеспечивающая отработку умений и навыков. С позиции результативности социального партнерства она даже важнее профессионального обучения, так как является уже устоявшейся не одно десятилетие институцией и степень ответственного отношения к ней может быть надежным индикатором качества образования.

Во ФГОС прописываются виды и формы производственной практики, место ее размещения в учебном плане и продолжительность. В некотором роде провокацией, способствующей росту имитационных практик, служит норма, допускающая проведение производственной практики на базе самой образовательной организации. Целесообразность данного правила очень сомнительна, так как глубинные интервью с ответственными за производственные практики показали отсутствие у технических университетов необходимых лабораторий и прочих технологических площадок. Содержащееся в них оборудование устарело, устанавливалось еще в советские времена.

Иных указаний по предмету организации производственной практики ФГОС не содержат. Поэтому практически полностью механизм коммуникации университета и промышленного предприятия выстраивается на основании неформальных норм. С одной стороны, это очень удобно и дает известный простор для свободы построения образовательного процесса, с другой – может быть источником разного рода злоупотреблений с целью снижения издержек. Гадать о вероятности одного из двух сценариев нет смысла. Благодаря исследованию мы располагаем данными, которые могут прояснить ситуацию по трем отобранным университетам.

Преподаватели-эксперты высказали мнение об отсутствии явной заинтересованности у работодателей в принятии студентов на производственную практику:

• *У человека свои профессиональные обязанности, ему нужно следить за сроками работ, контролировать персонал и при этом еще заниматься нашими студентами. Зачем ему это надо? (эксперт № 1).*

• *Если бы еще были какие-то гарантии последующего трудоустройства на этом предприятии, тогда ладно. Но студент может и не вернуться на работу. Так для чего работодатель должен тратить свое время? (эксперт № 2).*

• *Не буду скрывать, многие работодатели просто ставят печати на отчетах по практике. Лишь бы их студенты не донимали (эксперт № 4).*

Перечисленные суждения можно интерпретировать двойственно: либо преподаватели указывают на свой негативный опыт общения с работодателями, либо выдают собственное нежелание вступать в партнерские отношения за свершившийся социальный факт.

Результаты глубинных интервью с работодателями однозначного ответа не дали, о чем свидетельствует некоторая противоречивость их суждений:

- Откровенно говоря, для нас практиканты больше помеха. Мы их принимаем, но большой пользы для себя не видим (эксперт № 7).
- Студентов мы немного побаиваемся, мало ли что они на производстве выкинут. Непонятно, кто за это станет отвечать (эксперт № 8).
- Студентов не ждем, но стараемся пристроить на рабочие места. Правда, ими никто особо не занимается. Работают сами по себе (эксперт № 9).
- Нам трудно с большими карьерами конкурировать за выпускников, поэтому стараемся трудоустроить тех, кто проходит на нашем предприятии производственную практику (эксперт № 10).
- Работа в системе логистики сложная, но какая-то часть выпускников у нас остается. Помогаем, чем можем, стараемся выбрать толковых студентов (эксперт № 11).
- Недостатка кадров у нас нет, но к серьезным, трудолюбивым ребятам-практикантам мы присматриваемся (эксперт № 12).

По этим ответам видна та же самая логика, что и в предыдущей группе вопросов, направленных на оценку участия работодателей в профессиональном обучении. Нетрудно заметить, что в цехах машиностроительных и металлургических заводов практикантов не ждут. И эта ситуация типична не только для предприятий, где проводилось исследование. Это отношение свойственно всем производствам данной отрасли в Ростовской области.

Теперь обратимся к данным по массовому опросу непосредственно самих обучающихся. Их нацеленность и мотивация в конечном счете имеют решающее значение для овладения специальностью.

Таблица 3

Распределения ответов студентов ($N = 1240$) и экспертов ($N = 24$) на вопрос: «Нужна ли производственная практика для профессионального развития?»

Вариант ответа	Студенты (%)	Эксперты (чел.)
Да, она необходима для приобретения профессиональных умений и навыков	80,9	18
Да, можно завязать знакомства для последующего трудоустройства	45,8	13
Нет, чему-то полезному можно научиться, когда трудоустроишься	5,1	2
Нет, я (значительная часть студентов) не буду работать инженером	3,9	1

Этим вопросом оценивалась значимость производственной практики для образования и последующего трудоустройства. Смысл вопроса состоял в том, чтобы выяснить готовность обучающихся работать по специальности и осознание того, какое место в их ценностях занимает производственная практика. Результаты показали, что подающее большинство опрошенных по окончании вуза намерены стать инженерами. Стереотип о том, что большинство студентов даже не рассматривает вопрос о профессиональном трудоустройстве, не соответствует действительности. Эта же позиция была подтверждена экспертным опросом.

Можно принять во внимание то, что 50,9% опрошенных выбрали вариант ответа, свидетельствующий об успехах социального партнерства. Однако практически столько же студентов, оказавшихся в выборке, в той или иной степени усомнились в положительном значении производственной практики для своего профессионального становления. Поскольку речь идет не о голосовании, а об эффективности работы системы подготовки инженерных кадров, то результат опроса не настолько впечатляющий, как может показаться при поверхностном рассмотрении.

Таблица 4

**Распределение ответов студентов (N = 1239) на вопрос:
«Была ли полезной производственная практика для вашего профессионального развития?»**

Вариант ответа	Результаты, %
Да, она дала мне многое	50,9
Однозначного мнения не сложилось	33,1
Нет, так и не понял чем мы там занимались	11,9
Я там не был, просто принес в деканат справку	4,1

Правильность этой точки зрения подтверждается данными, полученными при ответе на открытый вопрос «Что бы вам хотелось улучшить на производственной практике?». Обычно открытые вопросы респондентами игнорируются. В данном случае это далеко не так. Было лишь 27% пропусков. Из результативных ответов 40% могут быть названы положительными (*все было отлично, ничего менять не надо* и т.п.) и 33% – отрицательными. Наиболее интересные из последних далее процитируем. Целесообразность пространного размещения студенческих ответов без купюр обусловлена тем, что даст возможность наиболее полно понять и в каком-то смысле почувствовать разочарование многих обучающихся от дефектов в системе социального партнерства.

Итак, ниже представлены пожелания студентов, направленные на изменения в производственной практике:

- *Чтобы вуз предоставлял места на практику, а не приходилось самим выискивать организации.*
- *Больше конкретики при выдаче технического задания.*
- *Улучшить отношение к практикантам.*
- *Выделить специальных людей на ее период.*
- *Чуть больше контактов преподавателей и студентов во время практики.*
- *Хотелось бы побольше частных случаев на практике, с которыми мы столкнулись бы потом на работе по специальности.*
- *За все время ни разу не были на производстве в цехах.*
- *Хотелось бы, чтобы практика была практикой, а не формальностью.*
- *Мне бы хотелось проходить такую практику, которая так или иначе связана с моей специальностью, а не ту, которая отвечает узким запросам кафедры, косвенно связанную с моим направлением.*
- *Выбор вузом реально заинтересованных предприятий и нужной квалификации.*
- *Сделать ее реально существующей.*
- *Пересмотреть взаимодействия между предприятием и студентами.*
- *Уровень компетенций преподавательского состава и оснащение.*
- *Подход некоторых преподавателей: ты не знаешь ответ на вопрос, а тебе смеются в ответ, будто ты умственно отсталый.*
- *Чтобы со студентами действительно работали.*

Из студенческих рекомендаций со всей очевидностью следует, что проблемы в проведении социального партнерства отнюдь не только в работодателях, но и в самих университетах. В большей степени даже в последних. Именно университетские работники должны не только задавать высокую планку во взаимоотношениях с работодателями, мотивируя их на сотрудничество, но и надлежащим образом применять имеющиеся в их распоряжении полномочия. Стоит заметить, что над повышением

качества в исполнении обязанностей следует поработать всем акторам, задействованным в подготовке инженерно-технических кадров. При этом мы понимаем, что университетам не хватает ресурсов, а участие в социальном партнерстве работодателей предопределяется комплексом негативных стереотипов и установок, названных в теоретической части статьи ограниченной рациональностью. Все это в совокупность закладывает барьеры на пути социального партнерства.

Барьеры, препятствующие становлению социального партнерства. Для удобства характеристики выделяемых барьеров предложим основание для их типологии. Основанием выступают источники происхождения барьеров.

1. Барьеры социального партнерства, вызванные институциональными правилами высшего образования.

Первый барьер: неучастие работодателей в учебном процессе. В университетах применяются уловки, нацеленные на формальное соблюдение нормы из ФГОС о 5% работодателей в образовательном процессе относительно штатных ППС. Инициаторами имитаций выступают сами же университетские работники, снижающие издержки на образование. Свидетельством такого подхода могут быть данные, полученные по специальности «горное дело». Цитата из интервью работодателя: *«Если бы из университета пришел запрос привлечь наших сотрудников к тому, чтобы почитать лекции или провести практические занятия, мы бы согласились. Нам нужны хорошие специалисты»* (эксперт № 10). Цитата из интервью ответственного за производственную практику по этой же специальности: *«Потенциальных работодателей как преподавателей мы не приглашали»* (эксперт № 4). Здесь имеется явный диссонанс в высказываниях. Конечно, мы не можем распространять его на все учебные специальности. Даже в масштабах изученного были свои различия. Но можно смело заключить, что вузы далеко не всегда используют имеющиеся у них возможности для повышения качества профессиональной подготовки. И дело отнюдь не в отсутствии желания. Эксперты объяснили суть проблемы. Договоры ГПХ, по которым оформляются трудовые отношения с работодателями, не визируются учебной частью, потому что объем ставок ППС рассчитывается не по нагрузке, а по численности контингента. Принимая сотрудника извне, нужно сокращать штатного сотрудника. А увеличить контрольные цифры приема нельзя, так как снизятся показатели по ЕГЭ. В региональные вузы на технические специальности поступают студенты с низкими баллами. Особенно это касается физики. Поэтому, чтобы не снижать показатели эффективности работы вуза, сокращается объем бюджетных мест. Выгоднее принимать гуманитариев, у которых высокие баллы. В итоге в вузах стараются увольнять в первую очередь нештатных преподавателей, а штатные с помощью несложных комбинаций с документами становятся «работодателями».

Второй барьер: непривлечение работодателей к составлению образовательных программ. Запрос на это имеется и отчетливо осознается преподавателями: *«Учебные планы делаются в спешке и представляют собой театр абсурда»* (эксперт № 6); *«Тому, что реально требуется на производстве, студентов у нас не научат»* (эксперт № 5). Невзирая на это, все опрошенные подтвердили полное отсутствие контактов с работодателями. Опять возникает вопрос о том, почему не используются ресурсы работодателей. Симптоматичным может быть следующее суждение: *«Это наша вина. Нам все некогда заниматься важными делами, до главного руки не доходят. Работаем по 8–12 часов. Какие учебные планы?»* (эксперт № 1). В качестве объяснения можем сослаться на общую ситуацию, которая сложилась во всех региональных вузах. Сейчас доминирует так называемая отчетная эффективность. Показатели делаются на науке, финансовой деятельности, работе в медиапространстве. В этих условиях об-

разование отодвигается куда-то совсем на задний план. Ресурсов на него не хватает. Издержки, с ним связанные, не воспринимаются руководством как рациональные: *«Делаем предложения по учебным планам, а к нам не прислушиваются»* (эксперт № 2). Большинство преподавателей высказали убеждение, что «демократия» в составлении учебных планов приводит к снижению качества образования. У преподавателей и работодателей слишком много забот, чтобы сделать образование таким, каким его видит государство. Поэтому мнение опрошенных лучше всего выражает позиция следующего эксперта: *«Нужно вернуться к унифицированным учебным планам. Сейчас в них включают все что попало»* (эксперт № 1).

Третий барьер: формальность производственной практики. По мнению работодателей и преподавателей, озвученному в интервью, не менее 30% практикантов большую часть времени не появляются на производстве или совсем там отсутствуют. При этом качество самой практики у многих студентов вызвало нарекания. Проблем, следовательно, немало. И они порождаются нормативными условиями ее организации и проведения.

Больше всего претензий вызвано отсутствием централизованного механизма распределения студентов. Действующая модель на первый взгляд представляется очень демократичной. Она целиком и полностью основана на представлении, что современные студенты, вузовские работники и работодатели участвуют в производственной практике предельно ответственно. Вузы заключают с несколькими работодателями договоры, обеспечивая студентам альтернативность выбора. Практиканты получают почти полную свободу поведения. Фактически их единственной формальной обязанностью является составление отчета. Предполагается, что без квалифицированного отчета по практике нельзя получить оценку. И это было бы так, если бы оценки выступали действительным индикатором качества образования. Но они давно уже потеряли связь с приобретаемыми знаниями, умениями и навыками. Для ответственных за практику ее организация рассматривается как обременительная обязанность, а так называемая демократичность с полностью размытой ответственностью дает возможность снизить временные, эмоциональные, материальные и прочие издержки.

Понимая это, все наши эксперты предлагали перейти к централизованному механизму распределения и контроля над практикантами. В подтверждение написанного приведем одно из высказываний работодателя по специальности «нефтегазовое дело»: *«Предприятие из Салехарда просит практикантов, но проезд не оплачивает, жилья не дает; кто туда поедет? только дети обеспеченных родителей»* (эксперт № 5). А шанс на трудоустройство в такое престижное место должны получить наиболее талантливые студенты.

2. Барьеры социального партнерства, производные от специфики специальности.

Первый барьер: снижение качества образования. Проблемы были выявлены по трем специальностям: «машиностроение», «технологические машины и оборудование», «металлургия». Главная трудность состоит в отсутствии у вузов современного оборудования для проведения практических занятий. Все, что имеется, было установлено еще в советские времена. Ситуация резко ухудшилась с 2016 г., когда было введено подушевое финансирование. Администрации вузов пришлось «оптимизировать» ставки лаборантов. Благодаря такому решению поддержание порядка в технических лабораториях стало делом энтузиастов: *«Мы испытываем катастрофическую нехватку качественного “железа”»* (эксперт № 3); *«Лаборатории предоставлены сами себе. Их никто не обновляет»* (эксперт №2); *«Станки сдали на металлолом»*

(эксперт № 1); *«Мне пятьдесят шесть, а в этом классе ничего не изменилось с моего первого здесь появления»* (эксперт № 2).

Работодатели говорят о тех же проблемах: *«Качество обучения лежит за пределами критики»* (эксперт № 7); *«Иногда мне кажется, что в вузах вообще ничему не учат»* (эксперт № 8); *«Термины им известны, а руки у них словно у выпускниц филфака»* (эксперт № 9).

Оборудование, применяемое в машиностроении, безусловно, очень дорогое. И если государство ожидает, что оно само появится в региональных вузах, то этого не случится. Нужны либо прямые закупки, либо тесное и не вполне добровольное взаимодействие с работодателями. Подушевое финансирование и гранты ситуацию не исправят. Эти менеджеристские инструменты в региональных вузах, как правило, реализуются имитационно, натужно и исключительно ради того, чтобы пройти аккредитацию.

Второй барьер: формальная включенность работодателя в производственную практику. Логистика, нефтегазовое и горное дело по индикатору «производственная практика» показали сравнительно высокий уровень развития социального партнерства. Указанный барьер оказался актуален только для представителей специальностей по машиностроению и металлургии. И дело не только в некотором упадке отрасли, которую власть пытается перезапустить. Дело еще и в специфике производства, которое имеет сложную организацию с большой долей участия бюрократического аппарата. Решения здесь принимаются медленно, с оглядкой на риски, связанные с ответственностью. Студентам на крупных производствах не рады. А отсюда результаты, содержание которых максимально точно отражается в следующем высказывании: *«Предприятий, которые стоят в очереди и говорят: “Давайте нам студентов!” – таких нет»* (эксперт № 3). Сами беседы часто проходили в острой, резкой форме, с жесткой фиксацией на недостатках и с неверием в благоприятные перспективы: *«Постепенно происходит падение индустрии в средневековую цеховую структуру: клановость, наследственность»* (эксперт № 2).

С учетом столь резкой критики трудно представить, чтобы действующие технические университеты смогли основательно улучшить ситуацию с подготовкой инженерно-технических кадров.

3. Барьеры социального партнерства, порожденные социальными свойствами личности студента.

Первый барьер: отсутствие страха перед отчислением за неуспеваемость. Это еще одна проблема, производная от подушевого финансирования. Примерно ко второму курсу, а у некоторых обучающихся даже раньше, наступает понимание, что за неуспеваемость не отчисляют. Все наши собеседники-преподаватели говорили об этой новой для себя реальности: *«Студентов не выгоняют. Нам говорят, будете ставить двойки, кого-то не изберут по конкурсу»* (эксперт № 1); *«Даже если идешь на принцип и не ставишь тройку прогульщику, собирают комиссию, а та все равно ставит»* (эксперт № 4); *«Студенты уже давно все знают, что в подушевом финансировании они самые важные души»* (эксперт № 3); *«Глупо говорить о качественном обучении, когда преподаватель лишен всех средств воздействия на студента»* (эксперт № 2). О подушевом финансировании хорошо известно даже работодателям. Наиболее ответственные из них не ставили прогульщикам печати на отчетах. Но вынуждены это делать под давлением университетов. В итоге именно действующий нормативный механизм ведет к развитию неформальных правил, побуждающих акторов снижать издержки на обучение.

Второй барьер: неспособность к интенсивной и систематической трудовой деятельности. Современная молодежь выросла в потребительском обществе, в услови-

ях изобилия. Ей свойственны инфантильность, консюмеризм, стремление получить многое за счет малого. Это согласованная позиция как преподавателей, так и работодателей: *«Молодежь хочет лежать на диване, блогерством заниматься и ничего не делать»* (эксперт № 6). Такие особенности порождаются не образованием, но именно образование, очищенное от ложных представлений о так называемой эффективности, могло бы изменить молодежь. Ответственные работодатели делать это умеют: *«Основная сложность со студентами на практике – нежелание ею заниматься. Эту сложность мы перешагнули. Мы давно закрыли лавочку по формальным печатям на отчетах»* (эксперт № 10). Но подобным образом поступают далеко не все. Липовых отчетов, по словам ответственных за практику, сдается не менее 30%. В некотором роде ситуация устраивает всех акторов партнерства: студенты не докучают работодателям, а администрация вузов сдает фальшивые отчеты с имитационной эффективностью. Непонятно только одно: как будут решаться поставленные Президентом задачи.

Заключение

Опираясь на методологию неoinституционализма, попытаемся дать общую оценку состоянию социального партнерства.

Прежде всего, нам следует определиться с тем, насколько хорошо осознают промышленные предприятия и технические университеты рациональность выбора партнерского взаимодействия. По целям вопросы не возникают. И тех, и других государство поставило в такие нормативные условия, когда у них просто нет иного выбора. Предприятия должны наращивать объемы производства и обеспечивать стране технологическую безопасность, а университеты – проходить аккредитацию и подтверждать управленческую эффективность. Однако финансовое бремя, т.е. издержки, в основном несет бизнес. Да, университеты тоже должны увеличивать расход ресурсов. Но их ресурсы темпоральные и интеллектуальные. Предприятиям же необходимо улучшать материально-технические возможности своих партнеров в сфере образования и развивать инфраструктуру по приему практикантов на своей территории. Если это не делать, то правила ФГОС будут исполняться университетами имитационно. На данный момент ни предприятия, ни университеты не нацелены на резкое увеличение издержек ради повышения качества социального партнерства.

Реализации партнерских отношений также препятствует управленческая политика государства, адресованная вузам. Она порождает фактор ограниченной рациональности, одинаково значимый как для бизнеса, так и для высшего образования. Университеты не рассматривают образовательный процесс в качестве своего целевого приоритета, а производители продолжают жить установками 1990-х гг. о «покупных дипломах».

При таких обстоятельствах государственные нормы о социальном партнерстве, несмотря на их очевидную полезность для повышения качества образования, в должном объеме не работают. Да, определенные изменения к лучшему сейчас происходят. Но в целом институциональная устойчивость, т.е. согласованность целевых ориентаций между образованием, бизнесом и государством, не достигается.

Для исправления ситуации нужны фундаментальные преобразования. Мы разработали ряд подходов к реформированию действующей модели социального партнерства. Здесь мы представим только наиболее общие позиции:

- *Изменить государственную политику в сфере образования.* Государству следует отказаться от сложившейся практики оценивать эффективность вузов по наукометрическим показателям. Реальной науки в технологических вузах региона никогда не было. Они изначально создавались как институты для подготовки инженерных

кадров. Именно в таком качестве они и должны функционировать. Иное переключает внимание на третьестепенные цели и отвлекает от образовательного процесса.

- *Внести изменения в правила, регулирующие социальное партнерство.* Требуется унифицировать и детализировать нормативный порядок проведения производственной практики. Прежде всего, обеспечить равенство работодателя и университета. Асимметричный статус может быть только у государства, и то лишь в части определения институциональных условий. Все высказанные информантами предложения можно свести в следующий непротиворечивый порядок: составить перечень актуальных по специальности предприятий, распределять практикантов по производственным потребностям работодателя, сделать предприятия ответственными за проживание практикантов, стандартизировать условия работы на производстве, ввести единообразные правила доставки к предприятию и обратной отправки практикантов к местам обучения. Все эти обстоятельства должны получить четкое государственное регулирование. Ничего подобного действующие ФГОС не содержат.

Увеличить продолжительность срока производственной практики. Это пожелание прежде всего со стороны студентов. Преподавателей же беспокоит сокращение аудиторной нагрузки и сомнения в эффективности самой практики. Компромиссом мог бы стать переход всей инженерной подготовки на шестилетний специалитет.

Ввести наставников от работодателя. Это предложение также идет от студентов и связано оно с трудностями перехода от теоретического обучения к реализации практических функций на производстве.

Отказаться от самостоятельного выбора студентами производственного предприятия. Это правило основано на представлении о наличии развитой образовательной субъектности у обучающихся. Однако в реальности оно лишь провоцирует порочную практику минимизации издержек. Практикантов следует отправлять на те предприятия, которые четко соответствуют профилю специальности и действительно нуждаются в кадрах. Кроме того, в них должна быть развита инфраструктура по приему студентов.

- *Улучшить материально-техническое обеспечение профессиональной подготовки и производственной практики.* Подготовить квалифицированных инженеров невозможно, если не опираться на современные технологии. В вузах должно быть высокотехнологичное оборудование, а не картонные муляжи и станки советских времен. Пока университетские лаборатории этим похвастать не могут. У работодателя проблема немного другая. Технологические инструменты и производственные площадки имеются, а вот инфраструктуры для размещения иногородних студентов нет. Это существенный изъян, который не позволяет организовать практику как реальный, а не имитационный процесс.

Наивно надеяться, что материально-технические трудности можно преодолеть за счет конкуренции по грантам. У государства имеется два реальных варианта решения проблемы: либо использовать прямое бюджетное финансирование, либо обязать сделать это работодателя. В последнем случае решение осуществляется за счет более квалифицированного отбора партнеров. Предприятия должны быть современными, обеспеченными ресурсно, перспективными, заинтересованными в сотрудничестве.

Литература

Базадзе, Н.Г. Об опыте и перспективах развития социального партнерства корпораций оборонного комплекса с национальными исследовательскими университетами / Н.Г. Базадзе, М.К. Касьянова // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. – 2012. – № 1. – С. 169–173.

В вузах РФ на инженеров на 2024–2025 учебный год выделяют почти 255 тыс. бюджетных мест // ТАСС. – 22.02.2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20058393>.

- Воровщиков, С. Г. Социальное партнерство образовательных организаций общего и высшего образования: проект сетевого взаимодействия / С.Г. Воровщиков, О.А. Любченко // *Управление современной школой*. – 2021. – № 7. – С. 43–48.
- Давыденко, Т. М. Инновационные грани социального партнерства «вуз – работодатель»: от учебных практик к проектной интеграции / Т.М. Давыденко, Т.Ю. Гущина, А.П. Пересыпкин // *Инновации*. – 2012. – № 4. – С. 45–49.
- Коноплянский, Д.А. Формирование конкурентоспособности выпускника вуза в процессе обучения: роль государственно-частного партнерства / Д.А. Коноплянский // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. – 2015. – № 33–1. – С. 180–185.
- Лазарева, Г.Ю. Профессиональная социализация студентов: опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области / Г.Ю. Лазарева // *Caucasian Science Bridge*. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 108–118. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.11>.
- Модель, И.М. Социальное партнерство при федерализме: в порядке обсуждения проблемы / И.М. Модель, Б.С. Модель // *Политические исследования*. – 2000. – № 2. – С. 172–177.
- Посохина, С.А. Социальное партнерство как фактор профессионального становления и адаптации студентов вуза / С.А. Посохина // *Интерактивная наука*. – 2017. – № 1. – С. 32–34. – <https://doi.org/10.21661/r-411196>.
- Путин назвал поддержку инженерного образования и естественных наук приоритетами для РФ // ТАСС. – 05.10.2022. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15963463>.
- Российские работодатели столкнулись с нехваткой инженеров // Lenta.ru. – 14.03.2023. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/14/engineers/>.
- Тихонова, А.Д. Государственно-частное партнерство в сфере высшего образования / А.Д. Тихонова // *Инновационная наука*. – 2016. – № 9. – С. 196–198.
- Устинович, В.С. Государственные корпорации: социальное партнерство и проблемы взаимодействия с профсоюзами / В.С. Устинович, В.А. Алымова // *Известия Юго-Западного государственного университета*. – Сер. История и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 125–131.
- Чуча, С.Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений / С.Ю. Чуча // *Государство и право*. – 2022. – № 1. – С. 130–142. – <https://doi.org/10.31857/S102694520018280-9>.
- Шевчук, Е.В. Государственно-частное партнерство как институт модернизации сферы образовательных услуг: международный и отечественный опыт: дис. ... канд. эконом. наук / Е.В. Шевчук. – Ростов н/Д, 2011. – 190 с.
- Keller, B. The European Company Statute: Employee involvement – and beyond / B. Keller // *Industrial Relations Journal*. – 2002. – Vol. 33, № 5. – P. 423–444.
- McCloskey, D.N. Bettering humanomics: A new and old approach to economic science. – Chicago: University of Chicago Press, 2021. – 157 p.
- Modern institutes and regulatory forms of social and labor relations in Russian society / K.V. Vodenko, O.M. Shevchenko, T.I. Barsukova [et al.] // *International Review of Management and Marketing*. – 2016. – Vol. 6, № 6S. – P. 185–190.
- North, D.C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
- Vanhalakka-Ruoho, M. Educational pathways of ninth grade adolescents: Transition practices in vocational and academic families / M. Vanhalakka-Ruoho // *Australian Journal of Career Development*. – 2016. – Vol. 25, № 3. – P. 117–128.

Reference

- Almost 255 thousand budget places will be allocated for engineers in Russian universities for the 2024-2025 academic year. TASS. 22.02.2024. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/20058393>. (In Russ.)
- Bazadze N.G., Kasyanova M.K. On the experience and prospects of development of social partnership of defense corporations with national research universities. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye = Management and Business administration*. 2012;1:169–173. (In Russ.)
- Chucha S.Yu. Social partnership in the sphere of regulation of labor and other directly related relations. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2022;1:130–142. <https://doi.org/10.31857/S102694520018280-9>. (In Russ.)
- Davydenko T.M., Gushchina T.Yu., Peresyypkin A.P. Innovative facets of social partnership “university – employer”: from educational practices to project integration. *Innovatsii = Innovation*. 2012;4:45–49. (In Russ.)
- Keller B. The European company statute: Employee involvement – and beyond. *Industrial Relations Journal*. 2002;33(5):423–444.

- Konoplyansky D.A.* Formation of competitiveness of a university graduate in the process of training: the role of public-private partnership. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2015;33-1:180-185. (In Russ.)
- Lazareva G.Y.* Professional socialization of students: the experience of social partnership of technical universities of Rostov region. *Caucasian Science Bridge*. 2022;5(4):108-118. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.11>. (In Russ.)
- McCloskey D.N.* Bettering humanomics: A new and old approach to economic science. Chicago: University of Chicago Press; 2021. 157 p.
- Model I.M., Model B.S.* Social partnership under federalism: a discussion of the problem. *Politicheskiye issledovaniya = Political Studies*. 2000;2:172-177. (In Russ.)
- North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 152 p.
- Posokhina S.A.* Social partnership as a factor of professional formation and adaptation of university students. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*. 2013;1:32-34. <https://doi.org/10.21661/r-411196>. (In Russ.)
- Putin called support for engineering education and natural sciences priorities for the Russian Federation. TASS. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/15963463>. (In Russ.)
- Russian employers face a shortage of engineers // *Lenta.ru*. 14.03.2023/ Available at: <https://lenta.ru/news/2023/03/14/engineers/>. (In Russ.)
- Shevchuk E.V.* Public-private partnership as an institute of modernization of the sphere of educational services: international and domestic experience: Thesis of the PhD Dis. Rostov-on-Don; 2011. 190 p. (In Russ.)
- Tikhonova A.D.* Public-private partnership in the sphere of higher education. *Innovatsionnaya nauka = Innovative science*. 2016;9:196-198. (In Russ.)
- Ustinovich V.S., Alymova V.A.* State corporations: social partnership and problems of interaction with trade unions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Historiya i pravo = Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and law*. 2020;10(1):125-131. (In Russ.)
- Vanhalakka-Ruoho M.* Educational pathways of ninth grade adolescents: Transition practices in vocational and academic families. *Australian Journal of Career Development*. 2016;25(3):117-128.
- Vodenko K.V., Shevchenko O.M., Barsukova T.I. et al.* Modern institutes and regulatory forms of social and labor relations in Russian society / *International Review of Management and Marketing*. 2016;6(6S):185-190.
- Vorovshchikov S.G., Lyubchenko O.A.* Social partnership of educational organizations of general and higher education: a project of network interaction. *Upravlenie sovremennoy shkoloy = Management of a modern school*. 2021;7:43-48. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 10.02 2025

Дата окончания рецензирования: 12.03.2025

Дата принятия к публикации: 15.03.2025

Информация об авторах

Ковалев Виталий Владимирович – профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: vitkovalev@yandex.ru.

Лазарева Галина Юрьевна – ассистент кафедры дизайна, кандидат социологических наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ), г. Новочеркасск, Россия, e-mail: lazareva.galina.yu@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vitaly Vladimirovich Kovalev – Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vitkovalev@yandex.ru.

Galina Yur'yevna Lazareva – Assistant of the Department of Design, Candidate of Sociological Sciences, South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: lazareva.galina.yu@yandex.ru.

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354:351/354

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.7>

EDN JWHCBV

Достигнуть равновесия: объясняя и преодолевая институциональные дисфункции в среднеобразовательной российской школе**Осип А. Казанцев¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: koznew@bk.ru

Аннотация

Введение. Проблемы отечественного школьного образования и управления качеством образовательного продукта общеобразовательных учреждений представляют актуальную исследовательскую тематику. Особенно в контексте курса на суверенизацию образовательных институтов в России. Притом на данный момент в академическом и публичном полях зачастую представлены слишком оценочные или чрезмерно локальные обсуждения социальных проблем в институтах общего образования (например, зарплаты учителей, отказ от ЕГЭ, вред или необходимость цифровизации и др.). Попыток концептуализировать множество негативных тенденций в российских школах (высокая отчетность, кадровый дефицит, пробелы в системе оплаты труда и т.д.) в одну теоретическую рамку с апробированием такой гипотетической конструкции через эмпирический материал в настоящее время не так много. Наиболее наглядно подобная публикационная диспропорция заметна на фоне масштабов аналогичных исследований применительно к высшему образованию. Поэтому в настоящей работе предприняты усилия по восполнению указанного пробела через следующее аналитическое целеполагание: изучить влияние менеджеристских инструментов на качество образования в среднеобразовательной российской школе.

Методы. На методологической основе неоинституционализма Д. Норта, а также отдельных концептуальных дополнений из теоретических конструкций А.В. Дятлова и В.В. Ковалева, М.А. Корытцева и Н. Пиаттовой используется метод глубинного (полуструктурированного) интервьюирования директоров общеобразовательных организаций г. Ростова-на-Дону. После теоретической обработки эмпирических материалов применяется типологический метод П. Лазарфельда для проектирования потенциальных решений по преодолению институционального неравновесия в институте среднеобразовательной российской школы.

Результаты и их обсуждение. При анализе эмпирических материалов обнаружилось негативное отношение руководителей общеобразовательных школ к некоторым менеджеристским инструментам. Изучение причин дисфункциональности управленческого инструментария, основанного на идеологии менеджеризма, завершилось выявлением шести негативных эффектов. Для конкретно их преодоления и нивелирования были разработаны четыре модели по институциональным модификациям среднеобразовательной российской школы, среди которых предпочтение отдано модели качественно иного взаимодействия и сосуществования менеджеристских и немеджеристских элементов.

Ключевые слова: школьное образование; среднеобразовательная российская школа; менеджеристские инструменты; институциональное неравновесие; рейтинг школ; доктрина роста.

Для цитирования: Казанцев О.А. (2025). Достигнуть равновесия: объясняя и преодолевая институциональные дисфункции в среднеобразовательной российской школе. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 80–106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.7>.

Achieve balance: Explaining and overcoming institutional dysfunctions in Russian secondary schools**Osip A. Kazantsev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: koznew@bk.ru

Abstract

Introduction. The problems of domestic school education and quality management of educational institutions' educational products represent an urgent research topic. Moreover, at the moment, overly evaluative or overly local discussions of social problems in general education institutions are often

presented in academic and public fields (for example, teacher salaries, refusal of the Unified State Exam, harm or need for digitalization, etc.). Currently, there are not many attempts to conceptualize many negative trends in Russian schools (high accountability, staff shortages, gaps in the wage system, etc.) in one theoretical framework with the testing of such a hypothetical design through empirical material. Such a publication disparity is most clearly noticeable against the background of the scale of similar studies in relation to higher education. Therefore, in this paper, efforts have been made to fill this gap through the following analytical goal setting: to study the impact of managerial tools on the quality of education in Russia secondary schools.

Methods. Based on the methodological basis of D. North's neo-institutionalism, as well as individual conceptual additions from the theoretical constructions of A.V. Dyatlov and V.V. Kovalev, M. A. Koryttsev and N. Piattoeva, the method of in-depth (semi-structured) interviewing with the directors of educational social institutions in Rostov-on-Don is used. After theoretical processing of empirical materials, P. Lazarsfeld's typological method is used to design potential solutions to overcome institutional disequilibrium at the institute of secondary school education.

Results and its discussion. The analysis of empirical materials revealed the negative attitude of secondary schools' heads to some managerialism tools. The study of the causes of management dysfunctionality into tools based on managerialism ideology resulted in the identification of six negative effects. To specifically overcome and level them, four models have been developed for institutional modifications of Russian secondary schools, among which preference is given to a model of qualitatively different interaction and coexistence of managerialism and non-managerialism elements.

Keywords: school education; Russian secondary school; managerialism tools; institutional disequilibrium; school ranking; growth doctrine.

For citation: Kazantsev O.A. (2025). Achieve balance: Explaining and overcoming institutional dysfunctions in Russian secondary schools. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 80–106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.7>.

Введение

Состояние образовательной сферы в России (и заодно умонастроения основных акторов в таких институтах, как педагоги, обучающиеся, ученые, администрации, родители и т.д.) можно описать одной-единственной фразой: в ожидании реформ (Цикулина, 2023). Присоединение к Болонской системе (Гребнев, 2018), введение ЕГЭ (Болотов, 2018), формирование вариативности обучения (Осипов, 2019), применение компетентного подхода и концепции функциональной грамотности (Пакина, 2023), старт цифровизации вузовского (Рогозин, 2022) и школьного (Попов, 2022) пространства, а в недавнее время ряд обратных процессов и событий (выход из Болонской системы, отмена «услужевой» терминологии в законодательной базе, риторический и частично реализующийся тренд на суверенизацию образования) демонстрируют, с одной стороны, незавершенность и недоопределенность институционального дизайна (Круглова, 2018) отечественного образования. С другой стороны, еще не конца явленный новый курс в образовательной политике подпитывается актуальностью исследовательскую и социальную рефлексию о свойствах старой, предыдущей, но до сих пор действующей системы управления образованием вообще и качеством образования в частности, т.е. вопрошание о специфике ранее проведенных реформ в институтах высшего образования и науки, а также школьного (начального, основного общего и среднего общего), среднего профессионального и дополнительного образования.

Притом социальные обследования именно пореформенных университетов имеют широкую представленность в академической литературе. Например, в таких областях, как изучение удовлетворенности трудом преподавателей высшей школы (Рогозин, 2024), определение исследовательских барьеров в понимании процессов в российских вузах (Исследование или расследование..., 2023), анализ негативных следствий от реформ управления (Вольчик, 2019) или выявление дисфункций от применения отдельных управленческих инструментов (Ковалев, 2024). К тому же

для концептуализации дисфункциональности, проблем и низкой отдачи (Капелюшников, 2013) от социального института высшего образования апробировался пестрый перечень подходов и теоретических конструкций: идеология менеджериализма (Ковалев, 2023), неолиберальная политика (Голованова, 2024), бюрократология (Осипов, 2023), экономика раздатка (Вахитов, 2015), академический капитализм (Стратегии протеста..., 2022) и др. Более того, в отрасли критических исследований пореформенного высшего образования наблюдается позитивная динамика от «мировоззренческого критиканства» к более нейтральному диагностированию проблемных феноменов с обнаружением причин последних (Сапунов, 2018). И на фоне столь развитого, насыщенного и разнообразного тематического сегмента в науке аналитика институтов школьного образования не выглядит настолько же состоятельной и состоявшейся.

Среди ярких признаков зачаточности подобных исследований стоит указать на следующие.

Во-первых, значительное число академических публикаций по тематике проблемных сторон в пореформенном общем образовании имеет слишком ценностный и даже идеологический окрас, если и не выдающий желаемое за действительное, то точно выставяющий исследовательские предположения готовыми результатами обследований. Например, некоторые авторы постулируют в системе образования «разложение», проявляющееся «в широчайшей коррупции, безответственности, лживости и циничном аморализме управленцев всех уровней, депрофессионализации корпуса учителей и массовом отвращении к учебе детей» (Костенко, 2019, 66), без проведения всякой эмпирической работы для подобных выводов. Даже без сноски на автоэтнографический метод (Родионова, 2022). В конце концов, если указанное и соответствует действительности, всегда остается вариант альтернативной трактовки: происходящее не есть продукт реформ, а представляет собой культурно-цивилизационную специфику российских государства и общества (Асадуллин, 2021, 11), тянувшийся с советского времени эффект колеи.

Во-вторых, во многих работах по рассматриваемой проблематике попросту используются ссылки на мифологические (порой конспирологические) конструкты (Казанцев, 2024). Например, на «западный характер» ЕГЭ как реформы (Морозов, 2015) или ее «болонское» происхождение (Шагиева, 2023, 18). При этом не учитываются отечественные (советские) корни идей централизованных тестирований¹, а

¹ «Анализ международного опыта показывает, что как форма, так и содержание аналогов ЕГЭ в США и странах Западной Европы существенно отличаются от принятой в результате российской модели. Самое главное отличие заключается в том, что в большинстве случаев выпускные экзамены в школах и тестирование, приводящееся в качестве испытания для поступления в вуз, – это две не связанные между собой процедуры. Так, к примеру, в США тесты SAT и ACT пишутся именно для дальнейшей рассылки результатов по университетам. Никакого отношения к оценке качества полученного образования они не имеют. Федеративные принципы функционирования американского государства закрепляют вопросы образования в качестве компетенций штатов, а потому оценка образования с позиций некоего единого стандарта рассматривается в качестве покушения на дух Конституции США. В конце 2010 г. Президент США Барак Обама выступил с полноценной программой реформирования системы среднего образования, включающей проведение единого общегосударственного экзамена в школах. Однако, во-первых, это предложение было встречено в штыки губернаторами штатов; во-вторых, даже в этом случае результаты такого тестирования не предполагается рассматривать в качестве вступительных экзаменов... В России бытует мнение, что ЕГЭ было списано с аналогов, работающих в западных государствах, однако, как мы видим, это не так. На самом деле, по форме и методике ЕГЭ наиболее близко к другому отечественному продукту – централизованному тестированию (ЦТ), которое стартовало в нашей стране еще в 1989 г.» (Стародубцев, 2011, 10–11).

также не обращается внимание на новизну (для всего мирового опыта) данной институциональной инновации¹.

В-третьих, большинство исследований, высвечивающих дисфункции в институтах общего образования, для конструктивного преодоления и качественного решения подобных социальных проблем предлагают слишком абстрактные (общие и обособленные друг от друга) средства – вроде отмены ЕГЭ или увеличения доходов педагогов.

Разумеется, и улучшение в порядке проведения и внутреннего содержания национальных тестирований, и повышение качества жизни учителей – необходимые условия для наращивания качества школьного образования как общественного блага. Тем не менее обращение к институциональной истории общего образования (в отечественных масштабах) демонстрирует, что при отсутствии ЕГЭ и наличии иного показателя доходов в учительской профессии проблема снижения качества образования все равно может возникнуть. И возникла в советский период: «Оценка качества школьного образования в директивных документах вполне... [свидетельствует] об основных недостатках советской школы, которые становились все более явными. На основании 150 публикаций по проблемам образования в периодической печати... в 1970–1982 гг. можно выделить доминирующие суждения по поводу системы общего образования: школа взяла на себя непосильную задачу подготовки одних и тех же учащихся к поступлению в вузы разных профилей; школа должна давать знания основ наук, но в содержание школьного образования входят сведения, которые нельзя считать основными; в школу приходят дети с более сильным, чем прежде, переживанием протеста против несправедливости и фальши, с обостренным чувством собственного достоинства; позиция ученика в учебном процессе становится одним из решающих факторов его эффективности; качество знаний выпускников школы снижается, а показатели успеваемости остаются высокими; информированность учащихся в области новаторских достижений науки, техники и культуры начинает превышать информированность учителей; ушло в прошлое время, когда учителя могли ожидать беспрекословного подчинения учащихся. Общий вывод, который можно сделать... заключается в том, что система школьного образования постепенно все более отставала от социальных запросов, десятилетиями сохраняя одни и те же недостатки» (Лебедев, 2017, 233).

В настоящей работе предлагается рассмотреть в указанном дискурсивном контексте (критических исследований применительно к пореформенным российским институтам, формирующим образовательные блага) следствия управленческих реформ (Казанцев, 2023а) для школьного образования. Притом в качестве предметной области будет избран институт среднеобразовательной российской

¹ «Проблема была в том, что в нашей стране мы ссылались на мировой опыт, которого на самом деле не было. Мирового опыта единого экзамена не существует. А ЕГЭ – это не порождение Болонского процесса, а наше добавление к Болонскому процессу. В некоторых странах подобные экзамены есть: например, в Канаде, частично в США, однако экзамен в форме теста дополняется другими формами аттестации. В Германии этого нет, абитуриенты поступают в университеты по итогам своего обучения в гимназии, и ситуация выглядит следующим образом: право поступать в университет имеет только человек, получивший абитуру (отсюда термин “абитуриент” – человек, закончивший гимназию). Только около 30% от общего числа школьников поступают в гимназию, т.е. отбор осуществляется на уровне школьного образования. В нашей стране в некоторые годы более 90% вчерашних выпускников школ шли в вузы. Этим и объясняется отсутствие вступительных экзаменов в университетах Германии, ведь предварительный отбор уже был осуществлен» (Рождественская, 2020, 48).

школы¹, т.е. совокупность формальных и неформальных норм, механизмов контроля и практик, организующих и опосредующих учебно-воспитательный процесс в старших (10-х и 11-х) классах. Подобная концептуальная локализация связана с двумя предпосылками. Во-первых, наибольшее число управленческих новаций (ОГЭ, ЕГЭ, ВПР, профильные старшие классы, коммерческие услуги и др.) в самом насыщенном виде содержатся, как было выяснено ранее (Казанцев, 2023б), именно в этапе среднего общего образования. Во-вторых, 10–11-е классы во многом представляют собой итоговый, конечный и финальный продукт (почти что аристотелевскую «энтелехию») многолетнего образовательного цикла, запускаемого и проводимого учителями, директорами и родителями обучающихся. Иначе говоря, исследуя завершающий этап учебно-воспитательного школьного процесса, можно больше понять о предыдущих процессуальных стадиях (т.е. о других институтах общего образования, реализуемых на базе российских школ).

Завершая вводную часть, укажем на использование еще более конкретизированной предметной локализации в дальнейшем: изучению подвергнется не вся пореформенная среднеобразовательная школа, а влияние на качество образования в данном институте менеджеристских инструментов.

Методология и методы

Успев обозначить среднеобразовательную российскую школу как совокупность формальных и неформальных норм, стоит указать на ведущую методологическую роль при концептуализации исследовательского предмета (влияние на качество образования в среднеобразовательной российской школе со стороны менеджеристских инструментов) неоинституционализма Д. Норта. Особенное значение в интерпретации проблемных феноменов в изучаемом институте приобретет концепт институционального неравновесия из теоретического наследия американского экономиста (Норт, 1997, 112).

На подобной методологической платформе также разместим дополнительные концептуальные ходы. Ими станут: менеджеристские инструменты, квазирынки и деконтекстуализация. Концепт менеджеристских инструментов позволяет разработать общую концептуализирующую рамку для разнообразного пореформенного инструментария (рейтинг организаций, ЕГЭ и ОГЭ, профильные старшие классы, ВПР, достижения в событиях, конкурсах и мероприятиях и т.д.) по управлению общеобразовательными организациями. Их объединяет ценностно-мотивировочный фундамент идеологии менеджеризма, связанный с идеей количественной оценки успешности организаций из общественного сектора и полезности результатов их деятельности, постулатом продуктивности конкурентных отношений между организациями, с особой ролью «эффективных менеджеров» (Дятлов, 2023). Теоретическая рамка квазирынков способствует прояснению механизмов развития конкуренции внутри не частно-товарных рынков и последствий подобного рода отношений для пореформенного общественного сек-

¹ Данный термин используется вместо таких конструкций, как «среднее общее образование», «средняя школа», «старшая школа», «общеобразовательная школа» и т.д. Подобный выбор обусловлен, с одной стороны, тем, что среднее общее образование (в соответствии с ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») возможно приобрести не только в общеобразовательных школах, но в колледжах вместе с процессом освоения среднего профессионального образования. С другой стороны, такие конструкции, как «средняя школа», «старшая школа», «общеобразовательная школа», попросту менее точны. Средняя и старшая школы представляют собой размытые обозначения, которые могут затрагивать и часть (или даже все) основного общего образования или обозначать некоторую «типичность» общеобразовательных заведений («средняя школа» как антоним гимназиям, лицеям и т.д.). В конце концов, общеобразовательные школы представляют собой тип организаций или учреждений, на базе которых осуществляется (реализуется) рассматриваемый в данной работе институт.

тора (Корытцев, 2009). Концепция деконтекстуализации помогает выявить следствия от масштабного применения количественных инструментов оценки в организациях, включенных в институциональное пространство образования, а именно формирование у различных акторов пореформенных институтов урезанного, бессодержательного и смутного понимания реальных процессов и действительного положения дел в «калькируемых» учреждениях и сообществах (Piattoeva, 2021).

В предыдущей аналитической публикации уже были представлены итоги исследования с помощью онлайн-анкетирования учителей старших классов и родителей старшеклассников в ростовских общеобразовательных организациях, а также результаты проведенного контент-анализа нормативных документов, регламентирующих и оформляющих применение менеджеристских инструментов в среднеобразовательной российской школе¹. Здесь ниже будут рассмотрены позиции и оценки применительно к выявленным в указанной работе элементам из менеджеристского инструментария, точнее, к их влиянию на качество (среднего общего) образования еще одного актора – школьных руководителей (директоров). С данной целью используется метод глубинного (полуструктурированного) интервью, воплощенного при сборе и обработке эмпирической информации на основе спецификаций и рекомендаций С.А. Белановского (Белановский, 2022, 389–391).

В дальнейшем, обследуя полученные кодировочные категории из материалов интервьюирования, выводятся: во-первых, негативные эффекты (т.е. причинные факторы, способствующие отрицательному воздействию менеджеристских инструментов на качество образования в среднеобразовательной российской школе) и, во-вторых, модельные стратегии (т.е. гипотетические конструкторы, направленные на корректировку функционирования рассматриваемого института через смещение баланса между менеджеристскими и неменеджеристскими элементными составляющими). Как раз для конструирования указанных стратегий будет использован типологический метод П. Лазарсфельда, изложенный Н.С. Бабичем (Бабич, 2012). Данная концептуальная методика позволит обоснованно выработать типы со встроенным соотношением менеджеристского и неменеджеристского. Для обоснованной же оценки полученных модельных стратегий будет вновь применена неoinституциональная методология Д. Норта в контексте достижения потенциальной удовлетворенности основных акторов (родителей и учителей с директорами), а также необходимости новых финансовых и правовых имплементаций в среднеобразовательную российскую школу. Притом дополнительно к сумме полученных «баллов» по четырем оценочным категориям предстоит обратить внимание на то, сколько из перечисленных негативных эффектов в потенциале способны преодолеть и нивелировать представленные модельные стратегии, а также как каждая из данных моделей отвечает на два практических вопроса: что такое качество образования и как его повысить².

¹ «Менеджеристские инструменты в документах и в лицах: исследование влияний на качество среднего общего образования» (в печати).

² В концептуальных рамках настоящего и предыдущего исследований под качеством образования понимается «оценочный континуум», т.е. градированное пространство из множества представлений, способов измерения и идеологических установок относительно определения и способов замера образовательной качественности. Притом на конечных границах подобного отрезка мнений и представлений находятся субъективные и нормативные методы понимания и оценивания качества образования. Иначе говоря, конечная удовлетворенность родителей, педагогов, обучающихся и государства, с одной стороны, и нормативное совпадение (правильное и корректное применение тех или иных управленческих инструментов, включая менеджеристские) достигнутых результатов с правовыми критериями – с другой. Так или иначе, общей концептуальной рамкой для эмпирического вопрошания у акторов (ранее – учителей и родителей; здесь – директоров) о качественности образовательного продукта в среднеобразовательной российской школе вновь выступает неoinституциональная методология: применение конвенционального подхода, т.е. согласия между основными агентами о специфике и эталонности произведенного блага.

Дальнейшее развертывание исследования пройдет по такой методической схеме: вначале на основе суждений информантов из среды руководителей школьных учреждений будет либо доказано, либо опровергнуто негативное по характеру влияние управленческих реформ на качество образования в среднеобразовательной российской школе.

Результаты и обсуждение

Измеряя школьное руководство: позиции директоров касательно менеджеристских инструментов в среднеобразовательной российской школе

Глубинные полуструктурированные интервью были проведены по гайду из следующих вопросов:

1. Как бы вы сами определили, что такое качество образования? Каким образом его можно (если вообще можно) измерить?

2. Можете ли вы уточнить свое определение качества образования для старших (десятого и одиннадцатого) классов? Как вы считаете, какими способами или процедурами возможно измерить качество образования в таких классах?

3. Как бы вы сформулировали главную цель в руководстве школой? Могли бы вы уточнить ее применительно для среднеобразовательного звена?

4. Как вы сами полагаете, есть ли необходимость в таком инструменте для измерения качества образования, как ВПР? Какие слабые и (или) сильные стороны вы можете указать для ВПР?

5. Как бы вы сформулировали целевой характер вступительных испытаний в старшие классы в вашей школе? Можете ли вы кратко охарактеризовать образовательную миссию (основную задачу, цель) среднеобразовательной школы? Согласились бы вы с такой формулировкой этой миссии: «основным назначением старшей школы является подготовка к поступлению в выбранный вуз»?

6. Как вы относитесь к деятельности и продукту компаний (занимающихся коммерческой подготовкой к написанию ЕГЭ)? В вашей школе проводятся платные курсы по подготовке к сдаче ЕГЭ? Если да, то насколько значимой строкой дохода они являются?

7. Как вы оцениваете роль родительской общественности в управлении школой для повышения качества образования? Положительно или отрицательно? Вы считаете более предпочтительным сократить или увеличить участие родителей в управлении образовательными организациями?

8. Как вы считаете, для кого и для чего могут быть полезны общегородские школьные рейтинги? Какую роль в организации управления вашей школой играет мотивирующий мониторинг? Какие проблемы в рейтинговании школьных организаций вы могли бы выделить?

9. Какие бы именно вы отметили проблемы для общего, особенно для среднего общего образования? Какие способы и средства для решения таких проблем и роста качества образования вы могли бы предложить?

Информанты для осуществления подобного качественного исследования отбирались на основе ранее проведенного Управлением образования г. Ростова-на-Дону рейтинга общеобразовательных организаций. Данный ранжированный перечень состоит из чуть более чем 100 позиций, которые были условно объединены и структурированы для настоящих аналитических задач на три группы: высокорейтинговые (с 1-й по 33-ю позицию в списке), среднерейтинговые (с 34-го по 67-е место), низкорейтинговые (с 68-го по 101-й и далее). Было выбрано по две школы из каждого

такого рейтингового блока, которые на относительно длительном временном отрезке (с 2020/2021 по 2022/2023 учебный год) сохраняли свое расположение в той или иной категории внутри рейтинга. Для адресования процитированных суждений того или иного из шести информантов будут использованы следующие сокращения: глава первой высокорейтинговой школы будет фигурировать в тексте как «директор ВРШ-1», и аналогично с этим: директор второй высокорейтинговой школы – «директор ВРШ-2», первой среднерейтинговой школы – «директор СРШ-1», второй среднерейтинговой школы – «директор СРШ-2», первой низкорейтинговой школы – «директор НРШ-1», второй низкорейтинговой школы – «директор НРШ-2».

Для целей настоящей публикации будут рассмотрены и проанализированы фрагменты транскриптов, полученных по вопросам под номерами: с первого по пятый включительно, а также восьмой и девятый. Результаты по аналитике суждений вопросных позиций под номерами шесть и семь требуют сравнительного изучения с аналогичными вопросительными пунктами из родительской и учительской опросных анкет. Подобное оставим для последующих исследовательских публикаций. Представление суждений информантов и кодирование их речевых конструкций будет реализовано через соотнесение с обсуждаемыми менеджеристскими инструментами: рейтинг организаций; ЕГЭ; ВПР; профильные классы; достижения по событиям, мероприятиям и конкурсам. В связи с тем, что ранее именно рейтинг организаций был представлен как основополагающий в менеджеристском управлении внутри института среднеобразовательной российской школой инструмент, начнем обзорную аналитику именно с него.

Рейтинг организаций. Руководители как «топовых», так и среднерейтинговых и низкорейтинговых школ высказались, скорее, негативно и критически относительно процедуры рейтингования общеобразовательных учреждений. Приведем в пример такие речевые свидетельства:

- *«Большой-большой вопрос, как это считали, кто это считал, поэтому, если первые годы еще боролись школы за рейтинги, то сейчас отношение [к рейтингам] – “есть и есть”»* (директор ВРШ-1).

- *«[В моей школе] один выпускной класс, и в нем, например, 11 медалистов. Это 40% медалистов... Берем школу, где 5 одиннадцатых классов, и у них 20 медалистов. Медалистов больше по количеству, а процент в разы ниже. Как моя школа может конкурировать с большой школой? Точно так же берем любые достижения, олимпиадные или правонарушения. Там обратное дело»* (директор СРШ-2).

- *«Может быть маленькая школа, на окраине города, с контингентом сложных подростков, и эта школа обречена на низкий рейтинг... преуспеть ей в чем-то будет очень сложно»* (директор НРШ-1).

Руководители ВРШ-2, СРШ-1 и НРШ-2 высказались аналогичным образом, подчеркивая и сложность сравнения по единым правилам слишком разных по условиям (количество обучающихся, инфраструктура, кадровые параметры, состояние социальной среды и др.) школ, и низкую вероятность серьезного продвижению вверх (более-менее постоянный состав победителей), и ресурсную затратность участия в конкурсной рейтинговании (слишком много человеческих и временных ресурсов растрачивается для поддержания и попыток повышения своего рейтингового положения).

В конечном счете из сказанного информантами можно вывести три кодировочных категории, в которые укладывается отношение директоров к рейтингу организаций как менеджеристскому инструменту. Первая кодировочная категория: неравновесное сравнение (существующая система рейтингования или вообще единое и общее для всех рейтингование не обоснованы для разных по количеству обу-

чающихся, профильности, качеству педагогического состава, местоположению и т. д. школ). Вторая: перманентные победители (в конкурсе присутствуют такие школьные организации, которые всегда будут побеждать в связи со своими предконкурсными, дорейтинговыми характеристиками, например изначально элитные школы и т.д.). Третья: ресурсная расточительность (рейтинговые соревнования предполагают слишком объемное привлечение человеческих, детских и учительских временных, материальных, управленческих, организаторских и других ресурсов, которое порой, а то и зачастую не оправдывается и отвлекает педагогов, старшеклассников и руководителей от их основной, учебно-воспитательной, деятельности). Притом, как можно заметить, обязательное участие в «рейтинговых гонках» с минимальными возможностями к победе и значительными ресурсными затратами скорее подтверждает, чем опровергает изначальное предположение: менеджеристский инструментарий влияет на снижение качества среднего общего образования. Ведь перераспределение ограниченных ресурсов на предприятие, направленное на повышение количественно измеримого, формального и относительного положения школы, отнимает ресурсный материал, необходимый для собственно достижения качественного образовательного блага.

Здесь следует отдельно остановиться на том, что информанты из среды школьных руководителей понимают под качеством образования. Ведь для определения снижения, сохранения или повышения качества необходимо прежде понять, что акторы, производящие образовательное благо, подразумевают под данным понятием (явлением, состоянием и т.д.).

Качество (среднего общего) образования. Различные группы информантов в целом ответили в пределах семантической однотипности по поводу сущности качественного образовательного блага: «уровень конкурентоспособности обучающегося», «подготовленность и обученность выпускника», «[формирование] «способности учиться» и похожие конструкции. Притом при переходе от вопросов об определении качества образования вообще и среднего общего образования в частности к вопрошанию о цели руководителя общеобразовательного учреждения однотипные суждения по поводу качества были существенно дополнены. Более того, произошло отождествление интервьюируемых категории качества с собственно личным целеполаганием в руководстве школой. Были получены следующие ответы касательно того, что цель для главы школы – это:

- *«Настроить каждого учителя и ученика на то, что мы живем в мире не по конвейерному типу... [для такого мира необходимо приложить усилия, чтобы] вырастить конкурентоспособного ученика»* (директор ВРШ-2).

- *«Буфер, защита от агрессивных факторов [внешней среды], разрушающих учительскую идентичность... сохранить здравую идею образования... для 10–11-х классов... это мои дети... я для них все»* (директор СРШ-2).

- *«Воспитание гармонично развитой личности, которая потом, в социуме, будет чувствовать себя комфортно... То есть всесторонний [человек], развитый и [с точки зрения] интеллекта, и коммуникации, и здоровья»* (директор НРШ-1).

Притом подобные самоописания целевых (управленческих, педагогических, рабочих) установок дополняются, с вовлечением негативных коннотаций, указаниями на наличие требований, исполнение которых напрямую не связано с обучением и воспитанием детей или организацией условий для такого учебно-воспитательного процесса. Далее будем обозначать первые цели-ориентиры кодировочной категорией «гуманистические установки», а вторые, де-факто противонаправленные предыдущим, – кодировкой «рутинный функционал»:

• «[Школа огромная, учителей мало], поэтому моя цель только стратегическое управление. Я им [учителям и завучам] намечаю определенный путь, а дальше нужен контроль... Контроль качества и всего» (ВРШ-2).

• «[Руководитель должен знать] сколько деревьев посадили, сколько туалетной бумаги купили... [проверяющие] службы, которые над нами есть, они нам мешают, потому что они все звонят руководителям» (СРШ-1).

• «У нас сейчас немыслимое количество проектов, в которых дети должны участвовать, обязаны. Действительно, они рейтинговые, приносят школе баллы. И порой, глядя на это многообразие, которое нам предлагается для участия, даже не знаешь, за что хвататься... Да, если объективно посмотреть, учиться некогда. Знаете, мы порой даже в своей среде директоров говорим: а когда же нам учить? Учиться некогда. Мы порой в этом потоке мероприятий, которые нас ожидают, забываем [о главной миссии школы]... учить наших детей, давать им знания» (директор НРШ-2).

Столкновение гуманистических установок и рутинного функционала в целеполагании директоров крайне показательно и значимо в контексте настоящего исследования. Подобное противоречие характеризует гибридную модель управления, функционирования и бытования института среднеобразовательной российской школы – смешение неменеджеристского и менеджеристского задачных рядов. Притом (разумеется, с учетом того, что в рутинный функционал могут входить не только одни лишь менеджеристские задачи и устремления достигнуть высоких количественных показателей по ЕГЭ, ВПР и т.д., о чем еще будет сказано ниже) заметно, что менеджеристские составные элементы (рутинно-функциональные) в управленческой (шире – педагогической) деятельности давят на неменеджеристские (гуманистические), отбирая время и иные ограниченные ресурсы на свою реализацию. Такое вынужденное несбалансированное распределение ресурсных единиц и приводит (относительно реализации различных менеджеристских инструментов, начиная с уже рассмотренного рейтинга организаций и далее) к ситуации институционального неравновесия: акторы (в данном случае школьные руководители) вынуждены разрываться между несколькими не сводимыми одно к другому обязательствами. Притом одни обязательства (формальные действия) начинают превалировать над другими (неформальными). При подобном положении целевые ориентиры института попросту не достигаются.

Далее обобщенно укажем на следующие результаты по аналитике данных из интервью. Во-первых, профильные старшие классы не рассматриваются директорами как некая проблема, снижающая качество образования:

• «[Некоторые поступающие в 10-е классы и их родители] не очень понимают уровня ответственности и вообще для чего им 10-й класс. Мы стараемся их сориентировать и направить на то, что образование в колледже, это более для них конкретно подходящая сейчас ситуация, нежели поступление в 10-й класс в тех условиях... [которые приведут к сдаче ЕГЭ] на очень низкий балл и опять же после 11-го уже поступление в колледж. То есть мы стараемся их сориентировать, негласно... мы с детьми общаемся, в течение года мы их к этому подводим, мы общаемся с родителями, проводим различные собрания и так далее» (директор НРШ-1).

Во-вторых, достаточно единогласно информанты высказались против ВПР, также обозначив, скорее, его вред относительно образовательного качества:

• «Это всегда стресс, это идет в учебное время... [сделали бы ВПР] хотя бы в рамках промежуточной аттестации, перенести на май, чтоб они завершали учебный год. Тогда хоть какая-то бы логика была... [из-за ВПР] мы срываем весь образовательный процесс» (директор СРШ-2).

В-третьих, относительно участия в проектах, мероприятиях и конкурсах получены смешанные суждения. К примеру, отмечается слишком большое число конкурсов и мероприятий, в которых должны принимать участие школы:

• *«Качественное образование я могу обеспечить, создав условия для приобретения [некоторых] компетенций... какие условия? Чтоб учитель имел возможность получить хорошее, качественное образование сам, чтоб он пришел в школу и у него не было [обязанности участвовать во всех конкурсах, мероприятиях, событиях для достижения показателей]... это количество мероприятий, в которых везде, во всем надо участвовать: все во всем не могут участвовать. Это же на качестве сказывается. Я бы показатель обратный ввел: чем меньше мероприятий, в которых вынужденно участвует учитель, тем лучше качество образования. То есть дать человеку спокойно [работать]» (директор СРШ-1).*

Вместе с тем о полезности и необходимости ряда мероприятий, например гражданско-патриотических, сообщали другие руководители:

• *«Школа работает для того, чтобы... сформировать ценности ребенка, любовь к Родине... сейчас мы начали об этом думать [т. е. не так давно началось углубление и рост патриотическо-воспитательной политики через школу], слава богу. Появились направленные на это проекты» (директор ВРШ-1).*

В-четвертых, ЕГЭ воспринимается как управленческий инструмент, отрицательно сказывающийся на качестве образования, только одним информантом. Для всех остальных ЕГЭ, скорее, представляется как гуманистически (в том смысле термина, который был задан выше) преобразованное производителями средство для осуществления непосредственных образовательных целей.

Суммируя сказанное, следует подвести предварительные итоги исследования. Первый итог: информанты из школ всех трех категорий имеют достаточно однородную позицию относительно рейтинга организаций как менеджеристского инструмента. Подобная однородность аналитически укладывается в три кодировочные категории: неравновесное сравнение, перманентные победители и ресурсная расточительность. И такая тройная комбинация, в свою очередь, подводит обоснование под гипотезу о снижении качества образования вследствие использования менеджеристского инструментария, например такого, как рейтинг организаций. Второй итог: по отношению к ВПР в среде школьных руководителей также оформилось негативное отношение. Последнее можно аналогично свести в три кодировочные категории, такие как: необъективность¹, конструктивная дефектность² и ресурсная затратность³. Если обобщить подобные три типа критических суждений, то они, скорее, вновь вы-

¹ *«Результатам итоговой промежуточной аттестации я доверяю больше, чем ВПР... Дети пишут, получают результат [по ВПР]. Результат отдается в город. Город не позволяет ставить результаты ниже определенных планок, и, соответственно, учреждение будет подстраивать результаты [под запросы «города», т. е. муниципальных властей]» (директор ВРШ-1).*

² *«[При проведении ВПР самое главное, чтоб соотносились отметки]... у нас... был этот негативный опыт, мы один раз попали в список школ с необъективными результатами... у нас все удивлялись, как вы в такой махине еще не “промахнулись” ни разу...Один раз промахнулись... [теперь] ведется работа по очень объективному выставлению отметок в третьей четверти, никаких завышений, никаких поощрений, никаких ничего, чтобы максимально все это совпало... Мне простая контрольная больше дает [информации]... [мои классы написали ВПР и, чтобы все совпало, приходилось] исправлять “тройки” на “двойки”» (директор ВРШ-2).*

³ *«Допустим, мы провели ряд ВПР, мы еще не успели устранить те проблемы, которые мы выявили, а нам уже говорят [проверяющие инстанции]: “Ребятам, а как вам не хватает года, чтобы это все устранить?”... хотя мы изначальные результаты еще не откорректировали... нам нужно [в идеале] провести ВПР... и потом поработать хотя бы несколько лет на то, чтобы улучшить качество» (директор НРШ-1).*

ступят в пользу обоснованности исследовательского предположения. Третий итог: к остальным менеджеристским инструментам отношение либо положительное (профильные классы), либо смешанное (достижения по событиям, мероприятиям и конкурсам), либо нейтральное (ЕГЭ).

Несмотря на то, что применительно не ко всем элементам из менеджеристского инструментария получилось выявить у директоров мнение о негативном влиянии на образовательное качество в среднеобразовательной российской школе, можно констатировать суммарное подтверждение присутствия отрицательной динамики в качестве образования. Далее следует предпринять концептуальные усилия по высвечиванию в раскрытом снижении качества причинные факторы, способствующие подобной тенденции.

Развертывая проблемный ряд: основные негативные эффекты при менеджеристском управлении в среднеобразовательной российской школе

На основе ранее упомянутых параметров и специфики менеджеристских инструментов (и лежащей в их основе управленческой идеологии), а также применяя концепты квазирынков и деконтекстуализации, возможно обнаружить шесть негативных эффектов, иными словами – причинных факторов, возникающих при внедрении менеджеристских инструментов (рейтинга организаций, ВПР, отчасти достижений по событиям, конкурсам и мероприятиям) и способствующих оформлению тренда на снижение образовательного качества. А именно это такие негативные эффекты, как доктрина роста, рыночная неуниверсальность, смещение клиентоцентричности, ресурсорасточительность, парадокс объективного самоизмерения, педагогическая депрофессионализация. Кратко рассмотрим каждый из перечисленных факторов, отмечая, что в представленном перечне каждый предыдущий элемент порождает последующий. То есть такой негативный эффект, как доктрина роста (аналогично с ролью рейтинга организаций как мета-инструмента), являет собой основной порождающий механизм, генерирующий снижение образовательного качества.

Доктрина роста. Указанный негативный эффект представляет собой обличенную в некоторую некритичную установку «здорового смысла» идею о допустимости, возможности и желательности количественно измеримого роста как, с одной стороны, целевого ориентира, так, с другой стороны, мерила полезности (эффективности). Иными словами, доктрина роста есть миф, иллюзорная конструкция, принимаемая столь же некритично, как и (до недавнего времени) постулат экономического роста (Юревич, 2022). За неимением возможности подробнее развернуть деконструкцию данного негативного эффекта в институтах образования, укажем на следующее: и в законодательстве¹, и в обществе (Сенина, 2024), и в академическом пространстве (Воротилов, 2006) существуют слишком различные понимания и смысловые характеристики для категории «качество образования», поэтому попытка формальными инструментами измерить последнее будет приводить к переключению внимания с измеряемого объекта на измерительные единицы с «приборами» для измерения (т.е. обсуждение качества образования редуцируется к дискуссии о среднем балле

¹ В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» качество образования описывается как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы».

ЕГЭ организации, города, региона и др.). Притом формирование единой, плоской и абстрактной шкалы, по которой будут измеряться слишком разные школы, административные единицы и регионы (точнее, продуцируемое ими качество), приведет к деконтекстуализации, т.е. к ампутации и элиминации тех социальных, культурных, демографических и прочих контекстов, в которых оформилось некоторое образовательное качество с замером N . Притом, что значения N в равной степени достигли школы А и В, для одной из которых подобный результат (даже повторяющийся из года в год) был невероятным преодолением себя и рывком за пределы сковывающих условий, а для другой – закономерным, поступательным и не слишком затратным событием.

Рыночная неуниверсальность. Данный негативный эффект обозначает последствия неумелого и поспешного конструирования квазирынка в условиях и контекстах, не способствующих развитию здоровой и полноценной конкуренции. Попытка перекроить институциональную ткань среднеобразовательной российской школы в духе квазирынка связана не только с привычными для реформ по менеджеризации дефицитами в бюджете, но и с заявленной выше доктриной роста. Последняя изоморфна экономическому росту, а тот, в свою очередь, наиболее заметен и высок в рыночных экономиках. В связи с подобным положением дел институты общественного сектора преобразуются в квазирыночные структуры для ускоренного повышения количественно измеримого качества образования. Но такое видоизменение ожиданий приводит учителей и директоров к искажениям в целеполагании для педагогической деятельности. Например, вместо действительной работы над повышением качества умений, знаний и навыков у отдельных обучающихся педагогические работники трудятся над «рисованием» нужных целевых показателей для школы, муниципалитета, региона и в конечном счете страны (Курбатова, 2023). Конкурентные отношения в продемонстрированном разрезе, скорее, будут способствовать отрицательному отбору: кто наиболее эффективно, «без оглядки» на проверяющие инстанции, сможет корректировать собственные цифры в количественных индикаторах.

Смещение клиентоцентричности. Указанный негативный эффект представляет собой следствие двойной подотчетности в современной среднеобразовательной российской школе: и на формальном, и на неформальном уровне школьные учреждения, в особенности их руководители, ответственны и перед родительским сообществом, и перед различными муниципальными и региональными бюрократами (т.е. перед собственными формальными учредителями). Так как рейтинговые списки и количественные индикаторы эффективности существуют не только в системе общеобразовательных организаций, но и в деятельности иных государственных подразделений и муниципальных ведомств, то руководители последних заинтересованы в росте собственных показателей и позиций в сводных рейтингах. Подобное положение дел приводит к тому, что возникают неформальные пожелания¹ чиновников по росту количественных показателей в конкретных школах. Притом имеются в виду не только ВПР, ЕГЭ, ОГЭ, но и участие в различных акциях, общественных движениях и иного рода мероприятиях с вовлечением обучающихся и учителей. Все это способ-

¹ Которые не всегда являются прямыми распоряжениями, озвученными или иначе обозначенными чиновниками перед школьными директорами. Порой возникновение рассматриваемого негативного эффекта связано исключительно с самим фактом вовлеченности рейтинговых показателей школ в рейтинговые же показатели деятельности глав муниципалитетов и региональных губернаторов. Иначе говоря, руководители общеобразовательных учреждений попросту «додумывают» во избежание потенциальных санкций.

ствуует переключению внимания с собственно учебно-воспитательного процесса (гуманистические установки) на «работу на показатели» (рутинный функционал).

Разумеется, отдельно стоит заметить, что и обозначенные директорами (и учителями при онлайн-анкетировании) цели управленческой (педагогической) деятельности, которые в настоящей статье кодировались термином «гуманистические ориентиры», могут быть искажением социальных данных. Иначе говоря, подобные ответы вполне возможно концептуализировать как эффект социальной желательности. Но в случае предыдущего исследования («Менеджеристские инструменты в документах и в лицах: исследование влияний на качество среднего общего образования») подобная деформация в объективности информации могла быть зафиксирована через несоответствие ответов по одному вопросу целому ответному ряду по другим вопросам (когда респонденты подчеркивали относительно высокое качество образования в их школе, при этом обозначая многочисленные и актуальные проблемы в среднеобразовательной российской школе). В случае корпуса эмпирических данных по директорам подобного коррелятивного подтверждения между ответами в разных вопросах не было обнаружено, оттого предполагать неискренность информантов оснований нет: школьные руководители действительно внутренне отдают себе отчет о значимости и важности гуманистических установок (непосредственного обучения и воспитания детей), но вынуждены внешне проецировать иной поведенческий паттерн (приоритетные действия, связанные с отчетностью, повышением рейтинговой позиции и т.д.). Притом, как будет сказано ниже, рутинно-функциональные задачи не обязательно должны порождаться исключительно засильем менеджеристских инструментов в рассматриваемом институте. Они могут и порождаются в том числе неменеджеристскими управленческими моделями. Для повышения качества образовательного продукта любая модель реформ, более или менее менеджеристская, должна с необходимостью быть нацелена на снижение затрат времени и прочих ресурсов на исполнение рутинного функционала. В идеале (возможно, недостижимом) – полностью устранить рутинно-функциональные задачи из сферы деятельности учителей и директоров.

Таким образом, решение рутинно-функциональных задач отнимает ограниченные человеческие ресурсы от исполнения задач гуманистического плана. В конце концов, школа вместо реализации чаяний непосредственных потребителей образования как блага осуществляет амбиции управленцев муниципального и регионального уровней, сокращая ресурсную основу для поддержания и повышения качества образовательного продукта.

Ресурсорасточительность. Данный негативный эффект обозначает возникновение ситуации, при которой ограниченные ресурсы (кадровые, материальные, временные, организационные, финансовые и др.) расходуются не на производство качественного образовательного блага, а на осуществление иных задач – участие в конкуренции на квазирынке среднего общего (и вообще общего) образования за достижение наиболее высоких количественных результатов по типу среднего балла ЕГЭ региона или муниципалитета, собственной рейтинговой позиции и т.д. Ограниченность ресурсов приводит к тому, что даже приоритетное исполнение рутинно-функциональных задач продуцирует имитационные практики, т.е. оппортунистические («обходные») пути достижения целевых показателей с минимизацией расходов и рисков, иными словами, имитацию реальной педагогической, управленческой и иной образовательной деятельности.

Парадокс объективного самоизмерения. Указанный негативный эффект представляет собой следствие влияния конечных результатов самодиагностики (на-

пример, ВПР и иных форм самопроверок, широко распространенных в институтах общего образования) на положение школьного директора и педагогического коллектива: «...непонятно, кто и как будет применять результаты Всероссийских проверочных работ. Утверждается, что их будут использовать учителя для оценки индивидуальных учебных достижений конкретного ученика с целью планирования индивидуальной работы с ним. Другими словами, эти контрольные дают материалы для диагностики, т.е. представляют собой сервис для учителя и школы. Но зачем тогда такая регламентация работы с этим сервисом? Она может привести и уже приводит к тому, что учителей и школы сравнивают по итогам выполнения Всероссийских проверочных работ. Последствия предсказуемы: наказание невиновных и фальсификации – ведь контрольные проводят сами школы! И очень может быть, что по их итогам будут устраиваться рейтинги... Всероссийские проверочные работы – это какой-то странный гибрид материалов для внутришкольного оценивания (но зачем тогда такая внешняя регламентация?) с мониторингом (но зачем тогда проверять всех детей? и как можно обходиться без внешнего контроля?) с экзаменами с высокими ставками (ведь будут отличники и двоечники)» (Болотов, 2018, 295). Подобная причинно-следственная зависимость формирует одну из самых повсеместных имитационных практик в общеобразовательных учреждениях, о которой высказались все шестеро информантов: фабрикация, «корректировка» и искажения результатов ВПР:

- *«ВПР как слово вызывает в учительском сообществе какие-то негативные коннотации... Объясняют родителям на всех уровнях, что это [результаты ВПР] не имеет никакого значения, что это внутренняя диагностика. Учителя откровенно понимают, что это оценка их работы. Учителя прекрасно понимают, что идет соотнесение вот этих всех результатов: ВПР, ОГЭ, ЕГЭ... Результаты ВПР должны соответствовать с текущими результатами текущей промежуточной аттестации... Учителя [и мы, директора] все это приводим в соответствие [т.е. генерируем такую отметку ВПР, которая соотносилась бы с отметкой за предыдущий учебный период по данному предмету]» (директор СРШ-1).*

Педагогическая депрофессионализация. Данный негативный эффект представляет собой последнее звено в цепочке порождающих друг друга отрицательных последствий от применения менеджеристских инструментов в среднеобразовательной российской школе. Педагогическая депрофессионализация складывается из перегруженности учителя как профессионала непрофильными обязанностями и нагрузкой, зачастую связанной с необходимостью участия в имитационных практиках (исправление результатов ВПР и др.). Подобный негативный эффект довершает сокращение до непозволительно малых пределов времени, компетенций и энергии, необходимых для выполнения основной цели педагога (и школьного управленца) – реализации гуманистической установки. Таким образом, описанное обозначает феномен переформатирования профессии и ролевого функционала учителя (и директора школы) из наставника и посредника при получении знаний, навыков и умений в исполнителя рутинного, вне педагогического контекста, функционала региональных и муниципальных властей. Опять же, указанное по подобному негативному эффекту не означает, что (чрезмерное) расширение рутинного функционала (затмевающее работу в рамках непосредственно образовательного процесса) возможно исключительно при использовании менеджеристской модели управления. Далее, в следующем разделе настоящего исследования, еще будет сказано об этом.

Таким образом, обозначенная комбинация из шести негативных эффектов от применения менеджеристских инструментов позволяет сформировать рамку для понимания причин снижающегося образовательного качества.

***Отмечая контуры возможного будущего:
проектирование (и выбор наиболее предпочтительного из) вариантов
для достижения институционального равновесия***

Теперь при помощи типологических операций П. Лазарсфельда отметим несколько возможных вариаций соотношения менеджеристского и неменеджеристского в институте среднеобразовательной российской школы. Подобный шаг позволит затем, с учетом рассмотренных негативных эффектов, проанализированных материалов интервью и концептуального конструкта в настоящем исследовании, определить наиболее предпочтительную из всех прочих модель по достижению институционального равновесия. Сам (рекомендательный) процесс оценочного отбора и выбора одного-единственного институционального дизайна будет произведен по четырем критериям: потенциальная удовлетворенность родителей, удовлетворенность педагогов и директоров, необходимость дополнительного финансирования со стороны государства, необходимость обновления правовой базы со стороны государства. В связи с тем, что в настоящей статье не были представлены результаты массового опроса в форме анкетирования родительского сообщества, остановимся в данном разделе на оставшихся трех оценочных критериях.

Первая модель. Сохранение наличного баланса между менеджеристскими и неменеджеристскими нормами, инструментами и практиками. Назовем такой сценарий для институциональной «реновации» следующим образом: «Сохранение status quo». Выбор подобного решения подразумевает, что дисфункции в работе института среднеобразовательной российской школы имеют временный характер, связанный с институционализацией («приживлением») внедренного инструментария и адаптацией акторов (учителей, директоров, родителей) к таким нововведениям.

Первая модель, скорее, позитивно пройдет сквозь мерило всех трех критериев. Ведь для государственных властей отсутствие необходимости в изменениях финансирования и правового обеспечения института среднеобразовательной российской школы – скорее плюс, чем минус. Руководители школ и педагоги также будут скорее за недопущение нового каскада реформ, нежели против. Возможно даже преодоление таких негативных эффектов, как парадокс объективного самоизмерения и педагогической депрофессионализации, за счет того, что школьные руководители и педагоги постепенно выработают не имитационные, а полноценные практики по подчинению (части) рутинного функционала гуманистическим установкам (как, видимо, уже произошло с ЕГЭ)¹. Но, во-первых, это потребует от государства приостановки поручения школам дополнительных рутинно-функциональных задач (по типу регистраций на платформе «Сферум» или посредничества в рекрутировании обучающихся в новые общественные объединения). И, во-вторых, подобное принудит учительство и директоров совершить значимую семантическую замену многогранного качества образования на совокупность калькулируемых достижений по различным менеджеристским инструментам (показателям). Учитывая ответы школьных руководи-

---

¹ Несмотря на наличие определенного разброса в среде учительства относительно полезности ЕГЭ (Ларионова, 2023), большинство педагогических работников считают его объективным измерителем уровня приобретенных знаний (ЕГЭ..., 2016). Притом (укажем на это, несмотря на фокусировку в настоящей статье на директорах как институциональном акторе) гораздо более серьезный диапазон противоречивых оценок родительства (Сорокин, 2024) и выпускников (Мальцев, 2023) можно сократить в более позитивную настроенность одним простым вопросом: готовы ли дети (и их родители) сдавать не один экзамен (скомбинированный и для поступления в вуз, и для завершения школьного обучения), а два отдельных?

лей, более отсылающие к такой природе образовательной качественности, которая, скорее, выходит за пределы узких внешних и формальных индикаторных рамок, а также наличие непринятия (и неприятия) некоторых элементов из управленческого инструментария (вроде рейтинга организаций и ВПР), вероятность подобной замены широкой категории на спрессованный набор из измерительных инструментов представляется низкой.

Вторая модель. Радикальное изменение баланса в сторону минимизации менеджеристской стороны и одновременно в пользу максимизации менеджеристского нормативно-практического комплекса в институте среднеобразовательной российской школы. Назовем такой сценарий по институциональной «реновации» следующим образом: «Тотальная менеджеризация». Выбор подобного решения подразумевает, что дисфункции в работе института среднеобразовательной российской школы связаны с не доведенными до конца менеджеристскими реформами, с конфликтом между двумя разнородными нормативно-инструментальными комплексами.

Право на получение среднего общего образования на базе школ в такой модели преобразуется из обязанности для общеобразовательных учреждений (и обязательства государства обеспечить исполнение такой обязанности) в необязательную услугу, которую можно будет по желанию получить коммерческим образом при заключении контрактного соглашения между клиентами (родителями) и продавцами (педагогами и директорами). Касательно критериев оценки полезности или бесполезности подобного модельного решения: скорее, будут получены позитивные результаты по пунктам необходимости дополнительного финансирования и правовых изменений. Ведь для государственных властей выбор такого сценария по институциональной реновации будет означать дальнейшую оптимизацию расходов и сокращение, а не придумывание нового законодательства (т.е. отмену тех правовых норм и решений, которые принуждают школы к обязательному предоставлению среднего общего образования). Удовлетворенность учительства и директоров явно наступит не сразу, а после приспособления к новым, более конкурентным правилам взаимодействий. Притом педагогические работники будут вынуждены научиться новой роли – не только просвещенческой, но и предпринимательской. Достижимость такой адаптации находится в зоне крайней неопределенности. Относительно негативных эффектов следует сказать, что точно смогут быть устранены смещение клиентоцентричности (родители и обучающиеся становятся на формальном уровне прямыми клиентами школ, перед которыми те в рамках института среднеобразовательной российской школы подотчетны) и парадокс объективного самоизмерения (отвязка директоров на уровне среднего общего образования от «пожеланий» муниципальных и региональных управленцев). Но все остальные негативные эффекты, вероятно, сохранятся. Качество образования при таком раскладе, скорее, будет пониматься как удовлетворенность прежде всего родительского сообщества, а менеджеристские инструменты-показатели по типу рейтингов станут некой платформой и вспомогательным средством для формирования собственных предпочтений.

Третья модель. Радикальное изменение баланса в сторону минимизации менеджеристской стороны и одновременно в пользу максимизации неменеджеристского нормативно-практического комплекса в институте среднеобразовательной российской школы. Назовем такой сценарий по институциональной «реновации» следующим образом: «Откат к вебериянской модели управления». Выбор подобного решения подразумевает, что дисфункции в работе института среднеобразовательной российской школы связаны с наличием инородных и вредоносных норм,

практик и инструментов на основе идеологии менеджизма. Соответственно, для преодоления дисфункциональности необходимо изъятие менеджеристского инструментария.

Возврат к условно советской управленческой модели и образовательной политике подразумевает следующее: вместо подушевого вводится сметное финансирование; практики выбора и вариативности обучения (выбора и вариативности прежде всего для родителей и их детей) упраздняются; возвращается «размыкание» выпускных школьных и вступительных вузовских экзаменов; ликвидируются все менеджеристские инструменты, включая ЕГЭ, рейтинги и т.д. При первом взгляде такая модельная вариация видится самой предпочтительной из представленных на данный момент и при учете сказанного ранее относительно причин снижения качества образования. Но подобный вывод формируется при исключении основной проблемы снижения образовательного качества, представленной выше: менеджеристские инструменты порождают увеличение затрат на реализацию рутинного функционала и в связи с этим сокращение возможностей на осуществление гуманистических установок. Подобное утверждение не означает, что исключительно менеджеристские инструменты могут формировать подобную ситуацию. Имеется в виду, что возвращение к условно советской управленческой модели (при которой менеджеристская идеология уступит место так называемой идеологии долга¹) не обязательно приведет к исправлению дисбаланса между рутинно-функциональным и гуманистическим в широко понимаемом образовательном процессе (и как педагогической, и как управленческой деятельности). Более того, те частично неформальные, частично формальные неучебные обязательства, которые сегодня реализует среднеобразовательная российская школа (при функционировании гибридной модели управления с имплементацией менеджеристских норм и практик без упразднения немеджеристских практик и норм), преобразуются в абсолютную формализацию как учебного, так и внеучебного в образовательном процессе. Увеличение контроля государства над школьными организациями при избрании такого сценария институциональной реновации может привести к элиминации педагогической депрофессионализации, парадокса объективного самоизмерения, ресурсорасточительности и рыночной неуниверсальности, но точно не поспособствует исчезновению смещения клиентоцентричности и доктрины роста. Ведь ориентация на государственный заказ будет полностью узаконена, а требования к возрастанию просто видоизменятся (например, на требование «подготовить *n* количество 11-классников к поступлению в медицинский университет» и т.д.). Маловероятно, что школьные руководители (и учителя) согласятся на такое увеличение подотчетности, не считая того, что государство вряд ли будет способно сильно увеличить бюджеты общеобразовательных организаций при сметном финансировании. Образовательное качество (его интерпретация и измерение) будет полностью отдано на откуп бюрократам вместо профессиональной оценки учителей и директоров, с одной стороны, и (или) родитель-

¹ «На вопрос “Кого учить?” предлагаются два варианта ответа: всех, кто обязан учиться в школе; всех, кто имеет право получить школьное образование. В первом случае образование рассматривается как долг, во втором – как право. Долг предполагает ориентацию на интересы государства, право – на интересы обучающихся, а в связи с этим и возможность выбора образовательных учреждений и программ... Различия в ответах на данные вопросы обусловлены различиями в ценностных основаниях образовательных систем. В одном случае образование рассматривается преимущественно как инструментальная ценность, как средство решения проблем, значимых для государства, в другом – как терминальная ценность, как фактор развития потенциала личности, необходимый компонент образа жизни. В одном случае формируется образовательная система, основанная на идеологии долга, в другом – на идеологии права» (Лебедев, 2017, 245–246).

ской удовлетворенности полученными знаниями, навыками и умениями детьми – с другой. Иными словами, определение и фиксирование качества будет полностью выведено за пределы конвенциональных соглашений и удовлетворенностей педагогов, учителей и родителей. Образовательное благо станет удовлетворением государственных управленцев от исполнения того или иного государственного же задания или национальной цели.

Четвертая модель. Последняя модельная вариация для возможного изменения институционального дизайна по управлению среднеобразовательной российской школой (и, возможно, иными институтами общего образования) представляет некоторую компромиссную версию между предыдущими сценариями. Имеется в виду следующее.

Первая модель удовлетворяет трем критериям, но в потенциале устраняет лишь два негативных эффекта (парадокс объективного самоизмерения и педагогической депрофессионализации). Также данная модельная вариация требует маловероятного деяния со стороны директоров и педагогов – отказа от многогранного определения образовательного качества в пользу совокупных достижений по различным количественным показателям. Вторая модель также, скорее, положительно проходит оценивание по всем трем критериям, но гипотетически способна устранить только два негативных эффекта (смещение клиентоцентричности и парадокс объективного самоизмерения). Подобная модельная вариация предполагает затруднительное совмещение директорами и педагогами двух различных социальных ролей: собственно педагогической и иной, предпринимательской. Третья модель слабо удовлетворяет трем критериям оценки (за исключением удовлетворения немногочисленных представителей педагогической и управленческой среды, тяготеющих к реставрации советского педагогического опыта), но, вероятно, устранит четыре негативных эффекта (за исключением доктрины роста и смещения клиентоцентричности). Притом указанная модельная вариация вряд ли соответствует запросу на снижение подотчетности: условно советская управленческая модель приведет именно к возрастанию обязательств, учебных и внеучебных, у педагогических работников и школьных руководителей. Таким образом, есть две модели, относительно удовлетворяющие трем обозначенным критериям, но устраняющие непозволительно малое число из перечня негативных эффектов. И присутствует еще одна модель, не удовлетворяющая положительно как минимум двум оценочным критериям, но элиминирующая целых четыре негативных эффекта.

Выход видится через обращение к разработкам институциональной теории применительно к российским реалиям за авторством А.А. Аузана (Аузан, 2022). Исходя из прикладных исследований ценностей россиян, исследователь концептуально пришел к выводу о существовании двух России, так называемой индивидуалистической России (И-России) и России коллективистской (К-России). Притом А.А. Аузан очерчивает границы двух российских ментальностей (И-Россия как ориентация на конкуренцию, демократию, радикальные инновации, а К-Россия как направленность на общество взаимной поддержки, кооперацию и постепенные социальные модификации) не только между регионами, но и между различными типами поселений в одном региональном ареале. Правда, вполне допустимо предположить наличие таких общностей и в рамках одного населенного пункта и относительно смешанное, равномерное и диффузионное распределение двух ценностных моделей (матриц, ментальностей) по всей территории страны (вследствие внутренних миграционных потоков и не только). И поэтому различные институциональные дизайны, которые отечественный экономист предлагает распределять между разными (более индиви-

дуалистическими или более коллективистскими) административными и географическими территориями, как минимум относительно общего (и среднего общего) образования допустимо имплантировать повсеместно. Иначе говоря, организовать для индивида (и/или сообщества) ситуацию выбора между двумя институциональными опциями: неменеджеристской (коллективистской, более присущей третьей представленной модели) и менеджеристской (индивидуалистической, более присущей второй обозначенной модели).

И если воплощение что первой (оставить все как есть), что второй (все приватизировать / коммерциализировать школы), что третьей (все национализировать / монополизировать государством) модели технически возможно, то в случае рассматриваемой модели при первом приближении инструментальная реализация остается туманной. Развеять туман позволит следующее решение. Если в первой модели (т. е. в актуальном положении дел) право на среднее общее образование растворяется в (конфликтных или направленных на согласие) взаимодействиях (т. е. не всегда реализуется), во второй становится необязательным для исполнения со стороны школ и государства, а в третьей преобразуется во всеобщую обязанность, то четвертая модель предполагает монетизацию общественного блага. Иначе говоря, она предполагает обязательную реализацию права не через предоставление самой услуги государственной или муниципальной организацией, а на основе ваучеризации (т.е. изначального прообраза для концепции подушевого финансирования)¹.

Получая на руки или в рамках специализированного банковского счета² денежные средства, ранее напрямую передаваемые школам на учащегося³, родители смогут выбирать различные способы осуществления среднего общего (опять же, возможно, не только данного образовательного уровня при перенесении подобного опыта и в другие институты общего образования) образования: семейное обучение, онлайн-платформенное образование или традиционный формат. Школы (педагогические коллективы и главы учреждений), в свою очередь, смогут выбирать на основании собеседований, конкурсов портфолио или иным способом – принимать ребенка или нет на обучение, с последующим перечислением денежных средств. Иными словами, образовательное право окажется в равных долях распределенным между об-

¹ «Исходная идея нормативно-подушевого финансирования школы, фактически “образовательного ваучера”, была выдвинута Милтоном Фридманом еще в середине 50-х годов XX века. Сущность замысла состояла во введении в государственную нерыночную систему общего образования некоторого ключевого рыночного инструмента (субститута), позволяющего сочетать преимущества рыночной организации предоставления услуг с государственными гарантиями финансирования школы. В первую очередь имелось в виду создание механизма здоровой конкуренции школ за учеников, рост их нацеленности на индивидуальные потребности и особенности школьников, повышение возможностей выбора в школьной системе, а также рост эффективности бюджетных расходов на школу. При этом предполагалось, что школы получат существенно большую, чем ранее, свободу в расходовании поступающих бюджетных средств, в первую очередь в части оплаты труда наиболее эффективно работающих учителей» (Сартан, 2006).

² Концептуально: между профильной вариацией безусловного базового дохода и материнским капиталом.

³ Например, в Постановлении Правительства Ростовской области «Об утверждении нормативов на реализацию образовательных программ дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего, дополнительного образования в организациях, реализующих образовательные программы, и корректирующих коэффициентов» от 30.12.2021 № 1146 указана сумма на обучение одного ребенка в год по программе среднего общего образования в размере 47 765 рублей (в случае принадлежности общеобразовательной организации к типу «общеобразовательная организация, расположенная на территории городского округа»).

щеобразовательными организациями и родителями обучающихся. Притом участие в таких менеджеристских инструментах, как рейтинг организаций, ВПР, ЕГЭ и т.д., аналогично метаморфозе права на получение среднего общего образования, для школ и обучающихся должно приобрести добровольный характер. Так диагностические и нейтральные измерительные средства станут действительно диагностическими и нейтральными, а перечень негативных эффектов, начиная с доктрины роста и заканчивая педагогической депрофессионализацией, будет сведен практически к нулевому значению. Отдельно стоит обозначить, что максимальная добровольность вместо менеджеристской или неменеджеристской подотчетности (иначе говоря, выше обозначенной идеологии долга) будет способствовать главному – росту воплощенности гуманистических установок в практиках учителей и директоров. Останется и опция выбрать менеджеристские, находящиеся на большем государственном попечении (за счет дополнительных субсидирований за согласие участвовать в ВПР, ЕГЭ, а также федеральном, региональном или муниципальном рейтинговании¹) школы, притом сделать такой выбор смогут не только родители обучающихся, но и сами школьные коллективы, перейдя из одной категории среднеобразовательных организаций в другую.

Таким образом, в ситуации глобальных и внутринациональных бурных перемен, смены общего вектора цивилизационного развития (как страны, так и мира, вновь обращаясь к творчеству А.А. Аузана (Вперед, в Средневековье..., 2024)), соприутствия различных культурных общностей в одном, Российском государстве наиболее предпочтительной моделью реновации в институциональном каркасе представляется вариант под четвертым номером: сосуществование двух версий института среднеобразовательной российской школы, которые будут избираться родителями обучающихся на основе ваучерного финансирования. Подобная модельная вариация позволит сохранить многогранность качества образования, а всеобщая добровольность обеспечит возможность улучшения и повышения образовательной качественности. И постепенно подобная высвобожденная социальная материя позволит сформировать естественным образом новые формы показателей, эталонов качества и инструментария, которые потенциально станут всеобщими.

Заключение

Результаты настоящего исследования допустимо обобщить в три уровня, соответствующих проведенным эмпирическим, аналитическим и концептуальным этапам работы.

Во-первых, при анализе эмпирических данных, полученных путем полуструктурированных глубинных интервью с шестью директорами общеобразовательной школ г. Ростова-на-Дону, было установлено следующее: качество образования воспринимается изучаемым актором достаточно однозначно как сложноизмеримое количественно ориентированными средствами достигнутое состояние умений, знаний и навыков у выпускника; достижение такого качества образования указывается информантами как цель их управленческой деятельности; тем не менее сама эта управленческая деятельность включает в себя собственно достижение

¹ Или за дополнительные льготы, субсидии, неденежные позитивные санкции со стороны властных структур для отдельных обучающихся и образовательных организаций при участии оных в разного рода конкурсах, мероприятиях, движениях, событиях и т.д. В конце концов, патриотическая деятельность, конечно, не должна обесцениваться и сводиться к «ты мне, я тебе», где «ты» есть школа, а «я» – государство. Но стоит учитывать рост символического и репутационного капиталов при подобном участии. Однако обязательна добровольность.

указанного качества образования (гуманистическая установка) и напрямую не связанные с подобным целеполаганием действия подотчетного характера (рутинный функционал); при расшифровке того, что включается в этот рутинный функционал, вполне можно обнаружить существенную долю взаимодействия с менеджеристскими инструментами. Ответы школьных руководителей об отношении к различным элементам из менеджеристского инструментария показали, что наибольшее неприятие вызывают рейтинг организаций и ВПР, смешанные оценки связаны с достижениями по событиям, мероприятиям и конкурсам, а профильные старшие классы оцениваются, скорее, позитивно. Приведенные оценки вполне складываются в центральное предположение исследования: менеджеристские инструменты отрицательно сказываются на качестве образования в среднеобразовательной российской школе.

Во-вторых, при анализе суждений директоров о тех или иных менеджеристских инструментах, обозначении общего тренда с отрицательным влиянием на образовательную качественность был выявлен следующий ряд негативных эффектов: доктрина роста, рыночная неуниверсальность, смещение клиентоцентричности, ресурсорасточительность, парадокс объективного самоизмерения; педагогическая депрофессионализация. Между ними были установлены причинно-следственные связи, а также объяснено возникновение имитационных практик вследствие каждого из негативных эффектов. Вкупе обозначенные факторы создают условия для снижения образовательного качества на уровне среднего общего образования (и не только).

В-третьих, в ходе концептуального рассмотрения каждого негативного эффекта были предложены четыре модели для преодоления дисфункций в работе института среднеобразовательной российской школы: сохранение status quo, тотальная менеджеризация, откат к веберийской модели управления и институциональное сосуществование. Последняя (при прохождении каждой модели через матрицу из четырех оценочных критериев и соотнесении содержательного наполнения гипотетических вариантов реформирования с возможностью устранить как можно большее число негативных эффектов) была выбрана как наиболее предпочтительная для имплементации в среднеобразовательную российскую школу.

Литература

- Асадуллин, Р.М. Диктатура бюрократической идеологии в современной школьной культуре / Р.М. Асадуллин, О.В. Фролов // *Вестник Московского университета*. – Сер. 20. Педагогическое образование. – 2021. – № 1. – С. 3–15. – <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2021-1-3-15>. – EDN IVMMER.
- Аузан, А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А.А. Аузан. – М.: АСТ, 2022. – 160 с.
- Бабич, Н.С. Концепция типологических операций Пауля Лазарфельда: сущность и роль в современной западной социологии / Н.С. Бабич // *Актуальные вопросы современной науки*. – 2012. – № 24. – С. 156–168. – EDN PLILAJ.
- Белановский, С.А. Глубокое интервью и фокус-группы: учебник по качественным методам социологического опроса / С.А. Белановский. – М.: Директ-Медиа, 2022. – 456 с.
- Болотов, В.А. Прошлое, настоящее и возможное будущее российской системы оценки качества образования / В.А. Болотов // *Вопросы образования*. – 2018. – № 3. – С. 287–297. – <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-287-297>. – EDN UZPREF.
- Вахитов, Р.Р. Обмен и раздаток в сфере высшего образования / Р.Р. Вахитов // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2015. – № 6. – С. 9–17. – EDN VUYJP.
- Вольчик, В.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки / В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова // *Terra Economicus*. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 146–162. – <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>. – EDN NCJBLT.

- Воротилов, В. Анализ основных подходов к определению качества образования / В. Воротилов, Г. Шапоренкова // *Высшее образование в России*. – 2006. – № 11. – С. 49–52. – EDN МТСХКН.
- Вперед, в Средневековье. Диалог Александра Аузана и Евгения Водолазкина о цивилизационных переменах // Телеканал КИНОТВ. – 2024. – URL: <https://rutube.ru/video/32148cbc241ae75904761302b891eb6b/>.
- Голованова, Н.Ф. Маркеры неолиберальных тенденций в концепциях модернизации российского образования / Н.Ф. Голованова, И.С. Ломакина // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2024. – № 12. – С. 63–70. – <https://doi.org/10.24158/spp.2024.12.8>. – EDN MWAUDR.
- Гребнев, Л.С. Нынешний раунд Болонского процесса: Россия и не только... (по работам В.И. Байденко и Н.А. Селезневой) / Л.С. Гребнев // *Высшее образование в России*. – 2018. – Т. 27, № 1. – С. 5–18. – EDN УМВЕРН.
- Дятлов, А.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджистских инструментов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 70–91. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. – EDN RGIKSM.
- ЕГЭ: объективность и эффективность. Большинство учителей и преподавателей считают, что результаты ЕГЭ соответствуют реальным знаниям учеников // ВЦИОМ. – 19.01.2016. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-obektivnost-i-effektivnost>.
- Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации / В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, И.Э. Надуткина, Ж.А. Шаповал // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 50–69. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.4>. – EDN УНИВГQ.
- Казанцев, О.А. Картографирование менеджизма и менеджизация школы: от описания метода к пониманию предмета / О.А. Казанцев // *Гуманитарий Юга России*. – 2023а. – Т. 12, № 4. – С. 215–230. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.4.15>. – EDN UMU00U.
- Казанцев, О.А. Концептуализации реформации: методология менеджизма versus «головокружение от критики» / О.А. Казанцев // *Caucasian Science Bridge*. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 134–142. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>. – EDN ZSZEUW.
- Казанцев, О.А. «Менеджизация» общего образования: к постановке проблемы / О.А. Казанцев // *Caucasian Science Bridge*. – 2023б. – Т. 6, № 1. – С. 96–103. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>. – EDN RUILOI.
- Капелюшников, Р.И. Упала ли экономическая отдача от образования? / Р.И. Капелюшников // *Экономика образования*. – 2013. – № 1. – С. 44–50. – EDN QBEGAR.
- Ковалев, В.В. Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Вестник университета*. – 2023. – № 7. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. – EDN XGDYIY.
- Ковалев, В.В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджистского управления / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Наука. Культура. Общество*. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 37–51. – <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. – EDN TDOEUA.
- Корытцев, М.А. Эволюция теоретической концепции квазирынков в контексте реформирования общественного сектора национальной экономики / М.А. Корытцев // *Terra Economicus*. – 2009. – Т. 7, № 1–2. – С. 9–13. – EDN PKYQXQ.
- Костенко, И.П. «Реформы» образования в России: цели, результаты, уроки / И.П. Костенко // *Народное образование*. – 2019. – № 1. – С. 53–68. – EDN RCUGOS.
- Круглова, М.С. Теория институционального дизайна: от поиска идеальных институтов к работам Блумингтонской школы / М.С. Круглова // *Terra Economicus*. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 17–28. – <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-17-28>. – EDN YRPNWP.
- Курбатова, М.В. Управление по результатам в российском образовании: проблемы нормативного регулирования / М.В. Курбатова // *ЭКО*. – 2023. – № 3. – С. 8–26. – <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-3-8-26>. – EDN DDSOFF.
- Ларионова, А. 11 дней до ЕГЭ: учителя – о плюсах, минусах и проблемах экзамена / А. Ларионова // МЕЛ. – 2023. – Режим доступа: <https://mel.fm/ucheba/yege/4357816-11-dney-do-yege-chto-uchitel-yagovoyat-ob-ekzamine>.
- Лебедев, О.Е. Конец системы обязательного образования? / О.Е. Лебедев // *Вопросы образования*. – 2017. – № 1. – С. 230–260. – <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-230-259>. – EDN YHZCVP.
- Мальцев, А.В. Отношение выпускников школ к Единому государственному экзамену (ЕГЭ) / А.В. Мальцев, А.Н. Данилов, Д.В. Шкурин // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2023. – № 1. – С. 22–28. – <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.82.1.002>. – EDN VUMJBJQ.

- Морозов, Г.Б. Выпускной школьный экзамен: возвращение к традиционным формам приема. Элементы ЕГЭ как дополнение / Г.Б. Морозов, Ю.Д. Фархутдинова // *Педагогическое образование в России*. – 2015. – № 12. – С. 132–138. – EDN VEDWYF.
- Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 188 с.
- Осипов, А.М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюрократий / А.М. Осипов // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 15–33. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.2>. – EDN UOVTMS.
- Осипов, А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования / А.М. Осипов // *Высшее образование в России*. – 2019. – Т. 28, № 5. – С. 63–72. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72>. – EDN ZIQIYP.
- Пакина, Т.А. Компетентностный подход в формировании функциональной грамотности / Т.А. Пакина // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2023. – № 80–2. – С. 258–260. – EDN OEDYMX.
- Попов, Д.С. Цифровизация российской средней школы: отдача и факторы риска / Д.С. Попов, А.В. Стрельникова, Е.А. Григорьева // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2022. – Т. 31, № 2. – С. 26–50. – <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-26-50>. – EDN IESICK.
- Рогозин, Д.М. Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования / Д.М. Рогозин, О.Б. Солодовникова, А.А. Ипатова // *Вопросы образования*. – 2022. – № 1. – С. 271–300. – <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300>. – EDN KLQTLU.
- Рогозин, Д.М. Удовлетворенность трудом преподавателей организаций высшего образования: от ретроспективного анализа / Д.М. Рогозин, О.Б. Солодовникова // *Социологический журнал*. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 98–123. – <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.5>. – EDN MBBZVC.
- Родионова, М.М. Травма академии: в попытках идиорритмической контекстуализации / М.М. Родионова // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 10–28. – <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.1>. – EDN OIDDVT.
- Рождественская, Е.А. Единство многообразного лучше единства тотального / Е.А. Рождественская // *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. – 2020. – № 6. – С. 42–60. – EDN BIYWRE.
- Сапунов, М.Б. Культура критического дискурса о высшем образовании и науке (по страницам журнала) / М.Б. Сапунов, Х.Г. Тхагапсоев // *Высшее образование в России*. – 2018. – Т. 27, № 7. – С. 20–27. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-20-27>. – EDN XUAQNV.
- Сартан, Я. Катализатор или бесполезный механизм? О проблемах, выявленных при введении нормативно-подушевого финансирования школ / Я. Сартан // *Управление школой*. – 2006. – № 5. – URL: <https://upr.1sept.ru/article.php?ID=200600501>.
- Сенина, Н.А. Социальные предикторы формирования различий в дискурсе о качестве школьного образования / Н.А. Сенина, Т.А. Мерцалова, С.И. Заир-Бек // *Вопросы образования*. – 2024. – № 2. – С. 323–349. – <https://doi.org/10.17323/vo-2024-16969>. – EDN DDUQIJ.
- Сорокин, Д. Около 63% опрошенных россиян считают, что ЕГЭ следует отменить / Д. Сорокин // ТАСС. – 10.03.2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20193987>.
- Стародубцев, А. История одной реформы: ЕГЭ как пример институционального переноса / А. Стародубцев. – СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 28 с.
- Стратегии протеста в условиях развивающегося академического капитализма / А.Э. Гегер, С.В. Ляшко, А.В. Ключев, Г.И. Саганенко // *Высшее образование в России*. – 2022. – Т. 31, № 8–9. – С. 27–40. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-27-40>. – EDN PFSDOW.
- Цикулина, С. Образование в 2024 году ждут неоднозначные реформы / С. Цикулина // *Октагон. Медиа*. – 26.12.2023. – URL: https://octagon.media/istorii/obrazovanie_v_2024_godu_zhdut_neodnoznachnye_reformy.html.
- Шагиева, Р.В. Болонский процесс: дорога туда и обратно / Р.В. Шагиева, С.В. Черкасова // *Образование и право*. – 2023. – № 8. – С. 16–21. – <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-8-16-21>. – EDN DWIGSD.
- Юревич, М.А. Альтернативные концепции экономического роста / М.А. Юревич // *Journal of Economic Regulation*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 18–28. – <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.3.018-028>. – EDN UXAZTU.
- Piattoeva, N. Numbers and their contexts: how quantified actors narrate numbers and decontextualization / N. Piattoeva // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. – 2021. – Vol. 33, № 3. – P. 511–533.

References

Asadullin R.M., Frolov O.V. Dictatorship of bureaucratic ideology in modern school culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye = Lomonosov Pedagogical Education Journal. Series 20: Pedagogical education*. 2021;1:3–15. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2021-1-3-15>. (In Russ.)

- Auzan A.A. Cultural codes of economics: How values influence competition, democracy, and the well-being of the people. Moscow: AST; 2022. 160 p. (In Russ.)
- Babich N.S. The concept of typological operations by Paul Lazarsfeld: essence and role in modern Western sociology. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki = Current issues of modern science*. 2012;24:156–168. (In Russ.)
- Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Nadutkina I.E., Shapoval Zh.A. Research or investigation: prospects of sociology of higher education in the context of bureaucratization and commercialization. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(2):50–69. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.4>. (In Russ.)
- Belanovsky S.A. Deep interview and focus groups: a textbook on qualitative methods of sociological survey. Moscow: Direkt-Media; 2022. 456 p. (In Russ.)
- Bolotov V.A. The past, present, and possible future of the Russian system for assessing the quality of education. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2018;3:287–297. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-287-297>. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. The effectiveness of higher education management in Russia in the practices of applying managerial tools. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(2):70–91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. (In Russ.)
- Forward to the Middle Ages. Dialogue between Alexander Auzan and Evgeny Vodolazkin on civilizational changes. *TV channel KINOTV*. 2024. Available at: <https://rutube.ru/video/32148cbc241ae75904761302b891eb6b/>. (In Russ.)
- Geger A.E., Lyashko S.V., Klyuev A.V., Saganenko G.I. Protest strategies in the context of developing academic capitalism. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022;31(8–9):27–40. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-27-40>. (In Russ.)
- Golovanova N.F., Lomakina I.S. Markers of neoliberal trends in the concepts of modernization of Russian education. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2024;12:63–70. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.12.8>. (In Russ.)
- Grebnev L.S. The current round of the Bologna process: Russia and beyond... (based on the works of V.I. Baidenko and N.A. Selezneva). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2018;27(1):5–18. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. Has the economic return from education decreased? *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*. 2013;1:44–50. (In Russ.)
- Kazantsev O.A. “Managerization” of general education: towards formulation of the problem. *Caucasian Science Bridge*. 2023;6(1):96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>. (In Russ.)
- Kazantsev O.A. Conceptualizations of reformation: managerialism methodology versus “dizziness from criticism”. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2024;7(1):134–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>. (In Russ.)
- Kazantsev O.A. Mapping managerialism and the managerialization of schools: from method description to understanding the subject. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023;12(4):215–230. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.4.15>. (In Russ.)
- Korytsev M.A. The evolution of the theoretical concept of quasi-markets in the context of public sector reform in the national economy. *Terra Economicus*. 2009;7(1–2):9–13. EDN PKYQX. (In Russ.)
- Kostenko I.P. “Reforms” of education in Russia: goals, results, lessons learned. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2019;1:53–68. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik Universiteta = University bulletin*. 2023;7:24–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The subjectivity of the academic community in the context of managerial governance. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2024;30(2):37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. (In Russ.)
- Kruglova M.S. The theory of institutional design: from searching for ideal institutions to the works of the Bloomington school. *Terra Economicus*. 2018;16(4):17–28. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-17-28>. (In Russ.)
- Kurbatova M.V. Results management in Russian education: problems of regulatory regulation. *EKO = ECO*. 2023;3:8–26. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-3-8-26>. (In Russ.)
- Larionova A. 11 days before the Unified State Exam: teachers – about the pros, cons and problems of the exam. *MEL*. 2023. Available at: <https://mel.fm/ucheba/yege/4357816-11-dney-do-yege-chto-uchitelya-govoryat-ob-ekzamene> (In Russ.)

- Lebedev O.E. The end of the compulsory education system? *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2017;1:230–260. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-230-259>. (In Russ.)
- Maltsev A.V., Danilov A.N., Shkurin D.V. Attitude of school graduates towards the Unified State Exam (USE). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023;1:22–28. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.82.1.002>. (In Russ.)
- Morozov G.B., The final school exam: a return to traditional forms of admission. Elements of the Unified State Exam as a supplement. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2015;12:132–138. (In Russ.)
- North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Nachala; 1997. 188 p. (In Russ.)
- Osipov A.M. Market mechanisms – the social dead end of Russian education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2019;28(5):63–72. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72>. (In Russ.)
- Osipov A.M. Priorities of studying education in the light of the problem of bureaucratic pathology. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(2):15–33. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.2>. (In Russ.)
- Pakina T.A. Competence approach in the formation of functional literacy. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2023; 80(2): 258–260. (In Russ.)
- Piattoeva N. Numbers and their contexts: how quantified actors narrate numbers and decontextualization. *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2021;33(3):511–533.
- Popov D.S., Strelnikova A.V., Grigorieva E.A. Digitalization of Russian secondary schools: impact and risk factors. *Mir Rossii: sotsiologiya i etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2022;31(2):26–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-26-50>. (In Russ.)
- Rodionova, M.M. The trauma of the Academy: in attempts at idiorhythmic contextualization. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*. 2022;14(4):10–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.1>. (In Russ.)
- Rogozin D.M., Solodovnikova O.B. Satisfaction with the work of teachers of higher education organizations: from a retrospective analysis. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2024;30(3):98–123. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.5>. (In Russ.)
- Rogozin D.M., Solodovnikova O.B., Ipatova A.A. How university teachers perceive the digital transformation of higher education. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2022;1:271–300. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300>. (In Russ.)
- Rozhdestvenskaya E.A. The unity of the diverse is better than the unity of the total. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 7. Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*. 2020; 6: 42–60. (In Russ.)
- Sapunov M.B., Tkhaqapsoev H.G. Culture of critical discourse on higher education and science (according to the pages of the journal). *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2018; 27(7): 20–27. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-20-27>. (In Russ.)
- Sartan Ya. Catalyst or useless mechanism? On the problems identified during the introduction of normative-per capita financing of schools. *Upravlenie shkoly = School Management*. 2006; 5. Available at: <https://upr.1sept.ru/article.php?ID=200600501>. (In Russ.)
- Senina N.A., Mertsalova T.A., Zair-Bek S.I. Social predictors of the formation of differences in the discourse on the quality of school education. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2024; 2: 323–349. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-16969>. (In Russ.)
- Shagieva R.V., Cherkasova S.V. The Bologna process: a road there and back. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2023; 8: 16–21. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-8-16-21>. (In Russ.)
- Sorokin D. About 63% of Russians surveyed believe that the Unified State Exam should be abolished. *TASS*. 10.03.2024. Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/20193987> (In Russ.)
- Starodubtsev A. The history of one reform: the Unified State Exam as an example of institutional transfer. St. Petersburg: European University at St. Petersburg; 2011. 28 p. (In Russ.)
- Tsikulina S. Education in 2024 is expected to undergo ambiguous reforms. *OktagonMedia*. 26.12.2023. Available at: <https://octagon.media/istorii/obrazovaniyv2024goduzhdutneodnoznachnyereformy.html>. (In Russ.)
- USE: objectivity and effectiveness. Most teachers and teachers believe that the results of the Unified State Exam correspond to the real knowledge of the students *WCIOM*. 19.01.2016. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-obektivnost-i-effektivnost> (In Russ.)
- Vakhitov R.R. Exchange and distribution in higher education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*. 2015;6:9–17. (In Russ.)

Volchik V.V., Maslyukova E.V. Reforms, implicit knowledge, and institutional traps in education and science. *Terra Economicus*. 2019;17(2):146–162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>. (In Russ.)

Vorotilov B., Shaporenkova G. Analysis of the main approaches to defining the quality of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2006;11:49–52. (In Russ.)

Yurevich M.A. Alternative concepts of economic growth. *Journal of Economic Regulation = Journal of Economic Regulation*. 2022;13(3):18–28. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.3.018-028>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 22.03.2025

Дата окончания рецензирования: 25.04.2025

Дата принятия к публикации: 28.04.2025

Информация об авторе

Казанцев Осип Андреевич – аспирант, ассистент Института социологии и регионоведения, преподаватель Лицея Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: okazancev@sfedu.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kazantsev Osip Andreyevich – Postgraduate Student, Assistant at the Institute of Sociology and Regional Studies, teacher at the Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: okazancev@sfedu.ru.

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.8>

EDN QNBYBK

**Террористические акты 23 июня 2024 г. в городах Махачкала и Дербент:
причины, социальные смыслы в свете решения проблем
профилактики экстремизма и терроризма в Республике Дагестан
(анализ результатов опроса общественного мнения и экспертных оценок)**

Заид М. Абдулагатов¹

¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Махачкала, Россия
e-mail: zaid48@mail.ru

Эльвира М. Загирова²

²Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Махачкала, Россия
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Мадина М. Шахбанова³

³Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Махачкала, Россия
e-mail: madina2405@mail.ru

Рашид О. Рамазанов⁴

⁴Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Махачкала, Россия
e-mail: ramrashid5@gmail.com

Аннотация

Введение. Религиозное возрождение, в данном контексте исламское, сопровождалось распространением в российском обществе идеологии религиозного экстремизма и террористическими актами. На появление этих деструктивных явлений в общественной жизни повлияли внутренние и внешние факторы. Статья посвящена анализу отношения дагестанского населения к террористическому акту, совершенному на территории Дагестана 23 июня 2024 г.

Методы. Авторским коллективом проведено два опроса – массовый и экспертный – с целью выявления отношения дагестанского населения к теракту 23 июня 2024 г. Массовый опрос методом случайного отбора проведен в гг. Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизляр, Хасавюрт, Ботлихском, Гергебильском, Гумибском, Дахадаевском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкенском, Кизилюртовском, Кизлярском, Каякентском районах ($N = 637$). Экспертный опроса проведен в Махачкале среди научного сообщества (ученые, преподаватели вузов, сотрудники ряда республиканских министерств, $N = 146$).

Результаты и их обсуждение. Эмпирический материал констатирует превалирование в массовом сознании опрошенного дагестанского населения негативного отношения к убийству представителей правоохранительной структуры и православного священника, сожжению культовых зданий последователей православия и иудаизма. Респонденты отрицают религиозную основу террористического акта и придерживаются точки зрения о внешнем влиянии на его совершение. Более того, цель терактов опрошенное дагестанское население усматривает в стремлении коллективного западного общества дестабилизировать ситуацию в России, хотя имеет место и желание группы дагестанских мусульман «утвердить в республике ценности “ваххабитского” ислама». Респонденты непоследовательны в определении причин террористического акта 23 июня 2024 г. С их точки зрения, с одной стороны, предотвратить теракты подобного рода можно при усилении контроля над деятельностью всех религиозных организаций, в особенности «ваххабитских», в Республике Дагестан; с другой – причины совершившихся терактов респонденты в основном усматривают в явлениях, спровоцированных извне и не имеющих религиозного характера. Как эксперты, так и массовое сознание одновременно предла-

гают в целях профилактики подобных явлений усилить контроль за религиозными организациями. Эта установка может быть принята как признание религиозных причин периодически повторяющихся проявлений экстремизма и терроризма на территории Республики Дагестан.

Ключевые слова: дагестанское население; религиозная интолерантность; исламское возрождение; религиозный экстремизм; религиозные процессы; террористические акты.

Для цитирования: Абдулагатов З.М., Загирова Э.М., Шахбанова М.М., Рамазанов Р.О. (2025). Террористические акты 23 июня 2024 г. в городах Махачкала и Дербент: причины, социальные смыслы в свете решения проблем профилактики экстремизма и терроризма в Республике Дагестан (анализ результатов опроса общественного мнения и экспертных оценок). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 108–124. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.8>.

**The terrorist attacks of June 23, 2024 in Makhachkala and Derbent:
causes, social meanings in the light of solving the problems
of preventing extremism and terrorism in the Republic of Dagestan
(analysis of the results of a public opinion poll and expert assessments)**

Zaid M. Abdulagatov¹

¹Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
e-mail: zaid48@mail.ru

Madina M. Shakhbanova²

²Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
e-mail: madina2405@mail.ru

Elvira M. Zagirova³

³Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Rashid O. Ramazanov⁴

⁴Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
e-mail: rashram@yandex.ru

Abstract

Introduction. The religious revival, in this context the Islamic one, was accompanied by the spread of the ideology of religious extremism and terrorist acts in Russian society. The emergence of these destructive phenomena in public life was influenced by internal and external factors. The article is devoted to the analysis of the attitude of the Dagestani population to the terrorist act committed on the territory of Dagestan on June 23, 2024.

Methods. The authors conducted two surveys – mass survey and expert survey to identify the attitude of the Dagestani population to the terrorist attack of June 23, 2024. A mass survey using random selection was conducted in the cities of Makhachkala, Derbent, Kaspiysk, Kizlyar, Khasavyurt, Botlikhsky, Gergebilsky, Gunibsky, Dakhadaevsky, Kazbekovsky, Kaitagsky, Karabudakhkensky, Kizilyurtovsky, Kizlyarsky, Kayakentsky districts ($N = 637$). An expert survey was conducted in the city of Makhachkala, among the scientific community (scientists, university professors, employees of a number of republican ministries, $N = 146$).

Results and its discussion. Empirical material states the prevalence in the mass consciousness of the Dagestani population of a negative attitude towards the murder of law enforcement officials and an Orthodox priest, the burning of religious buildings of followers of Orthodoxy and Judaism. The respondents deny the religious basis of the terrorist act and adhere to the point of view of external influence on its commission. Moreover, the Dagestani population surveyed sees the purpose of the terrorist attacks as the desire of the collective Western society to destabilize the situation in Russia, although there is also a desire by a group of Dagestani Muslims to “establish the values of “Wahhabi” Islam” in the republic. Respondents are not consistent in determining the causes of the terrorist attack on June 23, 2024. From their point of view, on the one hand, terrorist attacks of this kind can be prevented by strengthening control over the activities of all religious organizations, especially “Wahhabi” ones in the Republic of Dagestan; on the other, respondents mostly see the causes of terrorist attacks as externally provoked and non-religious phenomena. Both experts

and the mass consciousness at the same time propose to strengthen control over religious organizations in order to prevent such phenomena. This attitude can be accepted as recognition of the religious reasons for the recurring manifestations of extremism and terrorism in the Republic of Dagestan.

Keywords: Dagestani population; religious intolerance; Islamic revival; religious extremism; religious processes; terrorist acts.

For citation: Abdulagatov Z.M., Zagirova E.M., Shakhbanova M.M., Ramazanov R.O. (2025). The terrorist attacks of June 23, 2024 in Makhachkala and Derbent: causes, social meanings in the light of solving the problems of preventing extremism and terrorism in the Republic of Dagestan (analysis of the results of a public opinion poll and expert assessments). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 108–124. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.8>.

Введение

28 октября 2023 г. Республика Дагестан столкнулся с невиданным ранее проявлением акта межрелигиозной интолерантности, хотя в истории Дагестана исторически никогда не имело места проявление ни межнациональной, ни межрелигиозной нетерпимости: «многовековая полиэтноконфессиональная среда выработала уникальный опыт взаимодействия между народами и религиями, помогла избежать войн на конфессиональной основе. Так, “кайтагский правитель Адур-Нарсе в пятницу молился с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям – с христианами” (Ибн-Русте, сер. IX в.), сохраняя между ними толерантные отношения» (Магомедов, 2023, 11).

Массовый отъезд русского населения из республики в 90-х гг. прошлого столетия встревожил дагестанское общество, и власть осуществила политику, направленную на создание комфортных условий для представителей русского населения: так, в администрации Махачкалы был создан комитет, куда могли обращаться русские при ущемлении своих прав. Благодаря ответственному подходу в сложные постперестроечные годы удалось не допустить обострения в межрелигиозной и межэтнической сферах (Ильяшенко, 2003; Матинов, 2001). Однако 23 июня 2024 г. в республике произошел чудовищный теракт, в результате которого погибли 17 полицейских, был убит священник православной церкви в Дагестане, а также охранник православной церкви в Махачкале. Почему произошли эти события? Вопрос и по сей день остается открытым. Большая часть экспертов склоняется к позиции, что данный теракт был совершен под воздействием внешних сил. Разумеется, в полной мере исключить такую версию не представляется возможным, но, по нашему мнению, отсутствие эффективной работы именно внутри самой республики привело к таким жертвам. Можно даже сказать, что невосприятие серьезности самой угрозы захвата аэропорта в последующем вылилось в более чудовищный теракт с человеческими жертвами.

Методы исследования

Коллектив Отдела социологии ДФИЦ РАН провел два опроса – массовый и экспертный – с целью выявления отношения дагестанского населения к теракту 23 июня 2024 г. Массовый опрос методом случайного отбора проведен в гг. Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизляр, Хасавюрт, Ботлихском, Гергебильском, Гунибском, Дахадаевском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкенском, Кизилюртовском, Кизлярском, Каякентском районах ($N = 637$). Распределение респондентов по социально-демографическим признакам следующее. Пол: мужской – 25,4%, женский – 74,6%. Возраст: до 35 лет – 29,1%; от 35 лет до пенсионного возраста – 40,5%; пенсионер по возрасту – 30,4%. Отношение к религии: верующий – 90,4%; неверующий – 4,7%; затруднились ответить – 5,2%. Образование: среднее – 9,9%; среднее специальное – 14,2%; высшее – 75,9%. Место проживания: город – 63,4%; село – 36,6%.

Экспертный опрос проведен в Махачкале среди научного сообщества (ученые, преподаватели вузов, сотрудники ряда республиканских министерств, $N = 146$). Пол: мужской – 33,3%; женский – 66,7%. Возраст: до 35 лет – 12,4%; от 35 лет до пенсионного возраста – 51,7%; пенсионер по возрасту – 35,9%. Отношение к религии: верующий – 85,6%; неверующий – 8,2%, затруднились ответить – 6,2%.

Результаты исследования

Совершенный террористический акт консолидировал дагестанское общество, несмотря на существующие сложные и противоречивые процессы внутри республики. Заново на различных уровнях власти и в среде общественности прозвучали слова о необходимости усиления работы правоохранительных органов, профилактической работы, способной предотвратить такого характера преступные деяния. В рамках проведенного исследования была поставлена цель выявить отношение дагестанского населения к убийству сотрудников правоохранительных органов, самому террористическому акту, сопоставить экспертное мнение и существующие в массовом сознании дагестанцев установки. Разумеется, одной из задач было установление отношения местного населения к теракту (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Каково ваше отношение к событиям 23 июня 2024 г. в городах Махачкала и Дербент?» (%)**

Вариант ответа	Массовый опрос	Эксперты
Отрицательное, это акт терроризма	95,0	95,9
Положительное, это акт справедливости	0,6	0,7
Затрудняюсь ответить	3,3	-
Другой ответ	0,8	3,4

Чудовищный по своему характеру террористический акт отрицательно сказался на эмоциональном и социальном самочувствии дагестанского населения. Данные эмпирического исследования констатируют однозначно негативную оценку данного действия 95,0% участников массового опроса и 95,9% экспертного сообщества. При этом 3,3% затруднились выразить свою позицию и 0,6% охарактеризовали теракт положительно – как «акт справедливости». Среди мужчин-экспертов 2,0% оценили теракты положительно, «как акты справедливости», и 8,2% экспертов затруднились с ответом. В сумме (10,2%) это демонстрация высокого уровня экстремальности сознания среди мужчин, представляющих в данном исследовании научную интеллигенцию. Соответствующий показатель у женщин равен нулю. Общий показатель отрицательного отношения к терактам у мужчин оказался почти на 10,0% ниже, чем у женщин – 89,8% и 99,0% соответственно. В совокупности приведенных двух показателей, в которых нет негативного отношения к совершенным терактам («положительное, это акты справедливости» и «затрудняюсь ответить»), среди возрастных групп лидирует молодежь (до 35 лет), из их числа 11,1% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос, т.е. не считают возможным иметь отрицательное мнение о теракте. В перспективе данные ответы могут означать возможность усиления экстремальности сознания у научной интеллигенции.

Террористический акт актуализировал вопрос его природы и заказчиков: исполнители не скрывали свои лица, цинично стреляли в спину и убивали как сотрудников правоохранительных органов, так и гражданских лиц. Дагестану, где истори-

чески сложилась культура межнациональной толерантности и веротерпимости (более того, это вызывало гордость), сложно было принять убийство православного священника, сожжение церкви и синагоги в Дербенте, а также синагоги в Махачкале. В первые же часы прозвучали обвинения в адрес западных и украинских спецслужб, которые хотят дестабилизировать ситуацию в Дагестане. Несомненно, объективно в силу своей многонациональности и поликонфессиональности, а также наличия целого комплекса нерешенных социально-экономических, политических, земельных и иных вопросов Дагестан является слабым звеном, где без особых усилий можно разыграть как национальную, так и религиозную карту. Какова в реальности картина, смогут ли внешние силы дестабилизировать Дагестан – один из важнейших вопросов в данном исследовании (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, эти события произошли под влиянием?...» (%)

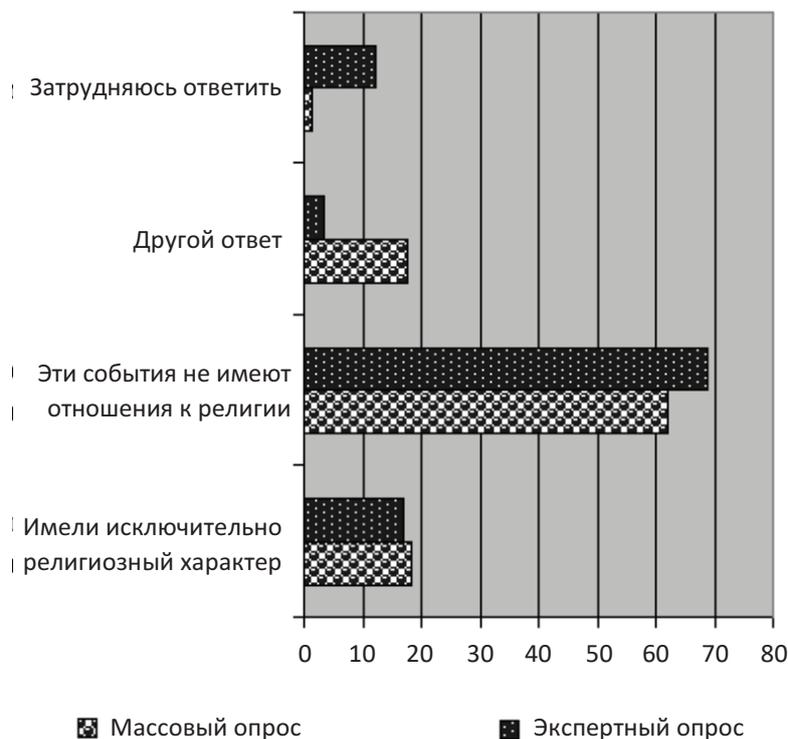
Эмпирический материал констатирует превалирование суждения о влиянии внешних сил в организации террористического акта 23 июня 2024 г. в позициях участников массового опроса (45,5%), доля экспертов больше и составляет 48,3%. Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что указавших на внешние силы больше среди мужчин (55,9%), в интервале от 35 лет до пенсионного возраста (52,8%), в подгруппе имеющих высшее образование (50,3%) и горожан (48,0%). В подмассиве экспертного сообщества наблюдается увеличение процентного параметра с повышением возраста: с 27,8% в разрезе 34 лет включительно до 51,9% среди пенсионеров, а также в подгруппе затруднившихся ответить на вопрос о вере (55,6%). Позиция «теракт произошел под влиянием внутренних факторов дагестанского общества» ближе 23,1% респондентов массового опроса и 29,3% экспертов. Анализ по социально-демографическому срезу массового опроса показывает, что указывающих на внутренние проблемы Дагестана как причину теракта больше в подмассиве пенсионеров (30,9%) и самоидентифицирующихся как неверующие (67,9%), среди экспертного сообщества выделяются респонденты в интервале до 35 лет и мужчины (одна треть); вместе с тем 28,9% респондентов массового опроса и 23,1% экспертов затруднились выразить свою позицию. О чем свидетельствует полученный материал? На фоне проведения специальной военной операции вполне обоснованным является обвинение западных спецслужб в разжигании межрелигиозной розни, но у мест-

ного населения были вопросы к Антитеррористическому комитету, ФСБ, МВД: «Как получилось, что несколько террористов смогли парализовать жизнь в крупнейших городах Дагестана?», «Откуда оружие, причем иностранного происхождения, в руках террористов?», «Если в своем родном селе террористы строили мечеть (с. Сергокала, Сергокалинский район), а главой административного района является их отец (Магомед Омаров), – почему не было никакой реакции со стороны республиканской власти?». И это далеко не полный перечень претензий местного населения, а также тех, кто потерял своих родственников. После совершения террористического акта были арестованы родители одного из террористов (Магомед и Айшат Омаровы), в настоящее время продолжается следствие, которому предстоит ответить на ряд вопросов.

Резюмируя, можно отметить, что вопрос о внешних и внутренних факторах в определении причин террористических актов уже многие годы разделяет дагестанское общество: государство и религиозные структуры склонны считать внешнее влияние главным в провоцировании негативных явлений в республике, мнения экспертов в ответе на этот вопрос разделились. По мнению авторов статьи, вес внутренних факторов не менее значим в ухудшении ситуации в Дагестане: происходящие в обществе процессы свидетельствуют о том, что внутренние факторы в равной степени несут угрозу стабильности республики, впрочем, как и целостности и национальной безопасности Российского государства. На данное обстоятельство указывал С. Шойгу, выступая на Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов» (21.08.2021): «Внутренняя угроза имеет основную опасность для любой страны. Это связано с тем, что постепенно разлагается общество внутри страны» (Шойгу встретился с участниками..., 2021). Кроме того, тревогу вызывают данные ФАДН: «В 2022 году цифры были просто ужасающие – 43,5% не хотели жить по законам РФ, а хотели жить по законам шариата. В прошлом году (2023 г. – *Авт.*) эти цифры снизились до 35%, но в абсолютных цифрах это миллионы людей, которые не хотят соблюдать законодательство нашей страны» (ФАДН..., 2024).

Российская Федерация в своей новейшей истории многократно сталкивалась с террористическими актами на своей территории: можно вспомнить захват больницы в Буденновске (1995 г.), серию взрывов жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске (сентябрь 1999 г.), взрывы в московском метро и подземном переходе (1996, 2000, 2004, 2010 гг.), захват театра на Дубровке (2002 г.) и школы в Беслане (2004 г.), взрывы поезда «Невский экспресс» (2007, 2009 гг.), теракты в Домодедово (2011 г.), Волгограде (2013 г.), Санкт-Петербургском метро (2017 г.), Керчи (2018 г.), «Крокус-Сити» (2024 г.). Выделяется авиакатастрофа над Синайским полуостровом, когда в 2015 г. был взорван российский лайнер. Каждое из этих преступных деяний было совершено под исламскими лозунгами, россиянами, примкнувшими к международным террористам и террористическим организациям, в частности к ИГИЛ (террористическая организация, запрещена на территории РФ). Мусульманское духовенство и главы мусульманских регионов России пытались дистанцироваться от терроризма и категорически выступают против тех, кто отождествлял терроризм и исламское вероучение (Взгляд ислама на терроризм..., 2009; Гайибназаров, 2020; Исламоведение, 2006).

При оценке совершенного 23 июня 2024 г. террористического акта общество разделилось на две части: одни усматривали его связь с ваххабитским подпольем, другие категорично отрицали какую-либо связь с религиозной идеологией, в данном контексте с исламским учением. Поэтому вполне естественным является желание исследователей установить восприятие данного теракта массовым сознанием дагестанцев и экспертным сообществом (рис. 2).

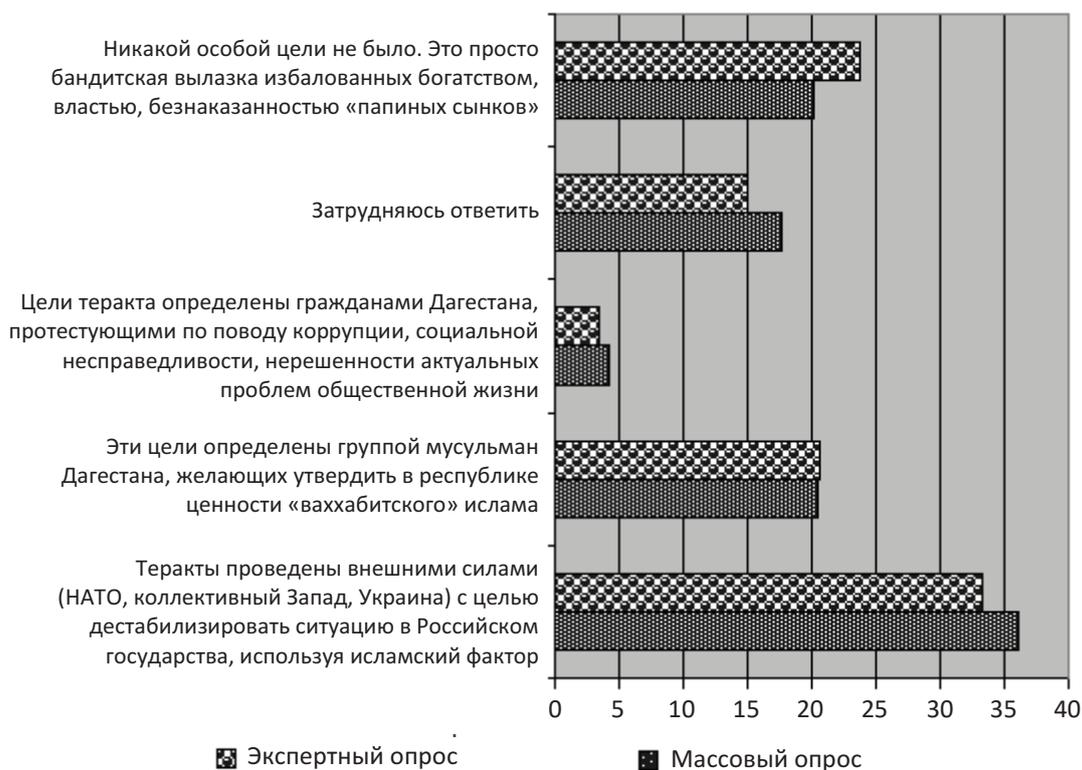
Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «В Дагестане озвучены разные точки зрения в оценках характера терактов в Махачкале и Дербенте. Как вы считаете, эти события?..» (%)

Каков характер данного теракта – вопрос важный в рамках изучения отношения дагестанского населения к нему. Результаты показывают доминирование в общественном сознании участников массового опроса (62,0%) и экспертов (68,7%) позиции «Эти события не имеют отношения к религии». Аналитика по социально-демографическим параметрам констатирует, что придерживающихся данного суждения больше среди мужчин в массовом опросе (66,5%) и женщин-экспертов (69,4%). С возрастом в массовом и экспертном опросах прослеживается уменьшение процентного параметра разделяющих точку зрения об отсутствии связи между терактом и вероисповеданием (с исламом): массовый опрос – 65,6% респондентов в возрасте до 35 лет и 53,9% в подгруппе пенсионеров; эксперты – 77,8% респондентов в возрасте до 35 лет и 69,2% в подмассиве пенсионеров. Такая же картина характерна и при рассмотрении через отношение к религии: в массовом опросе 65,8% опрошенных и 72,0% экспертов самоидентифицирующихся как верующие против связывания теракта с мусульманским учением. При этом 18,4% опрошенных из массового опроса и 17,0% экспертов указали на исключительно религиозный характер террористического акта, среди них 60,7% неверующих в массовом опросе и 22,7% экспертов в разрезе от 35 лет до пенсионного возраста, доля верующих существенно меньше – 14,9% в массовом и 16,0% в экспертном опросах. 12,2% экспертов затруднились выразить свою позицию, доля в массовом опросе статистически незначимая (1,3%). Подмассив экспертов, затруднившихся обозначить свое отношение к религии, испытывает трудности при характеристике теракта (22,2%), что в очередной раз констатирует важность учета множества аспектов при оценке любого явления, особенно террористической направленности.

Итак, верующее население не связывает теракт с вероисповеданием в противоположность неверующим, которые полагают, что религиозный ренессанс лежит в основе радикализации сознания, проявлений экстремальности, особенно среди молодежи. Кроме того, о религиозном характере терактов в массовом сознании больше

говорят неверующие, затруднившиеся ответить на вопрос об отношении к религии и пенсионеры. Основная масса экспертов, так же как и участников массового опроса, считает, что теракты не имеют религиозного оттенка.

Как известно, каждое действие преследует определенную цель. Какова была цель террористического акта 23 июня 2024 г. в дагестанских городах? Предположений может быть множество, начиная от гипотезы о «борьбе с неверными» до выступления против республиканской власти, выражения ей недоверия, борьбы дагестанских кланов за сферы влияния, дестабилизации ситуации в республике, формирования противостояния между носителями разных вероисповеданий, негативного образа Дагестана, демонстрации слабости федеральной власти. Все эти позиции имеют право на существование и вполне способны выступить косвенными причинами терроризма. Поэтому в исследовании причин теракта 23 июня 2024 г. был задан вопрос о мотивации террористов (рис. 3).

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, с какой целью были совершены преступления в Махачкале и Дербенте?» (%)

По данным исследования, цель совершенного в городах Дагестана преступления 36,1% респондентов из массового опроса и 33,3% экспертов усматривают в попытке дестабилизации ситуации в России с использованием исламского фактора и теракта, проведенного внешними силами (НАТО, коллективный Запад, Украина), из них 40,1% в интервале от 35 лет до пенсионного возраста, 37,8% верующих, 38,5% с высшим образованием; среди экспертов, придерживающихся данного суждения, больше женщин (37,8%), пенсионеров (48,1%), доли верующих и неверующих почти равны – 32,8 и 33,3% соответственно. Далее, 20,7% участников массового опроса и 20,4% экспертов придерживаются позиции «Цели определены группой мусульман Дагестана, желающих утвердить в республике ценности “ваххабитского” ислама», среди них 64,3% неверующих, 28,9% со средним специальным образованием (массовый опрос), из экспертного сообщества – 21,4% женщин, 25,3% в интервале от 35 лет до пенсионного

возраста и 22,4% верующих. Однако 20,1% опрошенного дагестанского населения и 23,8% экспертов совершенный теракт не связывают с какой-либо целью, согласны с доводом «Никакой особой цели не было. Это просто бандитская вылазка избалованных богатством, властью, безнаказанностью “папиных сынков”», и здесь выделяется женский подмассив (21,8%) и возрастная подгруппа до 35 лет (21,7%). Среди экспертов больше женщин (26,5%) против 18,4% мужчин, по возрасту преобладает подмассив пенсионеров (26,9%). В разрезе отношения к религии отсутствие цели отмечено 20,5% верующих из массового опроса и 24,8% экспертов, самоидентифицирующихся как верующие. При этом 4,2% опрошенных из массового опроса и 3,4% экспертного сообщества считают, что цель теракта определена гражданами Дагестана, протестующими по поводу коррупции, социальной несправедливости, нерешенности актуальных проблем общественной жизни. Разумеется, ситуация в Дагестане сложная практически во всех социальных сферах, что выливается в недовольство как муниципальной, так и республиканской властью, неспособными решить социально-экономические проблемы региона, которые из года в год только усугубляются. На фоне обогащения одной части населения (причем несущественной) подавляющая часть дагестанцев проживает довольно скромно. Придерживающихся данной позиции больше среди экспертов-мужчин (10,2%) и неверующих из массового опроса (7,1%).

Каждое событие (позитивное или негативное) имеет причины, которые порой накапливаются достаточно долго и при «благоприятных» ситуациях способны себя проявить (рис. 4).

Аналитический материал показывает, что 39,4% опрошенного дагестанского населения и 32,7% экспертов причину теракта усматривают не в религии, а в сфере политической деятельности внешних сил, направленных против российской государственности, доля придерживающихся данной позиции увеличивается с повышением возраста с 33,9% в разрезе до 35 лет до 43,7% в интервале от 35 лет до пенсионного возраста, с 30,2% имеющих среднее образование до 43,2% с высшим образованием. У экспертов данное суждение занимает второе ранговое место, пропустив вперед вариант ответа «Причина в бандитских побуждениях части населения Дагестана в условиях низкой правовой культуры. Бандитизм не имеет ни светской, ни религиозной идеологической основы» (35,4%).

Анализ через отношение к религии в массовом опросе констатирует, что процентный показатель выше в подгруппе верующих (41,5%) в сопоставлении с неверующими (17,9%). С заметным отрывом на второй позиции располагается суждение «Причина в бандитских побуждениях части населения Дагестана в условиях низкой правовой культуры. Бандитизм не имеет ни светской, ни религиозной идеологической основы», отмеченное 27,6% опрошенных по всему массиву, среди них 28,4% верующих, 32,2% со средним специальным образованием и 34,8% сельского населения. Среди экспертов, отметивших данную позицию, больше мужчин (44,6%), в возрастном разрезе от 35 лет до пенсионного возраста (41,3%) и в подмассиве самоидентифицирующихся как неверующие (58,3%).

Далее, 25,3% респондентов из массового опроса и 31,3% экспертов причину теракта усматривают в отсутствии должного контроля со стороны правоохранительных органов РФ, РД за религиозной деятельностью вообще и отдельных групп мусульман республики в особенности. Анализ по социально-демографическим группам показывает преобладание мужчин (32,9%) против 22,7% женщин, обращает на себя внимание увеличение доли придерживающихся данной точки зрения с 17,2% в возрастной подгруппе до 35 лет до 30,4% пенсионеров, с 17,5% имеющих среднее образование до 28,5% опрошенных с высоким образовательным статусом.

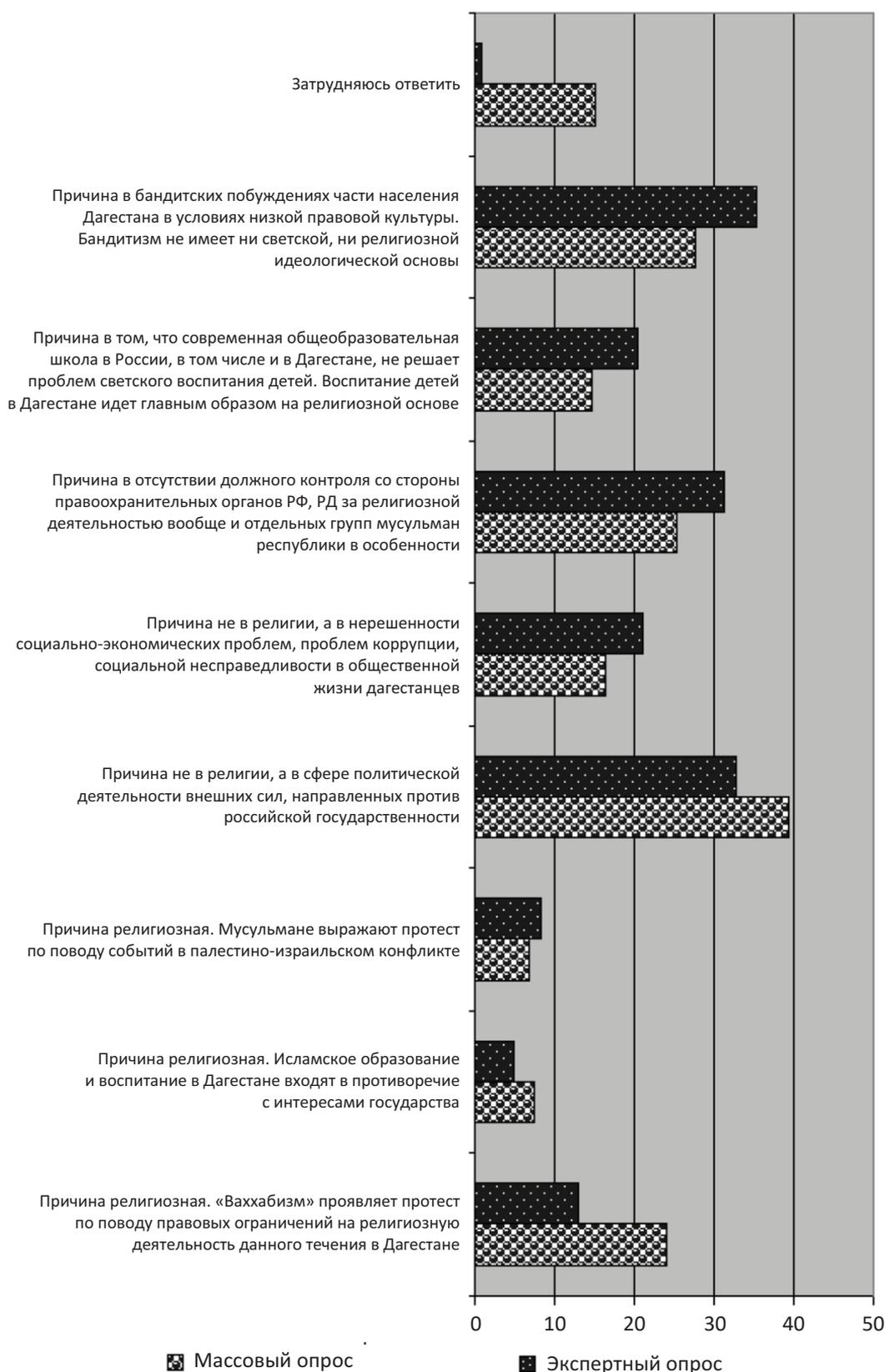

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Каковы, на ваш взгляд, основные причины произошедшего события?» (% по всему массиву)

Сравнение по месту проживания респондентов свидетельствует, что указывающих на «вину» правоохранительных органов больше в подмассиве городского населения в сопоставлении с сельчанами.

Среди экспертного сообщества наблюдается рост указавших на важность государственного контроля за религиозными процессами с 27,8% в возрасте до 35 лет до 32,7% опрошенных пенсионеров, доля неверующих больше (50,0%) против 29,6% верующих. Позиция неверующего населения является естественной, ибо происходящие в конфессиональной сфере Дагестана противоречивые процессы, в частности раскол внутри религиозного института (Муфтият РД), способны дестабилизировать ситуацию в республике. Кроме того, повышенный интерес населения к исламскому образованию и стремление родителей отдавать детей в примечательные школы, широкое распространение религиозного образования при отсутствии контроля со стороны государства, привлечение руководителями светских учреждений духовных лиц к проводимым мероприятиям и т.д. вызывают отторжение и неприятие у населения, причем не только неверующего, но и верующего.

24,0% участников массового опроса и заметно меньшая часть экспертов (12,9%) считают причину исключительно религиозной, ибо «ваххабизм» проявляет протест по поводу правовых ограничений на религиозную деятельность данного течения в Дагестане. Анализ в социально-демографическом срезе констатирует почти одинаковые параметры по всем подгруппам, за исключением отношения к религии: здесь отметивших религиозный фактор больше в подгруппе неверующих (53,6%). На религиозную причину указали 14,4% экспертов, обозначивших себя как верующие, доля неверующих экспертов меньше (8,3%), а также 14,7% опрошенных в интервале от 35 лет и до пенсионного возраста.

16,3% респондентов из массового опроса и 21,1% экспертов теракт связывают с нерешенностью социально-экономических проблем, проблем коррупции, социальной несправедливости в общественной жизни дагестанцев. Доля придерживающихся данной позиции в массовом опросе увеличивается с возрастом и образовательным статусом с 11,7% в разрезе до 35 лет до 21,5% в подгруппе пенсионеров, с 9,5% имеющих среднее образование до 18,1% с высшим образованием.

14,6% опрошенных из массового опроса и 20,4% экспертного сообщества указывают на недостатки в работе образовательной сферы, ибо современная общеобразовательная школа в России, в том числе и в Дагестане, не решает проблем светского воспитания детей. Воспитание детей в Дагестане идет главным образом на религиозной основе. По социально-демографическим параметрам процентный показатель повышается с 8,3% в подгруппе до 35 лет до 22,5% опрошенных пенсионеров, с 12,7% имеющих среднее образование до 15,4% с высшим образованием. В разрезе отношения к религии выделяется подгруппа неверующих (39,3%), доля верующих существенно меньше (12,8%). Предпочтительность воспитания в русле исламского вероучения как одна из причин террористического деяния отмечена 25,5% женщин-экспертов, 24,0% респондентов в возрасте от 35 лет и до пенсионного возраста, 41,7% неверующих и 33,3% затруднившихся отметить свое отношение к религии. 4,8% экспертов и 7,5% опрошенных из массового опроса (среди них 28,6% неверующих) полагают, что распространенность исламских учебных заведений для детей (медресе и примечательных школ) ведет к тому, что исламское образование и воспитание в Дагестане входят в противоречие с интересами государства.

Данные массового опроса показывают, что 6,8% респондентов (выделяется подмассив неверующих – 21,4%) и 8,2% экспертного сообщества источник теракта усматривают в событиях в Газе, рассматривая убийство как протест мусульман на события

в палестино-израильском конфликте. Военные действия израильской армии и массовое убийство гражданского населения Палестины были причиной протеста в Махачкалинском аэропорту в октябре 2023 г. В погромах участвовала молодежь. Задавая вопрос «Как вы относитесь к событиям в Махачкалинском аэропорту 28 октября 2023 г.?», мы выдвинули гипотезу, что респонденты будут поддерживать выступления дагестанцев и приоритетной будет позиция о необходимости оказания помощи единоверцам. Авторское предположение не нашло своего подтверждения: 48,4% респондентов данные действия оценивают негативно с мотивацией: «Есть иные, не экстремальные способы поддержки Палестины». Внутригрупповое сравнение показывает, что отрицательно характеризующих действия в аэропорту в возрастном интервале 15–20 лет больше (55,4%), чуть меньше среди 36–45-летних (53,1%), и дальше количество таковых уменьшается: 44,2% в разрезе 21–35 лет, 43,3% в подгруппе 46–60 лет и 48,5% пенсионеров. Анализ в разрезе отношения к религии показывает, что среди верующих меньше придерживающихся данной точки зрения (44,8%), в подмассивах колеблющихся и неверующих процентный параметр в два раза больше (81,3 и 83,3% соответственно). 26,1% опрошенного дагестанского населения считает, что в условиях проведения СВО, когда ситуация в стране и так сложная, нельзя допускать конфликтов и раскачивать ситуацию изнутри. На формирование негативного стереотипа дагестанцев после событий в аэропорту указывают 24,5% респондентов по всему массиву, и по этому поводу больше переживает подмассив мужчин (37,1%) и противоположные по сути возрастные подгруппы – одна треть в разрезе 15–20 лет и такая же часть пенсионеров, а также имеющие высокий образовательный статус (26,2%). О материальном ущербе беспокоятся 23,9% опрошенных, на возможный убыток и снижение привлекательности туристической сферы указали 11,9% респондентов.

11,6% подчеркивают готовность дагестанцев защищать мусульман далеко расположенного от нас государства (в то время как соседние мусульманские страны не помогают), но не готовы отстаивать национальные интересы России на Украине. В разрезе отношения к религии данная точка зрения ближе 11,0% верующих, 12,5% колеблющихся и 16,7% неверующих. Среди предложенных положительных суждений вариант «Дагестанцы показали, что мы поддерживаем мирное население Палестины» отмечен 11,9% опрошенных; варианты ответов «Положительно, только так можно было обратить внимание мирового сообщества на убийство мирного населения (женщин и детей) израильскими военными», «Положительно, исламская религия предписывает любить свою религию и защищать мусульманскую умму», «Положительно, мусульмане должны объединиться для противостояния иноверцам» отмечены 9,0, 8,4 и 6,5% соответственно.

Таким образом, несмотря на превалирование суждения о необходимости мирного протеста, имеет место обозначение важности защиты интересов единоверцев. Сделанный ранее вывод о существовании базы формирования экстремальности сознания подтверждается приведенным эмпирическим материалом.

После событий в аэропорту гражданское общество задалось вопросом о мерах и механизмах недопущения проявления интолерантности в общественном сознании населения в любой форме (межнациональной, межрелигиозной, бытовой, культурной, языковой). Средства массовой информации активно обсуждали последствия разгрома аэропорта, отражение агрессивных действий на социальном самочувствии как мусульманского, так и немусульманского населения. Страх был обусловлен тем, что в других российских регионах в отношении последователей ислама могут иметь место нетерпимость, дискриминация, ущемление прав и т.д.

Необходимо отметить, что арест участников тех событий неоднозначно воспринимается в дагестанском обществе. Прозвучали обращения матерей находящихся под

следствием к Президенту России В.В. Путина (Куманев, 2024). Дагестанское общество разделилось в отношении наказания погромщиков: одни считают необходимым жестко их наказывать, в то время как подавляющая часть не считает данное действие представляющим угрозу для государства. При этом люди задают вопрос: «Если бы в аэропорту нашли евреев, то что собиралась делать агрессивная толпа? Не пролилась бы кровь?».

Можно предположить, что отсутствие жесткой реакции на аэропортовский погром в определенной степени продемонстрировало слабость республиканской власти, что в последующем позволило деструктивным силам организовать более масштабный, с жертвами преступный акт. Какие меры необходимо предпринять, чтобы не допустить терактов на территории не только Дагестана, но и любого из субъектов Российской Федерации? В анкету массового и экспертного опросов был включен вопрос о мерах профилактики теракта (рис. 5).

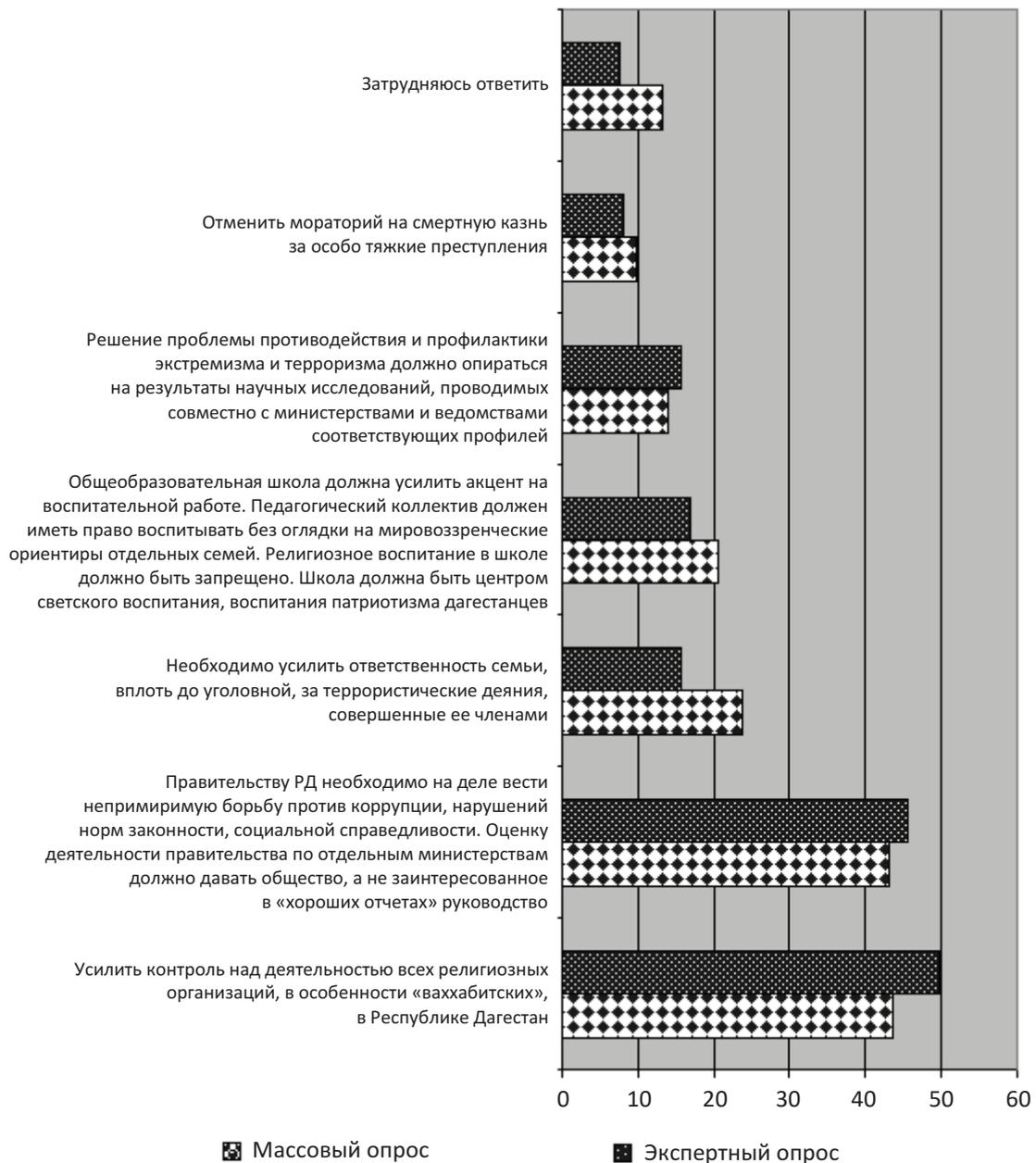

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Какие меры вы предложили бы с целью предупреждения подобных террористических актов на территории Дагестана?» (%)

Приведенный на рис. 5 эмпирический материал показывает, что, по мнению 43,6% респондентов из массового опроса и 49,7% экспертов, предотвратить теракт можно при усилении контроля над деятельностью всех религиозных организаций, в особенности «ваххабитских», в Республике Дагестан. Эта позиция находится в противоречии с определением характера и причин совершившихся терактов респондентами: считая теракты явлениями, не имеющими религиозного характера, спровоцированными извне, как эксперты, так и массовое сознание одновременно предлагают в целях профилактики подобных явлений усиление контроля за религиозными организациями. Эта установка может быть принята как признание религиозных причин периодически повторяющихся проявлений экстремизма и терроризма на территории Дагестана. Признавая это обстоятельство, в Дагестане еще в 1999 г. приняли Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности в Республике Дагестан». В то же время признание религиозной экстремистской и террористической деятельности в РД только за ваххабитами было бы по меньшей мере неточной характеристикой ситуации. Эти негативные явления могут иметь место в любом направлении ислама, в том числе и в суфизме, если оно не прилагает должных усилий к мирной адаптации к современным условиям. Тем более что рядовой мусульманин зачастую неосознанно является носителем религиозных ценностей не одного, а нескольких направлений в исламе, в том числе радикального ваххабитского.

Второе ранговое место занимает суждение «Правительству РД необходимо на деле вести непримиримую борьбу против коррупции, нарушений норм законности, социальной справедливости. Оценку деятельности правительства по отдельным министерствам должно давать общество, а не заинтересованное в “хороших отчетах” руководство» – 43,2% опрошенного населения и 45,6% экспертов.

Необходимость усиления ответственности семьи, вплоть до уголовной, за террористические деяния, совершенные ее членами, отмечена 23,7% участников массового опроса и 15,6% экспертов.

Позиция «Общеобразовательная школа должна усилить акцент на воспитательной работе. Педагогический коллектив должен иметь право воспитывать без оглядки на мировоззренческие ориентиры отдельных семей. Религиозное воспитание в школе должно быть запрещено. Школа должна быть центром светского воспитания, воспитания патриотизма дагестанцев» отмечена 20,6% респондентов массового опроса и 17,0% экспертов. С возрастом доля придерживающихся данной позиции увеличивается с 13,3% респондентов в возрасте до 35 лет до 25,7% пенсионеров по возрасту; у экспертов наблюдается обратная картина: уменьшение числа ответивших таким образом с 27,8% в подгруппе до 35 лет до 13,5% в подгруппе пенсионеров.

По мнению 14% респондентов массового опроса и 15,6% экспертов, при решении проблем противодействия и профилактики экстремизма и терроризма следует опираться на результаты научных исследований, проводимых совместно с министерствами и ведомствами соответствующих профилей. Противостоять террористической деятельности можно отменой моратория на смертную казнь, считают 9,7% участников массового опроса и 8,2% экспертов.

Ввиду важности ответа на вопрос, какие социальные группы опроса наиболее склонны оценивать теракты как религиозные/нерелигиозные, насколько едины в своих оценках эксперты и население Республики Дагестан, были составлены соответствующие рейтинги. Они были составлены на основе разниц ответов опрашиваемых групп по этим двум позициям в процентах (табл. 2).

Таблица 2

**Рейтинги групп опроса по оценкам религиозного характера терактов в Махачкале и Дербенте
(массовый опрос, эксперты)**

Социальная группа опроса	Интегральный ответ на вопрос «Имеют ли теракты религиозный характер?» (разница между ответами «нет» и «да»)			
	население		эксперты	
	разница в ответах «нет» и «да», %	рейтинг	разница в ответах «нет» и «да», %	рейтинг
Мужчины	45,4	5	48,9	7
Женщины	43,1	9	53,1	5
Возраст до 35 лет	47,3	4	66,1	1
От 35 лет до пенсионного возраста	51,2	1	43,1	8
Пенсионер по возрасту	30,9	12	57,7	3
Верующий	50,9	2	56,0	4
Неверующий	39,3	14	58,4	2
Затруднились ответить на вопрос о вере	12,3	13	11,1	9
Среднее образование	34,9	10	-	-
Среднее специальное образование	31,1	11	-	-
Высшее образование	47,4	3	51,7	6
Город	43,4	8	51,7	6
Село	44,1	6	-	-
Всего	43,6	7	51,7	6

По данным табл. 2, в массовом сознании на нерелигиозный характер терактов в интегральном выражении больше указывают лица среднего возраста – от 35 лет до пенсионного, верующие, лица с высшим образованием. На религиозный – неверующие, затруднившиеся на вопрос о вере и пенсионеры по возрасту. Среди экспертов о нерелигиозном характере терактов больше говорят группы молодежи, неверующих, лиц среднего возраста – от 35 лет до пенсионного. О религиозном – мужчины, лица среднего возраста, затруднившиеся ответить на вопрос о вере. Эти результаты опроса свидетельствуют о том, что в дагестанском обществе пока нет консолидирующих социум в противодействии экстремизму и терроризму оценок происходящих событий.

Заключение

Таким образом, анализ результатов исследования по изучению отношения дагестанского населения к террористическому акту 23 июня 2024 г. позволяет сделать следующие выводы:

- подавляющая часть респондентов в обоих опросах негативно оценивает террористический акт, при этом установлено преобладание таковых в массиве участников массового опроса в сопоставлении с экспертным сообществом; основная масса экспертов, так же как и участники массового опроса, считают, что теракты не имели религиозного характера;
- общественные и экспертные оценки не соответствуют объективной ситуации по части определения причин произошедших событий (внутренние причины, религиозные причины недооценены). Это связано с государственными

- установками на процессы исламского возрождения, широкими полномочиями религиозных организаций в регулировании общественных отношений во вред государственной светской нормативности. В обществе наблюдается ориентация на обозначение приоритетности шариатских норм в разрешении спорных вопросов при игнорировании светских законов;
- экспертное сообщество и участники массового опроса едины в определении цели террористического акта: теракты проведены внешними силами (НАТО, коллективный Запад, Украина) с целью дестабилизировать ситуацию в Российском государстве, используя исламский фактор. При этом участники обоих опросов (доля экспертов чуть больше) не считают, что данное деяние преследовало какую-то цель и рассматривают его как бандитскую вылазку избалованных богатством, властью, безнаказанностью «папиных сынков»;
  - с небольшой разницей опрошенное дагестанское население и эксперты придерживаются позиции, что цели определены группой мусульман Дагестана, желающих утвердить в республике ценности «ваххабитского» ислама, т.е. респонденты обращают внимание на внутриисламский раскол, который лежит в основе убийства и сожжения культовых зданий христиан и иудеев, стремление придерживающихся ваххабитской идеологии доминировать в религиозном пространстве республики;
  - результаты на вопрос о цели теракта не подтверждают имеющее место в научном и общественном сознании объяснение причин терактов протестами против нерешенных проблем общественной жизни, коррупции и социальной несправедливости;
  - события в Махачкалинском аэропорту 28 октября 2023 г. опрошенным дагестанским населением оцениваются отрицательно с аргументацией о существовании иных эффективных действий поддержки палестинского населения и оказания ему материальной, медицинской и иной помощи. Более того, по утверждению респондентов, недопустимо в период проведения специальной военной операции разжигание на территории Российского государства конфликтов, способных дестабилизировать ситуацию в нашей стране; кроме того, участников опроса волнует уровень материального ущерба аэропорту и создание самими дагестанцами потенциала для формирования в общественном сознании россиян негативного образа дагестанца, который и так далек от идеала.

Литература

- Взгляд ислама на терроризм и религиозный экстремизм // IslamDag.ru. – 11.08.2009. – URL: <https://islamdag.ru/ljeideologii/26951>.
- Гайибназаров, Ш.Г. Исламизм – основы, идеология терроризма и его отличие от подлинного, цивилизованного ислама / Ш.Г. Гайибназаров // *Бюллетень науки и практики*. – 2020. – Т. 6, № 7. – С. 417–424. – <https://doi.org/10.33619/2414-2948/56/51>. – EDN QXFVZZ.
- Ильяшенко, С.В. О миграционных процессах в Республике Дагестан / С.В. Ильяшенко // *Вопросы статистики*. – 2003. – № 3. – С. 54–60.
- Исламоведение / под общ. ред. М.Ф. Муртазина. – М.: Изд-во Моск. ислам. ун-та, 2008. – 416 с.
- Куманев, А. Семьи участников беспорядков в Махачкале просят Путина простить погромщиков / А. Куманев // *Новые Известия*. – 18.02.2024. – URL: <https://newizv.ru/news/2024-02-18/semi-uchastnikov-besporjadkov-v-mahachkale-prosyat-putina-prostit-pogromschikov-427347>.
- Магомедов, А.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане / А.М. Магомедов, К.М. Ханбабаев // *Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень*. – 2003. – № 1. – С. 11–17.
- Матинов, Г. К вопросу о защите интересов русскоязычного населения Республики Дагестан / Г. Матинов // *Народы Дагестана*. – 2001. – № 3. – С. 15–22.
- ФАДН: 35% мигрантов предпочитают шариат светскому законодательству // ТАСС. – 08.09.2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21804289>.

Шойгу встретился с участниками молодежного форума «Территория смыслов // РЕН ТВ. – 10.08.2021. – URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/867533-shoigu-vstretilsia-s-uchastnikami-molodezhnogo-foruma-territoriia-smyslov>.

References

- FADN: 35% of migrants prefer Sharia to secular law. *TASS*. 08.09.2024. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/21804289>. (In Russ.)
- Gayibnazarov Sh.G.* Islamism – the foundations, ideology of terrorism and its difference from genuine, civilized Islam. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2020;6(7):417–424. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/56/51>. (In Russ.)
- Ilyashenko S.V.* About migration processes in the Republic of Dagestan. *Voprosy statistiki = Statistical issues*. 2003; 3: 54–60. (In Russ.)
- Islam's view on terrorism and. religious extremism. *IslamDag.ru*. 11.08.2009. Available at: <https://islamdag.ru/ljeideologii/26951>. (In Russ.)
- Magomedov A.M., Khanbabaev K.M.* Religion and peacemaking processes in Dagestan. *Gosudarstvo i religiya v Dagestane. Informatsionno-analiticheskiy byulleten = The state and religion in Dagestan. Information and analytical bulletin*. 2003;1:11–17. (In Russ.)
- Matinov G.* On the issue of protecting the interests of the Russian-speaking population of the Republic of Dagestan. *Narody Dagestana = The peoples of Dagestan*. 2001;3:15–22. (In Russ.)
- Murtazin M.F.* (Ed.) Islamic studies. Moscow: Publishing house of Moscow Islamic University; 2008. 416 p. (In Russ.)
- Shoigu met with participants of the youth forum “Territory of meanings”. *REN TV*. 10.08.2021. Available at: <https://ren.tv/news/v-rossii/867533-shoigu-vstretilsia-s-uchastnikami-molodezhnogo-foruma-territoriia-smyslov>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 17.01 2025

Дата окончания рецензирования: 12.02.2025

Дата принятия к публикации: 27.02.2025

Информация об авторах

Абдулагатов Заид Магомедович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: zaid48@mail.ru

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: madina2405@mail.ru

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Рамазанов Рашид Омариевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: rashram@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Abdulagatov Zaid Magomedovich – PhD in Philosophical Sciences, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: zaid48@mail.ru

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: madina2405@mail.ru

Zagirova Elvira Makhachevna – Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Ramazanov Rashid Omarievich – PhD in Political Sciences, Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: rashram@yandex.ru

The authors have no conflict of interest to declare

Научная статья

УДК 316.354:351/354

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.9>

EDN KPRADK

**Некоммерческие организации в фокусе общественного мнения
(на примере Ростовской области)****Александр Б. Понамарев¹**

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalvarus94@gmail.com

Аннотация

Введение. В представленной работе предпринимается попытка выявить ключевые тенденции, связанные с восприятием россиянами деятельности некоммерческих организаций (НКО). Такие организации обладают потенциалом решать социально значимые проблемы более оперативно, чем органы государственной власти, и по этой причине зачастую рассматриваются как значимая часть гражданского общества. Сложившаяся в современной России политическая конъюнктура в значительной степени трансформирует принципы горизонтального взаимодействия граждан и позволяет констатировать усиление роли государства в качестве наиболее значимого актора социальных преобразований. В вышеописанной ситуации значимость НКО в общественном сознании может снизиться, а восприятие их деятельности – измениться. В рамках данной работы мы стремимся выявить, ассоциируется ли в общественном мнении (на примере Ростовской области) деятельность НКО с развитием гражданского общества.

Методы. Исследование выполнено с опорой на эмпирические данные, полученные в ходе формализованных интервью face-to-face с жителями Ростовской области. Выборка – квотная, репрезентирующая население Ростовской области по полу, возрасту, месту проживания: $N = 2000$; мужчины – 45%; женщины – 55%; возраст респондентов – 18 лет и старше; доля респондентов с высшим образованием – не более 40%; территории – Ростов-на-Дону (административный центр), 9 городских округов, 20 муниципальных районов.

Результаты и их обсуждение. Полученные в ходе эмпирического исследования данные подтверждают гипотезу об усилении в общественном мнении роли государства как самого значимого актора социальных преобразований. Деятельность НКО воспринимается в качестве своеобразного придатка, полезного инструмента для решения проблем, которые по той или иной причине до сих пор не решили органы государственной или муниципальной власти. Это мнение разделяют как рядовые граждане, так и те, кто относит себя к волонтерам, гражданам с активной политической позицией и активистам НКО. Можно констатировать, что восприятие деятельности НКО в современной России значительно отличается от принятого в странах, которые часто относят к либерально-демократическим. Становится очевидна тенденция масштабирования идей этатизма на деятельность организаций, не связанных с государственной властью.

Ключевые слова: некоммерческие организации; гражданское общество; горизонтальные связи; общественное мнение; волонтерство.

Для цитирования: Понамарев А.Б. (2025). Некоммерческие организации в фокусе общественного мнения (на примере Ростовской области). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 125–134. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.9>

**Non-profit organizations in the focus of public opinion
(on the example of the Rostov region)****Alexander B. Ponomarev¹**

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalvarus94@gmail.com

Abstract

Introduction. This paper attempts to identify key trends related to the perception of the activities of non-profit organizations (NPO) by Russian people. Such organizations have the potential to solve socially significant problems more quickly than public authorities and for this reason are often considered as a significant part of civil society. The current political situation in modern Russia significantly transforms the principles of horizontal interaction of citizens and allows us to say that the state is seen as the most significant actor of social transformations. In this situation, the importance of NPOs in the public consciousness may decrease and the perception of their activities may change. In the framework of this work, we identified whether the activities of NPOs are associated with the generally accepted idea of civil society development.

Methods. The study is based on empirical data obtained during formalized face-to-face interviews with residents of the Rostov region. The sample is a quota based and represents the population of the Rostov region by gender, age and place of residence. $N = 2000$; men – 45%; women – 55%; age of respondents – 18 and older, the share of respondents with higher education – no more than 40%; territories – Rostov-on-Don (administrative center), 9 urban districts, 20 municipal districts.

Results and its discussion. The data obtained in the course of the empirical research confirm the hypothesis about the strengthening in public opinion of the role of the state as the most significant actor of social transformations, solving all the problems of citizens. The activities of NPOs are perceived as a kind of appendage, a “useful tool” for solving problems that for one reason or another have not yet been solved by state or municipal authorities. This opinion is shared by both ordinary citizens and those who consider themselves volunteers, citizens with an active political position and NPO activists. It can be stated that the perception of the activities of non-profit organizations in modern Russia differs significantly from that in developed countries. The tendency of scaling the ideas of etatism to the activities of organizations that are not related to the state power becomes obvious.

Keywords: non-profit organizations; civil society; horizontal ties; public opinion; volunteering.

For Citation: *Ponamarev A.B.* (2025). Non-profit organizations in the focus of public opinion (on the example of Rostov region). *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 125–134. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.9>.

Введение

Некоммерческие организации (НКО) обладают потенциалом решать проблемы, находящиеся вне фокуса внимания органов государственной власти или бизнес-сообществ. Не всегда представители власти имеют возможность своевременно реагировать на проблемы и вызовы, а бизнес достаточно сильно ограничен своим стремлением конвертировать социально полезную активность в необходимые для собственных нужд капиталы. В этом случае НКО выступают в качестве актора, способного мобилизовать горизонтальные (гражданские) связи местных сообществ.

В западном научном дискурсе НКО чаще всего ассоциируются с гражданским обществом, продвижением гуманитарных инициатив, спонсированием социально полезных начинаний. Они используют социальные медиа для адвокации своих политических взглядов (Guo, 2018), сотрудничают с органами государственной власти (Лесу, 2020). НКО также относят к так называемому третьему сектору экономики (не путать с третичным). Первым считается государственный (публичный), вторым – коммерческий (частный), а третьим – некоммерческий. Практически для всех НКО характерны следующие особенности: отсутствие аффилиации с государством, отсутствие ориентации на получение прибыли, сосредоточение на интересах общества.

Достаточно интересное исследование о мотивах активистов НКО было проведено в 2022 г. в рамках деятельности Агентства социальной информации. На основе анкетирования сотрудников НКО сделаны выводы о том, что для активистов характерно так называемое мессианство (ощущение принадлежности к миссии), стремление менять мир к лучшему и решать социальные проблемы (Профессиональная идентичность..., 2022).

В отечественной социологии внимание исследователей сосредоточено на дискурсе о так называемой цифровой трансформации (Архипова, 2021; Афанасьева, 2022) и оказании социальных услуг населению (Зотов, 2020; Старшинова, 2020).

Примечательно, что, в отличие от западных исследований, российские практически не упоминают НКО в контексте гражданского общества. Исходя из этого, можно предположить, что модель деятельности отечественных НКО имеет серьезные отличия от зарубежных аналогов. Здесь мы усматриваем интересные с точки зрения социологии аспекты восприятия НКО гражданами России, позволяющие рассуждать о том, что принципы гражданской активности россиян имеют значимые отличия от иностранных.

Мы предполагаем, что исходя из сложившейся политической конъюнктуры России (на момент 2025 г.) НКО позиционируют себя не как значимых акторов, обладающих политической потенциальностью, стремящихся влиять на принятие решений на уровне государства, а как инструмент решения проблем в ситуациях, в которых государство не способно (по мнению активистов) решить проблему своевременно. В России НКО, с одной стороны, имеют возможность получать поддержку от государства (в рамках программы президентских грантов), но, с другой, часто попадают в ранг иноагентов или нежелательных организаций. Иными словами, модель деятельности НКО, которую когда-то описывали как буфер между обществом и государством, практически не представлена в реальности, так как у законодателя и регулятора имеются все необходимые рычаги для регулирования рынка НКО. Из этого фактически складывается новая модель деятельности НКО, которую, в свою очередь, можно связать с новыми принципами гражданского активизма. Мы предполагаем, что если НКО, ориентированные на защиту прав граждан и фактическое противостояние государственной власти, де факто не имеют возможности осуществлять деятельность на территории РФ, то и восприятие деятельности таких организаций может претерпеть значительные изменения.

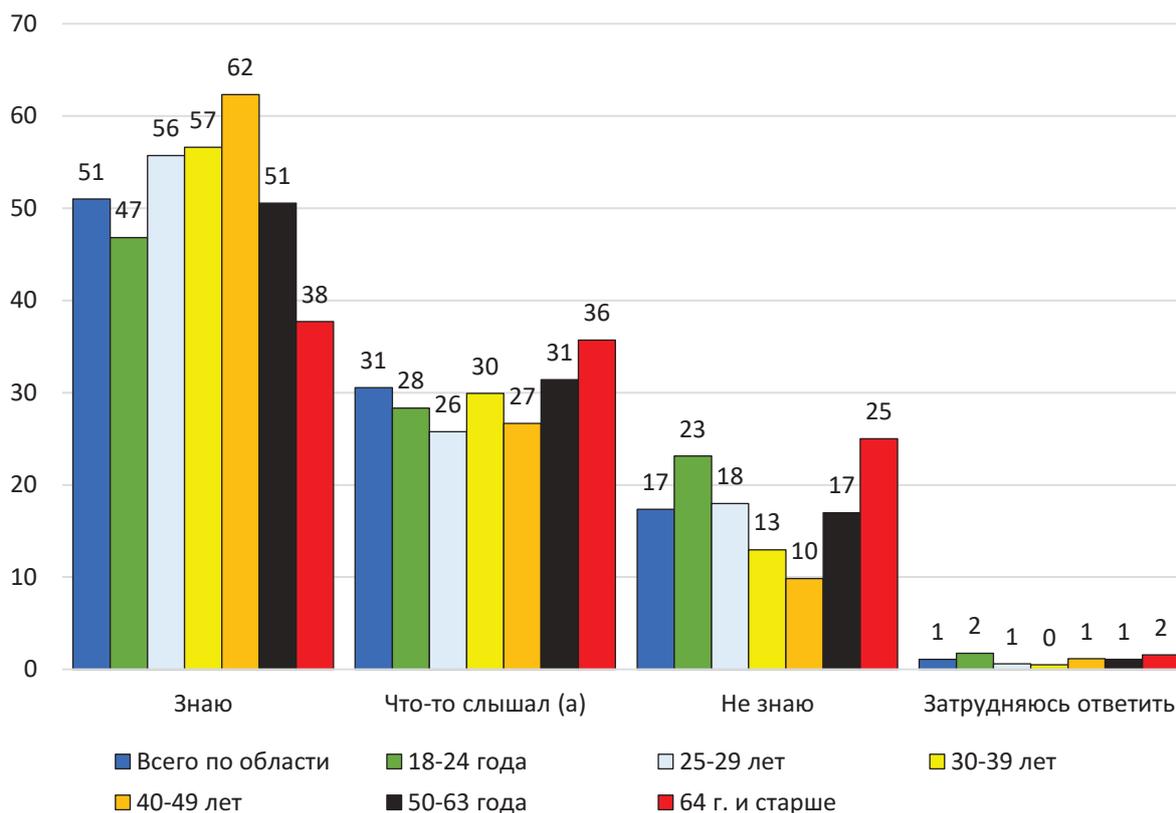
Методы

В данном исследовании мы сосредоточим внимание на восприятии жителями Ростовской области деятельности НКО. Нас интересует наличие или отсутствие в восприятии респондентов связи НКО с развитием гражданского общества и горизонтальных связей. Гипотеза исследования может быть описана следующим образом: современная деятельность некоммерческих организаций ассоциируется не столько с развитием гражданского общества, сколько с реальным решением насущных проблем. Если данная гипотеза подтвердится, то можно будет констатировать, что в общественном мнении некоммерческие организации позиционируются не столько как буфер между государством и обществом, способный выступить в качестве конкурента/антагониста органам государственной власти, сколько как полезный и утилитарный инструмент решения повседневных или общественно значимых задач. Эмпирическое исследование реализовано в рамках сотрудничества с обособленным подразделением ВЦИОМ-Юг. Метод исследования – массовый опрос в формате формализованного интервью face-to-face. Выборка – квотная, репрезентирующая население Ростовской области по полу, возрасту, месту проживания: $N = 2000$; мужчины – 45%; женщины – 55%; возраст респондентов – 18 лет и старше; доля респондентов с высшим образованием – не более 40%; территории – Ростов-на-Дону, 9 городских округов, 20 муниципальных районов. Погрешность не превышает 2,5%.

Результаты и их обсуждение

О существовании некоммерческих организаций информированы в той или иной степени 82% опрошенных, не знают о них всего 17% респондентов. При этом

наименьшая информированность наблюдается среди самых молодых (18–24 года) и самых возрастных (64 года и старше) групп респондентов, где информированность оценивается в 75 и 73% соответственно. Наиболее информированы о существовании НКО возрастные группы 30–39 лет (87%) и 40–49 лет (89%) соответственно. Вышеприведенные процентные величины получены путем суммирования положительных вариантов ответа «знаю» и «что-то слышал». Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием информированы о существовании НКО значительно чаще (92%), чем опрошенные со средним специальным и средним образованием (75%). Примечательно, что чаще всего целевой аудиторией деятельности НКО являются люди, оказывающиеся в трудной жизненной ситуации (следовательно, редко обладающие высшим образованием), но их информированность об НКО ниже, чем у опрошенных с высшим образованием. Также стоит отметить значительное влияние образовательного ценза на распределение ответов по варианту ответа «не знаю»: 8% с высшим и незаконченным высшим против 23% со средним специальным и средним образованием. Таким образом, фиксируется разница в 15 п.п. Примечательной динамики распределения ответов в зависимости от типа поселения (городские округа или муниципальные районы) не наблюдается: практически все жители Ростовской области одинаково информированы о существовании НКО. Детальное распределение ответов по возрастным группам представлено на рис. 1.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли вы о существовании некоммерческих общественных организаций?» (%)

Деятельность НКО часто относят к так называемому третьему сектору экономики, не связанному с государством и ориентированным на получение прибыли бизнесом. Вышеописанный подход позволяет интерпретировать деятельность НКО как социально полезную и направленную на развитие гражданского общества. Также такие организации могут быть описаны как акторы, способные централизованно

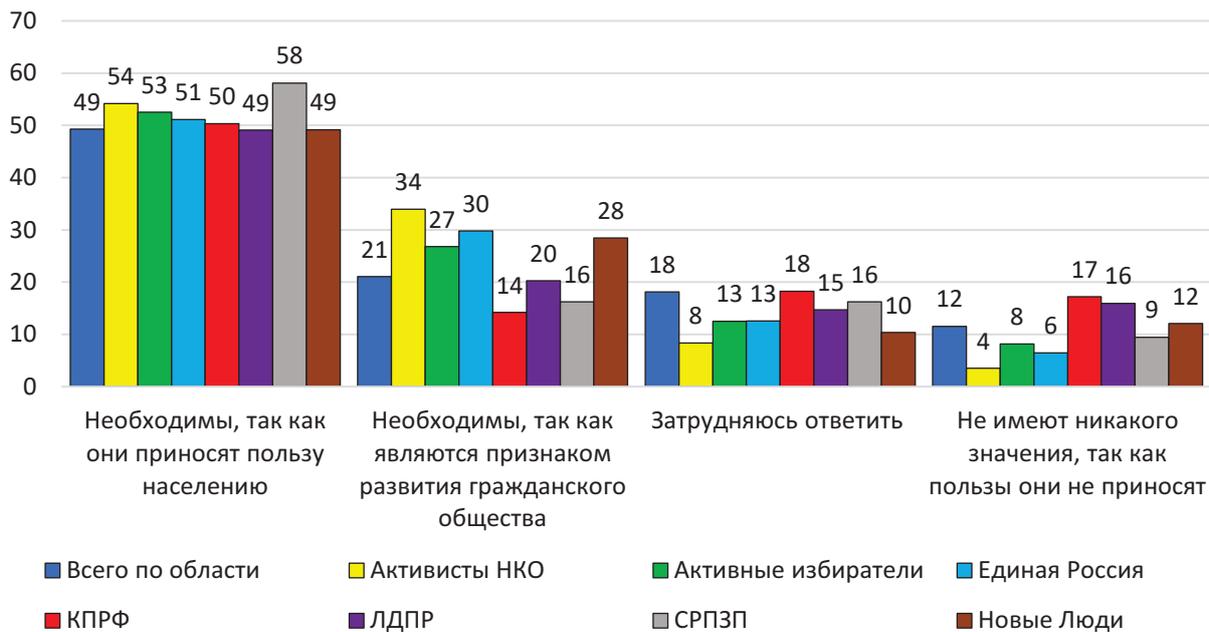
аккумулировать волю граждан, доносить ее до государства, а что наиболее важно, мобилизовать гражданскую активность местного сообщества и направлять ее на конструктивную деятельность. В связи с этим в научных публикациях периода 2000–2010 гг. деятельность общественных и некоммерческих организаций часто связывали с развитием гражданского общества.

Примечательно, что в Ростовской области респонденты склонны воспринимать деятельность НКО как своеобразный полезный инструмент, решающий проблемы, а не как один из важных индикаторов развития гражданского общества. Связано ли это с низкой востребованностью установления прочных горизонтальных связей или же с другими факторами, на данный момент установить не удалось. Распределение ответов следующее: почти половина (49%) респондентов, проживающих в РО, считают, что НКО необходимы, так как они приносят пользу населению, в то время как 21% опрошенных заявил об их необходимости в контексте развития гражданского общества. Имеет место динамика распределения ответов в зависимости от возраста респондента. Наибольшую ценность НКО в контексте развития гражданского общества представляют для респондентов, относящихся к возрастной группе 25–29 лет (30%) и 40–49 лет (27%). Старшие возрастные группы (50–63 года и 64 года и старше) связывают деятельность НКО с развитием гражданского общества меньше всего (17 и 13% соответственно). Таким образом, респонденты старшего возраста, не заставшие в своей молодости деятельности подобных организаций и не выработавшие потребность в упрочнении горизонтальных связей, не воспринимают НКО как важный индикатор развития гражданского общества. Альтернативная интерпретация: чем старше респондент, тем более он склонен сосредоточиваться на проблемах своих и своей семьи и снижать ценность горизонтальных связей в ранге своих потребностей.

Респонденты, относящие себя к активистам НКО, воспринимают свою деятельность как полезную для общества (54%), а не как продвигающую развитие гражданского общества (34%). Аналогична ситуация и с теми, кто относит себя к активным избирателям (сумма ответов по вариантам «Точно пойду на выборы губернатора» и «Скорее пойду на выборы губернатора»), выбравшими вариант ответа «необходимы, так как приносят пользу населению» в 53% случаев против 27% выбравших вариант «необходимы, так как являются признаком развития гражданского общества. Таким образом, практически каждая активная группа респондентов, включающая в себя активных избирателей и активистов НКО, выражает уверенность в необходимости НКО как инструмента решения повседневных проблем, а не как инструмента развития гражданского общества.

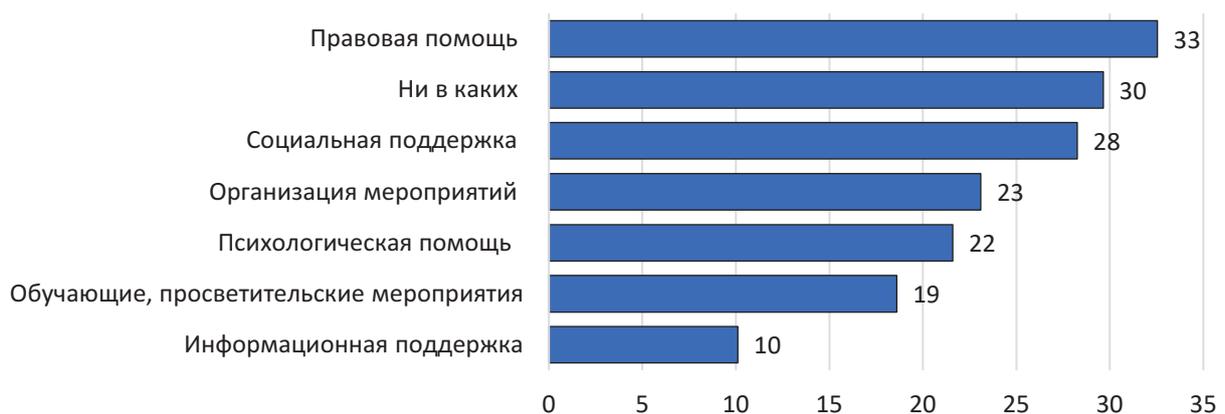
Имеется и достаточно примечательная динамика распределения ответов в зависимости от отнесения респондентом себя к электорату той или иной партии. Чаще всего о необходимости деятельности НКО в контексте развития гражданского общества заявляли респонденты, относящие себя к электорату партии «Единая Россия» (30%). На втором месте находится электорат партии «Новые люди» (28%). Намного реже ассоциировали необходимость НКО с развитием гражданского общества приверженцы идей ЛДПР (20%), партии «Справедливая Россия – Патриоты За Правду» (16%) и КПРФ (14%). Детальное распределение по области ответов респондентов, отнесших себя к активистам НКО, активным избирателям и электорату политических партий, приведено на рис. 2.

Наиболее популярные у респондентов сферы деятельности НКО в целом отражают описанную выше тенденцию утилитарного восприятия деятельности таких организаций. Примечательно, что правовая помощь выбрана как наиболее актуаль-

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, необходимы ли такие организации?» (%)

ная, в то время как обучение и организация просветительских мероприятий стали одними из наименее популярных направлений среди респондентов. С одной стороны, актуальность защиты собственных прав остается очень высокой, но, с другой, желание обучиться их защите самостоятельно достаточно низка. Интерпретировать это можно следующим образом: потребность в НКО как своеобразном буфере между гражданами и государством имеется, но она находится на нерелексивном уровне, подразумевающим отсутствие в общественном сознании установки на то, что гражданская кооперация и установление горизонтальных связей могут защищать права граждан более эффективно. Детальное распределение ответов приведено на рис. 3.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «В какой сфере вы лично были бы заинтересованы получать услуги некоммерческих организаций?» (несколько вариантов ответа, %)

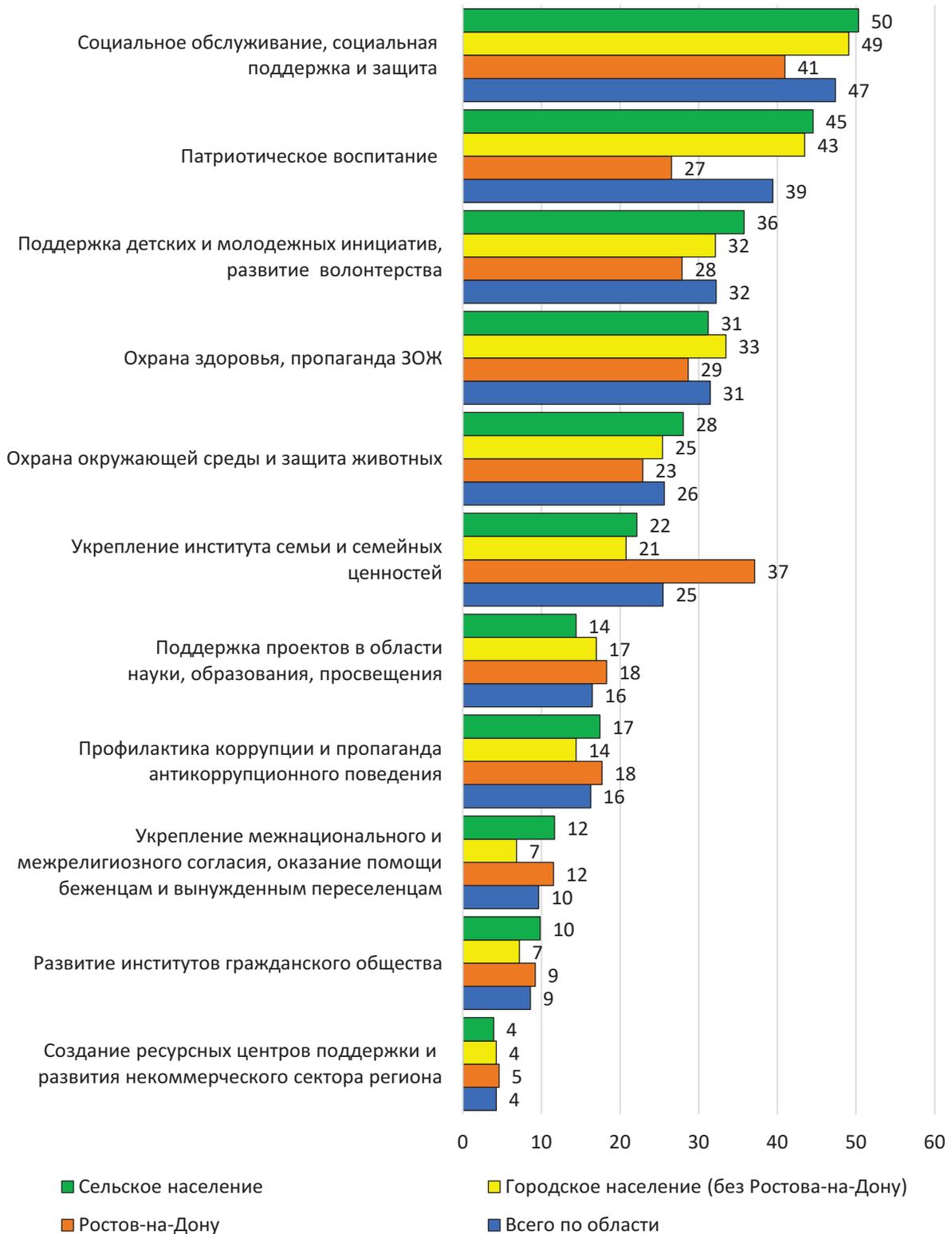
Результаты массового опроса демонстрируют, что активными участниками НКО себя считают 2% респондентов. Примечательно, что волонтерство является намного более популярным явлением, так как волонтерами себя считают 16% опрошенных. Предположительно, это связано с тем, что участие в деятельности НКО требует более

высокой вовлеченности, конфликтующей с повседневной жизнью и основной сферой деятельности респондента, в то время как волонтерство является более ситуативным и проблемно ориентированным явлением. Также можно предположить, что участие в НКО непопулярно из-за репутации организаций такого типа, финансируемых из-за рубежа или сомнительными влиятельными/богатыми личностями. В последующих исследованиях мы планируем выявить причины низкого интереса граждан к участию в деятельности НКО.

Анализ наиболее часто указываемых респондентами источников финансирования НКО также подтверждает наше предположение о том, что деятельность этих организаций попадает под значительное влияние государственной власти, а их восприятие как независимых снижается. Почти половина (49%) респондентов считает, что основным источником финансирования НКО должны выступать гранты и субсидии, предоставляемые российскими органами власти. На втором месте по популярности (39%) находятся пожертвования частных лиц, и практически одинаково были оценены поступления от коммерческих компаний (25%) и от российских НКО (23%). О важности собственной хозяйственной деятельности в финансировании деятельности НКО заявили всего 16% опрошенных, а о взносах учредителей самих НКО заявили 18% респондентов. Интерпретировать подобное распределение ответов можно следующим образом: граждане позиционируют органы государственной власти как наиболее значимого актора социальных преобразований, следовательно, деятельность НКО также должна согласовываться с государственным вектором развития и поддержки.

Мы предприняли попытку выяснить, какие направления деятельности НКО обладают максимальной востребованностью в контексте финансирования из средств, выделяемых губернатором Ростовской области на развитие гражданского общества. Как и ожидалось, самое популярное направление – социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, выбранное в 47% случаев вне зависимости от места проживания респондента. Из этого следует, что проблема социальной поддержки затмевает все остальные и в общественном мнении имеет место запрос на мобилизацию всех доступных ресурсов для решения этой проблемы. Вторым по популярности направлением является патриотическое воспитание, выбранное в 39% случаев. Примечательно, что данное направление наименее популярно в Ростове-на-Дону – крупном городе и административном центре ЮФО, фиксируется разница в 12 п.п. с общеобластным показателем. При этом в Ростове-на-Дону намного чаще заявляли о необходимости выделить деньги на укрепление института семьи (37% в сравнении с общеобластным показателем 25% – разница в 12 п.п.). Заметим, что идея финансирования НКО, специализирующихся на развитии институтов гражданского общества, одинаково непопулярна во всех населенных пунктах (9%). Данная тенденция в целом совпадает с полученными ранее данными и подтверждает нашу гипотезу о том, что российские НКО в общественном мнении могут считаться полезными не столько как элемент гражданского общества, сколько как полезный инструмент решения насущных проблем. Подробное распределение ответов в зависимости от типа поселения можно увидеть на рис. 4.

На вопрос о характере взаимоотношений НКО и органов государственной и муниципальной власти респонденты отвечают следующим образом: «партнерские» – 38%; «никаких реальных взаимоотношений нет» – 19%; «конкурентные» – 5%. Такое распределение ответов согласуется с общей тенденцией укрепления роли государства в качестве лидирующего актора социальных преобразований, в то время как НКО могут с ним сотрудничать, но не конкурировать.

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов о приоритетах для финансовой поддержки НКО в рамках конкурсов грантов губернатора Ростовской области (несколько ответов, в %)

Заключение

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что в общественном мнении деятельность НКО не имеет четкой ассоциации с гражданским обще-

ством. Мы предполагаем, что это связано не столько с деятельностью НКО, сколько с изменением восприятия гражданского общества. Органы государственной власти позиционируются как наиболее значимый актор социальных преобразований, а НКО, в свою очередь, могут стараться оказать содействие в решении проблем, на которые у государства не хватает оперативности, внимания, но не ресурсов. Обеспечение деятельности НКО необходимыми ресурсами также неразрывно связано с государственной поддержкой (прямой или в формате грантов/субсидий). НКО значительно уступают по популярности волонтерским организациям, и дальнейшие перспективы исследований мы усматриваем в выявлении мотивации активных участников волонтерского движения и НКО. Мы предполагаем, что российская модель гражданского общества значительно отошла от той, что характерна для большинства постиндустриальных развитых стран, и дальнейшие исследования должны подтвердить или опровергнуть данное предположение. Установлению твердых горизонтальных связей, способствующих развитию гражданского общества, препятствуют проблемы, связанные с падением уровня жизни, и данное обстоятельство, в свою очередь, выступает в качестве барьера, не позволяющего общественному мнению сфокусировать свое внимание на более специфических, но не менее важных общественных проблемах.

Литература

- Архипова, Е.Б. Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России / Е.Б. Архипова, О.И. Бородкина // *Социология науки и технологий*. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 116–134. – <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-4-116-134>. – EDN QETOEN.
- Афанасьева, Ю.С. Деятельность некоммерческих организаций в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы / Ю.С. Афанасьева // *Вестник Института мировых цивилизаций*. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 42–46. – EDN EFSMXU.
- Зотов, В.Б. Участие некоммерческих организаций в оказании социальных услуг населению / В.Б. Зотов, И.В. Милькина // *Муниципальная академия*. – 2020. – № 1. – С. 10–19. – EDN JGQVIX.
- Старшинова, А.В. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики / А.В. Старшинова, О.И. Бородкина // *Журнал исследований социальной политики*. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 411–428. – <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428>. – EDN SWOTCP.
- Профессиональная идентичность и мотивация работы в НКО. Презентация исследования // Агентство социальной информации. – 2022. – URL: <https://asi.org.ru/work/professionalnaya-identichnost-i-motivacziya-raboty-v-nko/>.
- Guo, C. Speaking and being heard: How nonprofit advocacy organizations gain attention on social media / C. Guo, G.D. Saxton // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2018. – Vol. 47, № 1. – P. 5–26.
- Lecy, J.D. Nonprofit sector growth and density: Testing theories of government support / J.D. Lecy, D.M. Van Slyke // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 2020. – Vol 30, № 1. – P. 30–45. <https://doi.org/10.1177/089976401771372410.1093/jopart/muz023>.

References

- Afanasyeva Y.S. Activity of non-profit organizations in the conditions of digital transformation: problems and prospects. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy = Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2022; 13(1): 42–46. (In Russ.)
- Arkhipova E. B. Problems and contradictions of digital transformation of social services in Russia. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy = Sociology of Science and Technology*. 2021; 12(4): 116–134. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-4-116-134>. (In Russ.)
- Guo C., Saxton G.D. Speaking and being heard: How nonprofit advocacy organizations gain attention on social media. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2018; 47(1): 5–26.
- Lecy J.D., Van Slyke D.M. Nonprofit sector growth and density: Testing theories of government support. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2020; 30(1): 30–45. <https://doi.org/10.1177/089976401771372410.1093/jopart/muz023>.
- Professional identity and motivation to work in NPOs. Presentation of the study. *Agency for Social Information*. Available at: <https://asi.org.ru/work/professionalnaya-identichnost-i-motivacziya-raboty-v-nko/> (In Russ.)

Starshinova A.V., Borodkina O.I. NPO activity in the sphere of social services: public expectations and regional practices. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Research*. 2020; 18(3): 411–428. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428>. (In Russ.)

Zotov V.B. Participation of non-profit organizations in the provision of social services to the population. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*. 2020; 1: 10–19. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 10.03.2025

Дата окончания рецензирования: 14.04.2025

Дата принятия к публикации: 18.04.2025

Информация об авторе

Понамарев Александр Борисович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalvarus94@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ponamarev Alexander Borisovich – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, South-Russian Institute of Management of RANEPА, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalvarus94@gmail.com

The author has no conflict of interests to declare

ДИСКУССИОННАЯ
Трибуна

Научная статья

УДК 316.334.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.10>

EDN DIMIKE

**Бюджетное и премиальное российское вино:
анализ стратегий позиционирования****Людмила В. Клименко¹**

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: lvklimenko@sfedu.ru

Дарья Д. Кривошеева-Медянцева²

²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: darkr@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время российский винный рынок активно трансформируется. В условиях постоянно меняющихся экономических и институционально-правовых условий российские производители не только сталкиваются с ограничениями, но и получают новые возможности для развития своих брендов и продвижения отечественных вин на внутреннем рынке.

Методы. В данной статье проводится сравнительный анализ визуальной коммуникации и стратегий позиционирования винных брендов Юга России в разных ценовых сегментах. Методы – контент-анализ и дискурс-анализ информации, размещенной на официальных сайтах винодельческих предприятий и фронтальных этикетках винных бутылок. Выборку составили 290 линеек российских вин Краснодарского края, Крыма и Ростовской области в трех ценовых сегментах: базовом (до 600 руб.), среднем (от 600 до 1500 руб.) и премиальном (дороже 1500 руб.).

Результаты и их обсуждение. Исследование выявило наличие связи между использованием русского и иностранных языков на фронтальных этикетках и стоимостью вина. Премиальные вина винодельческих предприятий Крыма и Краснодарского края часто носят иностранные названия, что проявляется в брендах, логотипах и языке написания сорта и региона происхождения винограда. Это указывает на ориентацию производителей Крыма, Севастополя и Краснодарского края на глобальные и зарубежные стратегии при позиционировании более дорогих вин. В Ростовской области, независимо от ценовой категории, используются русскоязычные названия, что свидетельствует о доминировании местной стратегии позиционирования.

Ключевые слова: российское вино; стратегии позиционирования; ценовое сегментирование; бренд-коммуникация.

Для цитирования: Клименко Л.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2025). Бюджетное и премиальное российское вино: анализ стратегий позиционирования. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), с. 136–147. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.10>.

Analyzing positioning strategies for basic and premium Russian wines**Lyudmila V. Klimenko¹**

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: lvklimenko@sfedu.ru

Daria D. Krivosheeva-Medyantseva²

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: darkr@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The Russian wine market is currently undergoing significant transformation. Amidst rapidly changing economic, institutional, and legal settings, Russian wine producers face various challenges. However, these changes also present new opportunities for Russian wine producers to develop their brands and enhance the promotion of local wines within the domestic market.

Methods. This article examines the visual communication and positioning strategies of wine brands from Southern Russia across various price segments through a comparative analysis. The study employs content analysis and discourse analysis of information found on the official websites of wineries and the front labels of wine bottles. The sample includes 290 collections of Russian wines from the Krasnodar region, Crimea, and Rostov region, categorized into three price segments: basic (up to 600 ₺), medium (600 to 1500 ₺), and premium (over 1500 ₺).

Results and its discussion. The findings reveal a correlation between the language used on wine bottle labels and the price of the wine. Premium wines from Crimea and the Krasnodar region often feature foreign names, with key attributes such as brand, logo, grape variety, and region of origin presented in English or other foreign languages. This suggests that producers in Crimea, Sevastopol, and the Krasnodar region are inclined towards global positioning strategies for higher-priced wines. In contrast, producers in the Rostov region predominantly use Russian-language names across all price categories, indicating a preference for local positioning strategies.

Keywords: Russian wine; positioning strategies; price segmentation; brand communication.

For citation: *Klimenko L.V., Krivosheeva-Medyantseva D.D.* (2025). Analyzing positioning strategies for basic and premium Russian wines. *Caucasian Science Bridge*, 8 (1), p. 136–147. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.1.10>.

Введение

На российском рынке сложилась ситуация, при которой существует экономический запрос и институциональные условия для наращивания производства отечественного вина. Несмотря на то, что в валовом эквиваленте Россия, по данным Международной организации по виноградарству и виноделию (OIV), в 2023 г. находилась на 7-м месте в мире по потреблению вина и на 6-м по импорту (Country Statistics..., 2023), продажи и подушевое потребление этого напитка на сегодняшний день в разы уступают пиву и крепким алкогольным напиткам (Основные показатели..., 2024). Это ассоциировано с рядом факторов: во-первых, с относительно высокой ценой вина, во-вторых, с меньшей его доступностью, в-третьих, с дефицитом знаний о вине в целом и российском виноделии в частности. Отечественные производители не могут полностью удовлетворить внутренний спрос, особенно после законодательного ограничения использования импортного виноматериала при производстве вина (по Федеральному закону «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» от 27.12.2019 № 468-ФЗ с июня 2020 г. продукт, сделанный из импортного виноматериала, считается винным напитком, а не вином, и бутылка маркируется надписью «не является вином»). В 2023 г. потребление вина в России превышало его производство в 1,88 раза (Country Statistics..., 2023). Кроме того, зарубежные вина стали менее доступными в связи с повышением импортных пошлин (Постановление Правительства..., 2022) и санкционными ограничениями.

Российский винный рынок находится на стадии формирования и характеризуется высокой динамичностью: каждый год появляются новые винодельческие хозяйства, при этом существующие игроки рынка могут его неожиданно покинуть. Постоянно меняющиеся институционально-правовые и экономические условия вынуждают производителей вина проявлять адаптивность и изобретательность, что нередко выражается в смене логотипов, наименований вин и визуального оформления бутылок.

Ситуацию осложняет и то, что российский потребитель слабо разбирается в региональных производителях вина, среди населения лояльность к отечественным винным брендам невысока. Деконструкция стереотипа о невысоком качестве российских вин требует целенаправленной работы по развитию винной культуры массового потребителя (ориентации на региональные терруары, автохтонные сорта винограда, отечественные традиции виноделия). Кроме того, сами производители в продвижении отечественных винных брендов чаще всего используют глобальные и

зарубежные стратегии позиционирования (иностранные названия и технологии, зарубежные энологи и пр.) (Alden, 1999; Alden, 2006; Chakravorti, 2021), что не способствует узнаваемости брендов и повышению лояльности (Клименко, 2024).

Обзор литературы. Выбор, покупка и потребление вина во многих случаях предполагают наличие специальных знаний и потребительской компетентности в сфере виноделия. Исследователи отмечают, что восприятие риска неправильного выбора является важной стороной процесса принятия решения о покупке вина (Lai, 2019; Mueller, 2008). Специальные знания, так же как и прошлый опыт потребления вина, позволяют снижать риск, связанный с «неправильным» выбором. При наличии дефицита знаний о вине цена часто становится индикатором качества (Lai, 2019). И если речь идет о менее осведомленных покупателях, стратегией по снижению риска может стать тщательное изучение визуальных характеристик продукта, а именно бутылки и этикеток (Boudreaux, 2007; Message on a bottle..., 2010). Значимость внешних атрибутов бутылки вина становится очевидной, это связано с тем, что большинство характеристик продукта (таких как вкус и аромат), по сути, скрыто за упаковкой (Laeng, 2016).

Понимание критериев выбора вина важно для производителей и дистрибьюторов, особенно учитывая тот факт, что в случае с вином цена не всегда выступает основным критерием для принятия решения о покупке. Вино – это *experience good*, товар, характеристики которого скрыты до момента собственно потребления (Ali, 2007). Покупатель, особенно новичок-любитель, неизбежно сталкивается с асимметрией информации и не до конца осознает все свойства приобретаемого продукта (Rossetto, 2018). Для производителей и продавцов «товаров опыта» особое значение приобретают неценовые механизмы продвижения на рынке, а именно информационные сигналы и репутация (Ali, 2007). Исследователи в разных странах не приходят к единому мнению о том, что действительно определяет потребительский выбор вина. Полученные результаты являются гетерогенными и варьируются от страны к стране.

Выделяют внешние (*extrinsic*) и внутренние (*intrinsic*) характеристики вина как продукта (MacDonald, 2013; Rossetto, 2018; Trindade-Carlos, 2019). Принимая решение о покупке вина, потребитель может опираться и на те, и на другие. Внутренними или изначально присущими характеристиками вина являются: сорт винограда, год урожая, продолжительность выдержки, особенности производства, уровень сахара и содержание спирта. От внешних или сторонних факторов качество и вкус вина напрямую не зависят, среди внешних характеристик можно назвать страну происхождения, бренд, сертификацию, награды, цену, а также свойства упаковки – форму и цвет бутылки, систему укупорки (натуральная пробка, винт, пластик, наличие или отсутствие воска и др.), дизайн фронтальной и задней этикеток.

В ряде исследований о факторах, влияющих на потребительский выбор вина, страна или регион происхождения стали основным критерием покупки (Madureira, 2013; Mueller, 2010). Еще одним значимым фактором при выборе вина является прошлый потребительский опыт и знание бренда (Consumer preferences..., 2012; Goodman, 2009; Lockshin, 2012; Mueller, 2010; The consumer trail..., 2016; Trindade-Carlos, 2019). Внутренне присущие характеристики, такие как сорт винограда, год урожая, выдержка, содержание алкоголя и производственные особенности, имеют меньшее значение. Одним из наиболее важных критериев выбора также является цена вина (MacDonald, 2013; Message on a bottle..., 2010; Mueller, 2010).

Исследования влияния атрибутов, связанных с дизайном бутылки, демонстрируют противоречивые результаты. Некоторые авторы отстаивают относительную важность дизайна бутылки по сравнению с другими характеристиками (Elliot, 2012;

Jarvis, 2010; Message in a bottle..., 2023). Однако большинство исследователей пришло к выводу, что иные внутренние и внешние атрибуты определяют потребительский выбор (Trindade-Carlos, 2019).

Традиционно винная этикетка делится на фронтальную и контрэтикетку. Фронтальная этикетка чаще всего содержит информацию о сорте винограда, географии происхождения вина, типе напитка и уровне сахара/алкоголя (Looking behind eye-catching design..., 2021; Message on a bottle..., 2010; Thomas, 2003). Контрэтикетка служит источником дополнительной информации, может описывать вкус и аромат напитка, информацию о производстве, рекомендации об эногастрономических сочетаниях. Даже материал, из которого сделана этикетка, является элементом дизайна и может служить информационным сигналом для потребителя (Looking behind eye-catching design..., 2021), например, позволяя идентифицировать премиальные позиции вина. Фронтальная этикетка, хотя и содержит меньше информации, все же играет большую роль, чем контрэтикетка, в принятии решения о покупке вина (Thomas, 2003).

Элементы дизайна этикетки подразделяют на визуальные и информационные (Message in a bottle..., 2023). Визуальные элементы включают форму, размер и графику этикетки; информационные элементы – это текст фронтальной и задней этикеток. Исследование Chamorro et al. (2021) демонстрирует, что этикетка имеет наибольшее влияние на потребительский выбор. Именно фронтальная этикетка служит первым и основным средством коммуникации производителя вина с его потребителями (Procidano, 2021).

В данной статье проводится сравнительный анализ визуальной коммуникации и стратегий позиционирования винных брендов Юга России в разрезе разных ценовых сегментов. Анализ позволит увидеть слабые и сильные стороны сложившихся практик продвижения российских производителей, а также позволит наметить перспективы повышения узнаваемости и лояльности к региональным маркам вина.

Методы и эмпирическая база исследования

Характер позиционирования винодельческих брендов Юга России можно разделить на три типа стратегий – глобальную, зарубежную или местную. Для идентификации стратегий позиционирования нами был разработан конструкт, включающий язык и визуальное описание традиций и технологий производства вина, указание винодела/энолога на официальных сайтах винодельческих предприятий. В рамках данной статьи остановимся на анализе языка визуальной коммуникации, который представлен такими элементами, как название бренда, сорта винограда / стиля вина, терруара, логотипа в целом на фронтальных этикетках (табл. 1).

Таблица 1

Конструкт анализа стратегий позиционирования винодельческих брендов

Язык	Стратегии позиционирования		
	глобальная	зарубежная	местная
Написание бренда	Английский	Французский/итальянский/испанский/грузинский и пр. / калька на русском иностранных слов	Русский
Произношение бренда	Английский / переведенное название с оригинальным произношением		
Название бренда	Англоязычное		

Исследование проводилось в феврале–апреле 2023 г. Применяемые методы – контент-анализ и дискурс-анализ информации, размещенной на официальных сайтах винодельческих предприятий и фронтальных этикетках винных бутылок. Выборку исследования составили 290 линеек вина, производимых 49 предприятиями Юга России (Краснодарского края, Крыма и Севастополя и Ростовской области). Винные коллекции попадали в выборку исследования по следующим критериям: 1) место нахождения винодельческого предприятия – Южный федеральный округ; 2) представленность винного производителя в авторском гиде А. Саркисяна «Российские вина» 2021–2022 гг. (в авторский гид Артура Саркисяна попали российские винодельческие предприятия и частные хозяйства, вина которых заслужили у экспертного сообщества оценку не менее 85 баллов по международной 100-балльной шкале; сборник был выбран в качестве основы для составления выборки нашего исследования, поскольку отобранные в нем винодельческие предприятия, согласно мнению экспертов российской винной отрасли, могут произвести конкурентоспособный продукт достаточно высокого качества); 3) наличие у винодельни собственного сайта; 4) представленность винной линейки в ритейле; 5) визуальная однородность фронтальных этикеток (фейсингов) внутри одной линейки (коллекции).

В процессе анализа результатов исследования весь массив наблюдений был сегментирован на ценовые сегменты исходя из стоимости бутылки вина (по состоянию на 2023 г.): 1) базовый сегмент до 600 руб.), 2) средний сегмент (от 600 до 1500 руб.), 3) премиум-сегмент (выше 1500 руб.).

Результаты исследования

В предшествующих публикациях нами было показано, что общим трендом в позиционировании винных брендов Краснодарского края и Крымского региона является опора на глобальные и зарубежные стратегии, тогда как среди производителей Ростовской области доминирует местная стратегия позиционирования (Клименко, 2024).

В свою очередь, сравнительный анализ ценовых стратегий позиционирования показывает, что крымские виноделы чаще используют русский язык в названии бренда в базовом и среднем сегменте (от 58 до 69% наблюдений). Для брендов премиального сегмента крымских вин характерно использование английского или другого иностранного языка в 73% случаев. Что касается винных брендов Краснодарского края, то иностранный язык доминирует в названиях брендов базового сегмента (51%) и наблюдается в 46% анализируемых винных брендов среднего ценового сегмента. Премиальные вина из Краснодарского края носят иностранные названия примерно в трети случаев (35%), и в одной пятой наблюдений язык написания бренда смешанный. В Ростовской области на фоне преимущественного использования местной стратегии позиционирования отличия в ценовых сегментах менее выражены, но также в случае премиального вина в пятой доле случаев встречаются названия со смешением русского и иностранного языков (рис. 1).

В написании сорта винограда на фронтальных этикетках в большинстве случаев используется русский язык во всех рассматриваемых территориальных группах. В премиальном виноделии Крыма производители тяготеют к написанию сорта винограда на английском языке (в 51% случаев), для Краснодарского края процент упоминаний сорта на английском значительно ниже (26% наблюдений). Также краснодарские виноделы нередко используют языки других европейских стран в указании сорта винограда на бутылках вина базового и среднего сегмента. В среднем и премиальном ценовых сегментах вин Ростовской области используется только русский язык (рис. 2).

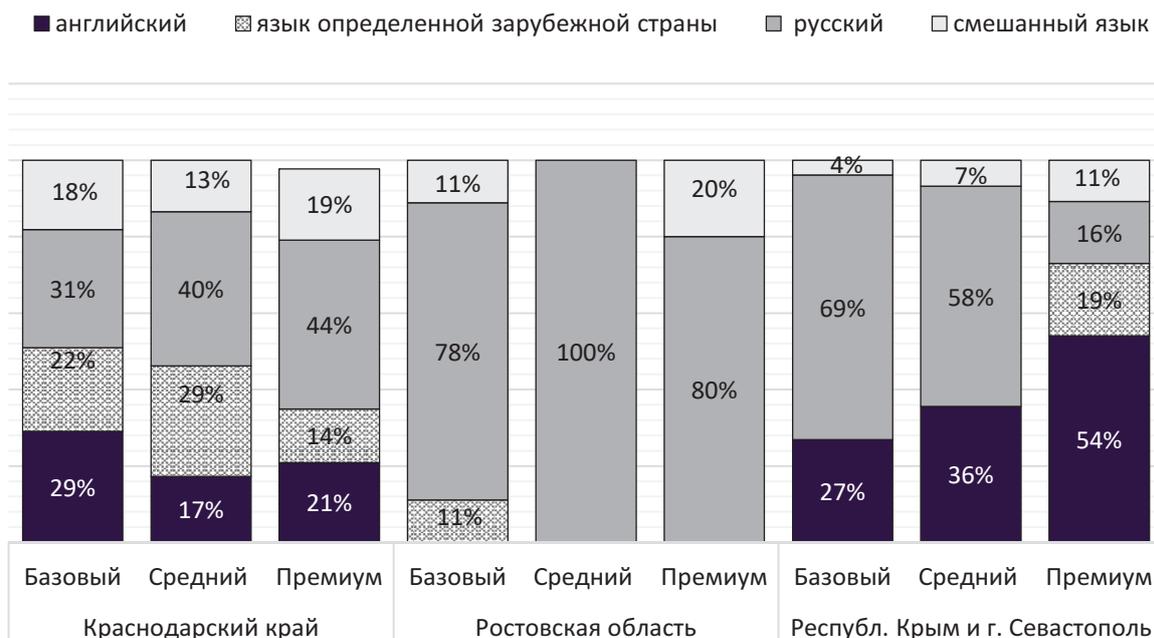

Рисунок 1. Язык написания бренда на фронтальных этикетках вина

Рисунок 2. Язык написания сорта винограда на фронтальных этикетках вина

Сравнительный анализ написания терруара на фронтальных этикетках вина демонстрирует следующие результаты: в исследуемых регионах русский язык доминирует в написании региона происхождения винограда во всех ценовых сегментах; вместе с тем производители Краснодарского края воздерживаются от указания терруара (региона происхождения винограда) в 40% случаев среднего ценового сегмента вин и в 56% случаев для премиальных вин, что свидетельствует о нежелании производителей заострять внимание на российском происхождении винограда (и вина) в среднем и премиальном ценовых сегментах; для Ростовской области сохраняется преобладание местной стратегии позиционирования, английских или других ино-

странных транслитераций терруара долины Дона не идентифицируется; для винных производителей Крыма и Севастополя также характерно придерживаться русского языка при указании терруара для базового и среднего сегментов вин, однако при написании региона происхождения премиальных крымских вин в 38% случаев наблюдалось использование английского языка (рис. 3).

■ нет данных □ смешанный язык ■ русский ▨ язык определенной зарубежной страны ■ английский

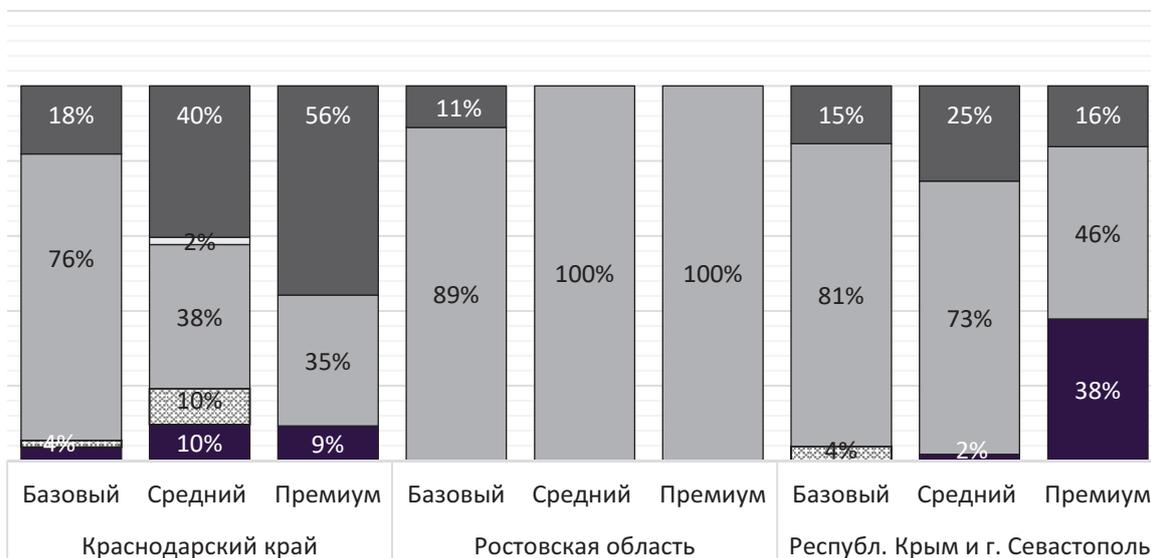

Рисунок 3. Язык написания терруара на фронтальных этикетках вина

Что касается языка, используемого в изображении логотипа вина, то мы видим общее преобладание смешанных вариантов написания и иностранных языков среди виноделен Краснодарского края независимо от стоимости их продукции. В Ростовской области наблюдаются преимущественно русскоязычные обозначения во всех ценовых сегментах. А в Республике Крым и Севастополе уже отчетливее связь между использованием иностранных названий и стоимостью винодельческой продукции (рис. 4).

□ смешанный язык ■ русский ▨ язык определенной зарубежной страны ■ английский

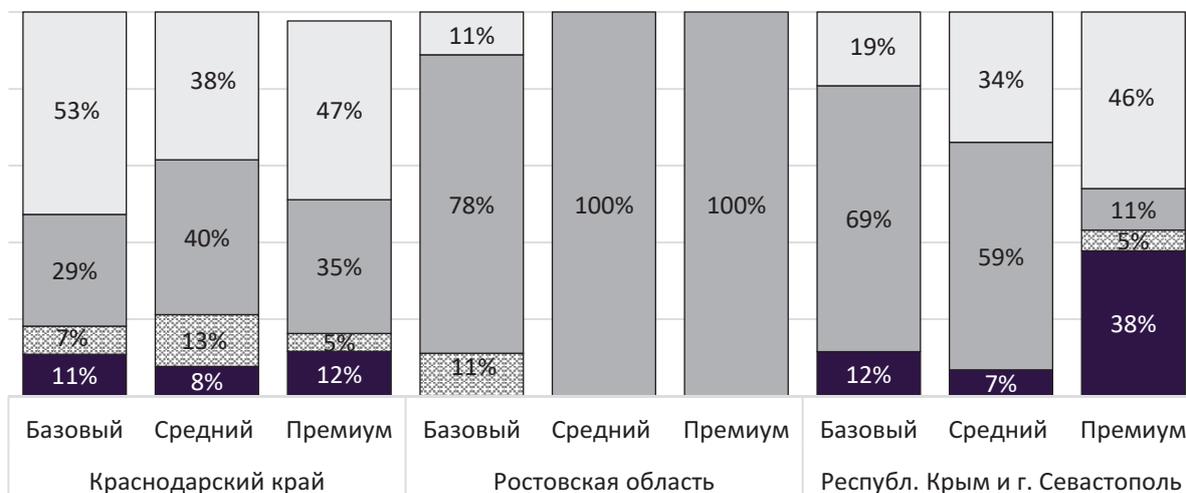

Рисунок 4. Язык, используемый в логотипе/изображении на фронтальной этикетке вина

Анализ фронтальных этикеток без регионального деления показал, что в целом при написании бренда в базовом и среднем сегментах примерно в половине случаев используется русский язык, в премиальном сегменте чаще, чем в других, встречаются названия брендов на английском или других иностранных языках. Что касается языка написания сорта, то русский язык доминирует в базовом и среднем сегментах (70 и 66% соответственно), в премиальном сегменте сорт винограда в половине случаев указывается на русском языке, и в 41% наблюдений – на английском или другом иностранном языке. При упоминании местности происхождения винограда на винной этикетке опять же в базовом и среднем сегментах наблюдается доминирование русского языка (79 и 59% соответственно), в премиальном сегменте примерно в одной пятой случаев название терруара указывается на английском языке, а в 44% наблюдений – на русском. При этом в 35% случаев регион происхождения винограда на фронтальных этикетках российских премиальных вин не указывается (табл. 2).

Таблица 2

Сводные данные по ценовым сегментам без регионального деления (%)

Ценовой сегмент	Язык написания бренда				Язык написания сорта				Язык написания терруара				Язык изображения фронтальной этикетки, логотипа			
	английский	другой иностранный	русский	смешанный	английский	другой иностранный	русский	смешанный	английский	другой иностранный	русский	смешанный	английский	другой иностранный	русский	смешанный
Базовый	26	14	47	13	13	9	70	7	2	2	79	0	10	6	46	39
Средний	26	13	52	9	19	9	66	3	5	4	59	1	7	6	53	34
Премиум	34	15	34	15	35	6	49	2	21	0	44	0	22	5	28	44

Примечание: сумма процентов наблюдений по столбцам «язык написания сорта» и «язык написания терруара» не равна 100%, так как в ряде случаев на винных фронтальных этикетках отсутствовали эти данные.

Обсуждение результатов

Дизайн упаковки является отправной точкой в коммуникации винного производителя и потребителя, стоящего перед полками, где представлены сотни бутылок с похожими свойствами. Более того, во многих культурах вино – напиток, который включает в себе множество смыслов и контекстов, и именно бутылка вина становится участником особых социальных ритуалов (Laeng, 2016; Message in a bottle..., 2023). Таким образом, с точки зрения маркетинга вина упаковка и этикетка оказывают неоспоримое влияние и являются неотъемлемой и фундаментальной частью процесса потребления вина (Rocchi, 2006; The impact packaging type..., 2021; Trindade-Carlos, 2019).

Результаты данного исследования демонстрируют частично проявляющуюся связь между использованием русского и иностранных языков на фронтальных этикетках и стоимостью вина. В премиальных винах краснодарских и крымских виноделов чаще используются иностранные названия в написании бренда и логотипе, а также в указании сорта винограда, что свидетельствует о более выраженной ори-

ентации на глобальные и зарубежные стратегии позиционирования в продвижении более дорогих вин. В Ростовской области независимо от ценовой сегментации используются русскоязычные названия и, следовательно, местная стратегия позиционирования.

В сложившихся социально-экономических условиях необходимо уделять большее внимание построению идентичности и продвижению уникальных региональных брендов вина, формированию лояльности к местному виноделию. Несмотря на изменившиеся институционально-правовые условия, когда отечественные производители должны использовать российский виноград для того, чтобы называть свою продукцию вином, и ограничения в сфере импорта, многие виноделы Юга России продолжают опираться на иностранные названия, делать отсылки к традициям и технологиям зарубежного виноделия, особенно в случае премиальной продукции, и тем самым поддерживать потребительский паттерн о более высоком качестве зарубежного вина по сравнению с отечественным.

Литература

- Клименко, Л.В. Виноделие на Юге России: барьеры развития и стратегии позиционирования / Л.В. Клименко, Д.Д. Кривошеева-Медянцева // *Управленец*. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 97–111. – <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-1-7>. – EDN: XBHRWV.
- Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции в 2021–2023 годах: стат. сб. // Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками. – 2024. – URL: https://fsrar.gov.ru/files/31436_статсборник%20_2021-2023.pdf.
- Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации» от 07.12.2022 № 2240 // КонсультантПлюс. – 2022. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433828/.
- Alden, D.L. Brand positioning through advertising in Asia, North America, and Europe: The role of global consumer culture / D.L. Alden, J.B.E.M. Steenkamp, R. Batra // *Journal of Marketing*. – 1999. – Vol. 63, № 1. – P. 75–87. – <https://doi.org/10.1177/002224299906300106>.
- Alden, D.L. Consumer attitudes toward marketplace globalization: Structure, antecedents and consequences / D.L. Alden, J.B.E.M. Steenkamp, R. Batra // *International Journal of Research in Marketing*. – 2006. – Vol. 23, № 3. – P. 227–239. – <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2006.01.01>.
- Ali, H.H. The pricing of experience goods the example of en primeur wine / H.H. Ali, C. Nauges // *American Journal of Agricultural Economics*. – 2007. – Vol. 89, № 1. – P. 91–103. – <https://doi.org/10.1111/j.1467-8276.2007.00965.x>.
- Boudreaux, C.A. A charming little Cabernet Effects of wine label design on purchase intent and brand personality / C.A. Boudreaux, S.E. Palmer // *International Journal of Wine Marketing*. – 2007. – Vol. 19, № 3. – P. 170–186. – <http://doi.org/10.1108/17511060710817212>.
- Chakravorti, S. Wine consumer culture positioning. Case of the global success of Yellow Tail and Casillero Del Diablo / S. Chakravorti // *Association of Marketing Theory and Practice Proceedings*. – 2021. – № 8. – https://digitalcommons.georgiasouthern.edu/amp-proceedings_2021/8.
- Chamorro, A. Study on the importance of wine bottle design on consumer choices / A. Chamorro, J.M. García-Gallego, H. da C. Trindade-Carlos // *British Food Journal*. – 2021. – Vol. 123, № 2. – P. 577–593. – <https://doi.org/10.1108/BFJ-03-2020-0244>.
- Consumer preferences for wine applying best-worst scaling a Spanish case study / R. Bernabéu, M. Diaz, R. Olivas, M. Olmeda // *British Food Journal*. – 2012. – Vol. 114, № 9. – P. 1228–1250. – <https://doi.org/10.1108/00070701211258790>.
- Country Statistics. What we do // International Organisation of Vine and Wine. – 2023. – URL: <https://www.oiv.int/what-we-do/country-report?oiv>.
- Elliot, S. Wine label design and personality preferences of millennials / S. Elliot, J.E. Barth // *Journal of Product & Brand Management*. – 2012. – Vol. 21, № 3. – P. 183–191. – <https://doi.org/10.1108/10610421211228801>.
- Goodman, S. An international comparison of retail consumer wine choice / S. Goodman // *International Journal of Wine Marketing*. – 2009. – Vol. 21, № 1. – P. 41–49. – <https://doi.org/10.1108/17511060910948026>.
- Jarvis, W. A latent analysis of images and words in wine choice / W. Jarvis, S. Mueller, K. Chiong // *Australasian Marketing Journal*. – 2010. – Vol. 18, № 3. – P. 138–144. – <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2010.05.001>.

- Laeng, B. Wine labels: An eye-tracking and pupillometry study / B. Laeng, T. Suegami, S. Aminihajibashi // *International Journal of Wine Marketing*. – 2016. – Vol. 28, № 4. – P. 327–348. – <https://doi.org/10.1108/IJWBR-03-2016-0009>.
- Lai, M.B. Consumer behavior toward wine products / M.B. Lai // *Case Studies in the Wine Industry*. – 2019. – P. 33–46. – <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100944-4.00003-3>.
- Lockshin, L. Consumer behaviour for wine 2.0: A review since 2003 and future directions / L. Lockshin, A.M. Corsi // *Wine Economics and Policy*. – 2012. – Vol. 1, № 1. – P. 2–23. – <https://doi.org/10.1016/j.wep.2012.11.003>.
- Looking behind eye-catching design: An eye-tracking study on wine bottle design preference / P. Merdian, P. Piroth, E. Rueger-Muck, G. Raab // *International Journal of Wine Marketing*. – 2021. – Vol. 33, № 1. – P. 134–151. – <https://doi.org/10.1108/IJWBR-07-2019-0044>.
- MacDonald, J.B. Wine choice and drivers of consumption explored in relation to generational cohorts and methodology / J.B. MacDonald, A.J. Saliba, J. Bruwer // *Journal of Retailing and Consumer Services*. – 2013. – Vol. 20, № 3. – P. 349–357. – <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2013.01.013>.
- Madureira, T. C. Relevant attributes of Portuguese wines: matching regions and consumer's involvement level / T.C. Madureira, F. J. Nunes // *International Journal of Wine Marketing*. – 2013. – Vol. 25, № 1. – P. 75–86. – <https://doi.org/10.1108/17511061311317318>.
- Message in a bottle: An exploratory study on the role of wine-bottle design in capturing consumer attention / E. Ozturk, B. Kilic, E. Cubero Dudinskaya [et al.] // *Beverages*. – 2023. – Vol. 9, № 2. – P. 36. – <https://doi.org/10.3390/beverages9020036>.
- Message on a bottle: The relative influence of wine back label information on wine choice / S. Mueller, L. Lockshin, Y. Saltman, J. Blanford // *Food Quality and Preference*. – 2010. – Vol. 21, № 1. – P. 22–32. – <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2009.07.004>.
- Mueller, S. The relationship between wine liking, subjective and objective wine knowledge: Does it matter who is your 'consumer' sample? / S. Mueller, L. Francis, L. Lockshin // 4th International Conference of the Academy of Wine Business Research. – Siena, 2008. – URL: http://academyofwinebusiness.com/wp-content/uploads/2010/04/The-relationship-between-wine-liking_paper.pdf.
- Mueller, S. The relative influence of packaging, labelling, branding and sensory attributes on liking and purchase intent: Consumers differ in their responsiveness / S. Mueller, G. Szolnoki // *Food Quality and Preference*. – 2010. – Vol. 21, № 7. – P. 774–783. – <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2010.07.011>.
- Procidano, I. Consumers' perception of Prosecco wine packaging: a pilot study in Padua and Milan / I. Procidano, M. Valentini, C. Mauracher // *An International Journal on Agricultural and Food Systems*. – 2021. – Vol. 23, № 1. – P. 1–23. – <https://doi.org/10.3280/ecag1-2021oa11546>.
- Rocchi, B. Consumers' perception of wine packaging: a case study / B. Rocchi, G. Stefani // *International Journal of Wine Marketing*. – 2006. – Vol. 18, № 1. – P. 33–44. – <https://doi.org/10.1108/09547540610657669>.
- Rossetto, L. Retail strategies for rosé wines in Italy: a hedonic price analysis / L. Rossetto, L. Galletto // *International Journal of Wine Marketing*. – 2019. – Vol. 31, № 3. – P. 282–302. – <https://doi.org/10.1108/IJWBR-03-2018-0013>.
- The consumer trail: Applying best-worst scaling to classical wine attributes / F. Nunes, T. Madureira, J.V. Oliveira, H. Madureira // *Wine Economics and Policy*. – 2016. – Vol. 5, № 2. – P. 78–86. – <https://doi.org/10.1016/j.wep.2016.10.002>.
- The impact packaging type has on the flavor of wine / K.A. Thompson-Witrick, E.R. Pitts, J.L. Nemenyi, D. Budner // *Beverages*. – 2021. – Vol. 7, № 2. – P. 36. – <https://doi.org/10.3390/beverages7020036>.
- Thomas, A. The importance of wine label information / A. Thomas, G. Pickering // *International Journal of Wine Marketing*. – 2003. – Vol. 15, № 2. – P. 58–74. – <https://doi.org/10.1108/eb008757>.
- Trindade-Carlos, H. da C. What Portuguese consumers care about when buying wine How important is the design of the bottle / H. da C. Trindade-Carlos, A. Chamorro-Mera, J.M. García-Gallego // *Ciência e Técnica Vitivinícola*. – 2019. – Vol. 34, № 1. – P. 25–35. – <https://doi.org/10.1051/ctv/20193401025>.

References

- Alden D.L., Steenkamp J.B.E.M., Batra R. Brand positioning through advertising in Asia, North America, and Europe: The role of global consumer culture. *Journal of Marketing*. 1999;63(1):75–87. <https://doi.org/10.1177/002224299906300106>.
- Alden D.L., Steenkamp J.B.E.M., Batra R. Consumer attitudes toward marketplace globalization: Structure, antecedents and consequences. *International Journal of Research in Marketing*. 2006;23(3):227–239. <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2006.01.01>.
- Ali H.H., Nauges C. The pricing of experience goods: the example of en primeur wine. *American Journal of Agricultural Economics*. 2007;89(1):91–103. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8276.2007.00965.x>.
- Bernabéu R., Diaz M., Olivas R., Olmeda M. Consumer preferences for wine applying best-worst scaling: a Spanish case study. *British Food Journal*. 2012;114(9):1228–1250. <https://doi.org/10.1108/00070701211258790>.

- Boudreaux C.A., Palmer S.E. A charming little Cabernet: Effects of wine label design on purchase intent and brand personality. *International Journal of Wine Marketing*. 2007;19(3):170–186. <http://doi.org/10.1108/17511060710817212>.
- Chakravorti S. Wine consumer culture positioning: Case of the global success of Yellow Tail and Casillero Del Diablo. *Association of Marketing Theory and Practice Proceedings*. 2021;8. https://digitalcommons.georgiasouthern.edu/amp-proceedings_2021/8.
- Chamorro A., García-Gallego J. M., Trindade-Carlos H. da C. Study on the importance of wine bottle design on consumer choices. *British Food Journal*. 2021;123(2):577–593. <https://doi.org/10.1108/BFJ-03-2020-0244>.
- Country Statistics. What we do. *International Organization of Vine and Wine*. 2023. Available at: <https://www.oiv.int/what-we-do/country-report?oiv>.
- Decree of the Government of the Russian Federation dated December 7, 2022 No. 2240 “On the approval of import customs duty rates for certain goods originating from countries and territories taking measures that violate the economic interests of the Russian Federation”. *ConsultantPlus*. 2022. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433828/.
- Elliot S., Barth J.E. Wine label design and personality preferences of millennials. *Journal of Product & Brand Management*. 2012;21(3):183–191. <https://doi.org/10.1108/10610421211228801>.
- Goodman S. An international comparison of retail consumer wine choice. *International journal of wine business research*. 2009;21(1):41–49. <https://doi.org/10.1108/17511060910948026>.
- Jarvis W., Mueller S., Chiong K. A latent analysis of images and words in wine choice. *Australasian Marketing Journal*. 2010;18(3):138–144. <https://doi:10.1016/j.ausmj.2010.05.001>.
- Key indicators characterizing the alcohol market in 2021–2023: Statistical compendium. *Federal Service for Alcohol and Tobacco Market Control*. 2024. Available at: https://fsrar.gov.ru/files/31436_статсборник%20_2021-2023.pdf. (In Russ.)
- Klimenko L.V., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Winemaking in Southern Russia: Barriers to development and positioning strategies. *Upravlenets = The Manager*. 2024;15(1):97–111. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-1-7>. (In Russ.)
- Laeng B., Suegami T., Aminihajibashi S. Wine labels: An eye-tracking and pupillometry study. *International Journal of Wine Marketing*. 2016;28(4):327–348. <https://doi.org/10.1108/IJWBR-03-2016-0009>.
- Lai M.B. Consumer behavior toward wine products. *Case Studies in the Wine Industry*, 2019;33–46. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100944-4.00003-3>.
- Lockshin L., Corsi A.M. Consumer behaviour for wine 2.0: A review since 2003 and future directions. *Wine Economics and Policy*. 2012;1(1):2–23. <https://doi.org/10.1016/j.wep.2012.11.003>.
- MacDonald J.B., Saliba A.J., Bruwer J. Wine choice and drivers of consumption explored in relation to generational cohorts and methodology. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2013;20(3):349–357. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2013.01.013>.
- Madureira T.C., Nunes F.J. Relevant attributes of Portuguese wines: matching regions and consumer’s involvement level. *International Journal of Wine Marketing*. 2013;25(1):75–86. <https://doi.org/10.1108/17511061311317318>.
- Merdian P., Piroth P., Rueger-Muck E., Raab G. Looking behind eye-catching design: An eye-tracking study on wine bottle design preference. *International Journal of Wine Marketing*. 2021;33(1):134–151. <https://doi.org/10.1108/IJWBR-07-2019-0044>.
- Mueller S., Szolnoki G. The relative influence of packaging, labelling, branding and sensory attributes on liking and purchase intent: Consumers differ in their responsiveness. *Food Quality and Preference*. 2010; 21(7): 774–783. <https://doi:10.1016/j.foodqual.2010.07.011>.
- Mueller S., Francis L., Lockshin L. The relationship between wine liking, subjective and objective wine knowledge: Does it matter who is your ‘consumer’ sample? *4th International Conference of the Academy of Wine Business Research*. Siena; 2008. Available at: http://academyofwinebusiness.com/wp-content/uploads/2010/04/The-relationship-between-wine-liking_paper.pdf.
- Mueller S., Lockshin L., Saltman Y., Blanford J. Message on a bottle: The relative influence of wine back label information on wine choice. *Food Quality and Preference*. 2010;21(1):22–32. <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2009.07.004>.
- Nunes F., Madureira T., Oliveira J.V., Madureira H. The consumer trail: Applying best-worst scaling to classical wine attributes. *Wine Economics and Policy*. 2016;5(2):78–86. <https://doi.org/10.1016/j.wep.2016.10.002>.
- Ozturk E., Kilic B., Cubero Dudinskaya E. et al. Message in a bottle: An exploratory study on the role of wine-bottle design in capturing consumer Attention. *Beverages*. 2023;9(2):36. <https://doi.org/10.3390/beverages9020036>.
- Procidano I., Valentini M., Mauracher C. Consumers’ perception of Prosecco wine packaging: a pilot study in Padua and Milan. *An International Journal on Agricultural and Food Systems*. 2021;23(1):1–23. <https://doi.org/10.3280/ecag1-2021oa11546>.

- Rocchi B., Stefani G. Consumers' perception of wine packaging: a case study. *International Journal of Wine Marketing*. 2006;18(1):33–44. <https://doi.org/10.1108/09547540610657669>.
- Rossetto L., Galletto L. Retail strategies for rosé wines in Italy: a hedonic price analysis. *International Journal of Wine Marketing*. 2019;31(3):282–302. <https://doi.org/10.1108/IJWBR-03-2018-0013>.
- Thomas A., Pickering G. The importance of wine label information. *International Journal of Wine Marketing*. 2003; 15(2): 58–74. <https://doi.org/10.1108/eb008757>.
- Thompson-Witrick K.A., Pitts E.R., Nemenyi J.L., Budner D. The impact packaging type has on the flavor of wine. *Beverages*. 2021;7(2):36. <https://doi.org/10.3390/beverages7020036>.
- Trindade-Carlos H. da C., Chamorro-Mera A., García-Gallego J.M. What Portuguese consumers care about when buying wine. How important is the design of the bottle? *Ciência e Técnica Vitivinícola = Viticultural Science and Technology*. 2019;34(1):25–35. <https://doi.org/10.1051/ctv/20193401025>.

Дата получения рукописи: 23.02.2025

Дата окончания рецензирования: 06.04.2025

Дата принятия к публикации: 10.04.2025

Информация об авторах

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и регионального управления, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: lvklimenko@sfedu.ru

Кривошеева-Медянцева Дарья Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, экономический факультет, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: darkr@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sciences in Sociology, Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Management, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lvklimenko@sfedu.ru

Krivosheeva-Medyantseva Daria Dmitrievna – Candidate of Sciences in Economy, Associate Professor of the Department of Human Resource Management, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: darkr@sfedu.ru

The authors have no conflict of interest to declare

Информация для авторов

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет деление на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц* и *рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a, b, c* (*a, b, c*), выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*a*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. *На все источники в тексте должны быть даны ссылки.*

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключения составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно:* все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в *списке литературы* размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и дату доступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту VGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNA.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRB.

Четыре автора:

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memorem. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис. ... канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города креативные практики конструирования: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQNBVB.

Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTAS RAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.).

Диссертация, автореферат диссертации

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p.

Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference.* St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов¹,¹Университет, город, страна, e-mailПетр П. Петров²² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывається актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.